

HISTORIA ROSSICA

ARCHIVALIA RUSSICA

**АЛЕКСАНДР
ФОН ГУМБОЛЬДТ
ЭКСПЕДИЦИЯ
В РОССИЮ
ОТ НЕВЫ ДО АЛТАЯ**

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Annotation

В 1829 году по приглашению императора Николая I знаменитый немецкий естествоиспытатель Александр фон Гумбольдт организовал экспедицию по Европейской части России, а также по Сибири вплоть до границы с Китаем. Путешествуя по империи, Гумбольдт, несмотря на постоянный надзор и запрет говорить на общественные темы, стремился зафиксировать российскую политическую реальность. В его трудах критика репрессивных институтов империи содержится в виде зашифрованных намеков, зато в корреспонденции ученый делится своими впечатлениями куда более откровенно. Книга Оливера Любриха составлена из дорожных писем Гумбольдта министру финансов Канкрину, брату Вильгельму и другу-математику Араго, в нее также включены записки Густава Розе, спутника Гумбольдта. Письма дают яркое представление о драматических обстоятельствах экспедиции и сложном положении самого Гумбольдта, вынужденного заниматься наукой в условиях политической цензуры и выбирать между рискованным вольнодумством и компрометирующим молчанием.

-
- [Александр фон Гумбольдт. Экспедиция в Россию. от Невы до Алтая](#)
 -
 - [ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА](#)
 - [ЭКСПЕДИЦИЯ В РОССИЮ](#)
 - [ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА](#)
 - [Оливер Любрих](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)

- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)

- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)

- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)

- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)

- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)

- [193](#)
 - [194](#)
 - [195](#)
 - [196](#)
 - [197](#)
 - [198](#)
 - [199](#)
 - [200](#)
 - [201](#)
 - [202](#)
 - [203](#)
 - [204](#)
 - [205](#)
 - [206](#)
 - [207](#)
 - [208](#)
 - [209](#)
 - [210](#)
 - [211](#)
 - [212](#)
 - [213](#)
 - [214](#)
 - [215](#)
 - [216](#)
 - [217](#)
 - [218](#)
 - [219](#)
 - [220](#)
 - [221](#)
 - [222](#)
 - [223](#)
 - [224](#)
-

Александр фон Гумбольдт. Экспедиция в Россию. от Невы до Алтая

УДК 94(47+57)«1829»

ББК 63.3(2)521.1-686

Г94

Редактор проекта Archivalia Rossica:

Д. А. Сдвижков (Германский исторический институт в Москве)

Оливер Любрих (редактор)

Перевод с немецкого Д. А. Сдвижкова

Комментарии О. Любриха, Е. Г. Неклюдова, Д. А. Сдвижкова

А. фон Гумбольдт. Экспедиция в Россию: от Невы до Алтая. – М.: Новое литературное обозрение, 2023. – (Серия «Archivalia Rossica»).

В 1829 году по приглашению императора Николая I знаменитый немецкий естествоиспытатель Александр фон Гумбольдт организовал экспедицию по Европейской части России, а также по Сибири вплоть до границы с Китаем. Путешествуя по империи, Гумбольдт, несмотря на постоянный надзор и запрет говорить на общественные темы, стремился зафиксировать российскую политическую реальность. В его трудах критика репрессивных институтов империи содержится в виде зашифрованных намеков, зато в корреспонденции ученый делится своими впечатлениями куда более откровенно. Книга Оливера Любриха составлена из дорожных писем Гумбольдта министру финансов Канкрину, брату Вильгельму и другу-математику Араго, в нее также включены записки Густава Розе, спутника Гумбольдта. Письма дают яркое представление о драматических обстоятельствах экспедиции и сложном положении самого Гумбольдта, вынужденного заниматься наукой в условиях политической цензуры и выбирать между рискованным вольнодумством и компрометирующим молчанием.

В оформлении обложки использованы: Портрет Александра фон Гумбольдта, худ. Йозеф Карл Штилер, 1843. Фонд прусских дворцов и садов Берлина – Бранденбурга. Карта горных хребтов и вулканов Центральной Азии из кн. A. von Humboldt, *Asie centrale. Recherches sur les chaînes de montagnes et la climatologie comparée*, vol. 1–3. Paris 1843.

ISBN 978-5-4448-2301-0

Originally published as «Die Russland-Expedition»
from «Alexander von Humboldt: Zentral-Asien.

Das Reisewerk zur Expedition von 1829, hrsg. von Oliver Lubrich,
S. IX–CCVIII».

Copyright © 2009 S. Fischer Verlag GmbH, Frankfurt am Main

© Д. А. Сдвижков, перевод с немецкого, 2023

© О. Любрих, Е. Г. Неклюдов, Д. А. Сдвижков, комментарии, 2023

© Д. Черногаев, дизайн обложки, 2023

© ООО «Новое литературное обозрение», 2023

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Путешествие Александра фон Гумбольдта в Европейскую Россию и Сибирь представлено в этой книге в виде монтажа разных документальных источников. Они передают голос двух действующих лиц – Александра фон Гумбольдта (письма) и его спутника по путешествию Густава Розе (описание путешествия). В свою очередь, письма Гумбольдта подразделяются по своей манере на официальные и частные, поскольку он состоял во время экспедиции в переписке с двумя группами лиц: с одной стороны, это министр финансов России граф Георг фон (Егор Францевич) Канкрин, который взял на себя расходы по проекту, его жена и прусский посланник в Петербурге генерал барон фон Шёлер; с другой стороны – брат Вильгельм в Берлине и друг Франсуа Араго в Париже. Автор и адресат обозначаются следующим образом:

Канкрину – Александр фон Гумбольдт – графу Канкрину

Графине Канкриной – Александр фон Гумбольдт – графине Екатерине Захаровне Канкриной

Шёлеру – Александр фон Гумбольдт – барону Фридриху фон Шёлеру

Араго – Александр фон Гумбольдт – Франсуа Араго

Розе – Густав Розе. Путешествие на Урал, Алтай и к Каспийскому морю

Орфография и пунктуация соответствуют приведенным изданиям. Сокращения в тексте обозначены многоточием (за исключением опущенных сносок и ссылок на страницы). Подчеркивание и выделение переданы курсивом.

Компиляция выдержек из писем Александра фон Гумбольдта во время путешествия по России 1829 г. и описания этого путешествия минералогом Густавом Розе приводится по изданию: Alexander von Humboldt. Zentral-Asien. Untersuchungen zu den Gebirgsketten und zur vergleichenden Klimatologie. Hrsg. von Oliver Lubrich. Frankfurt a. M., 2009. S. IX–CCVIII с любезного разрешения издательства S. Fischer.

К РОССИЙСКОМУ ИЗДАНИЮ

Выражаем особую благодарность за научную редакцию перевода на русский язык главному научному сотруднику Института истории и археологии Уральского отделения РАН Евгению Георгиевичу Неклюдову. Он также является автором части комментариев, которые включены в настоящее издание дополнительно к немецкому тексту. Авторы остальных комментариев – Оливер Любрих и Денис Анатольевич Сдвижков.

ПОЯСНЕНИЯ К УПОТРЕБЛЯЕМЫМ ЕДИНИЦАМ МЕР^[1]

Локоть – длина предплечья
Морская сажень – 6 футов
Фут, английский – 30,48 см
Фут, парижский – 32,48 см
Копейка, денежная единица России, – 1/100 рубля
Кельнская марка, единица массы, – 233,85 г
Лахтер, единица длины в горном деле, – сажень, длина вытянутых в стороны рук
Миля (лье), французская, – 4452 м
Фунт, единица веса, – до 1858 г. единого стандарта не было
Пуд, русская единица массы, – 16,38 кг
Рубль, денежная единица России, – 100 копеек
Шаг, немецкая единица длины, – 70–80 см
Золотник, русская единица массы, – 4,27 г
Туаз, французская мера длины, – 1,95 м
Ведро, русская мера объема, – 12,3 л
Верста, русская мера длины, – 1066,8 м
Дюйм (pouce), французская мера длины, – ок. 2,7 см

ПОЯСНЕНИЯ К КАЛЕНДАРНЫМ ДАТАМ

Старый стиль: юлианский календарь (действующий в России до 1918 г.)

Новый стиль: григорианский календарь (действующий в Пруссии и Западной Европе)

В 1829 г. разница составляла 12 дней, таким образом, 18 мая «нового стиля» соответствовало 6 мая «старого стиля».

ЭКСПЕДИЦИЯ В РОССИЮ

Розе

Чтобы познакомить читателя с тем, что стало побудительной причиной для нашей экспедиции, я включу здесь с разрешения г-на фон Гумбольдта следующее из исторического введения к еще не напечатанному «Дневнику астрономических и магнитных наблюдений»:

«Полагаю, что самым достойным способом выразить благодарность, питаемую мной к высочайшей особе монарха, по приказу которого я предпринял и совершил путешествие в азиатскую Россию, станет сам мой рассказ о том, чему было обязано это путешествие, и о том, с какими благими мотивами и щедростью были предложены средства для достижения научных целей.

Летом 1827 г., вскоре после моего возвращения в отечество после долгого пребывания во Франции, государственный министр финансов Российской империи г-н граф Канкрин^[2] предложил мне изложить ему соображения о преимуществах платиновой монеты из уральских месторождений, которая вскоре должна была быть введена в оборот, и о законодательном установлении соотношения ее стоимости с двумя прочими благородными металлами. Еще ранее испанское правительство официально запрашивало меня о соображениях на тот же счет. Кроме того, во время Венского конгресса собравшимся монархам поступило предложение от частных лиц о чеканке монеты из американской платины, которая принималась бы всеми государственными казначействами. Опасения, которые в 1827 г. я выразил в этой связи графу Канкрину, по многолетнему опыту, при очень умеренной эмиссии платиновой монеты и большой протяженности империи, не оправдались, и я рад подтвердить это здесь. В то же время обсуждение без обиняков важного для национальной экономики вопроса ничуть не поколебало выраженное мне почетное доверие. Мне достаточно было едва упомянуть в переписке, что я надеюсь, насколько это позволит моя ситуация,

посетить летом Урал, геологическое строение которого, очевидно, дает много параллелей для сравнения с горной цепью Анд в Новой Кордове^[3]. И уже 5 (17) декабря 1827 г. г-н министр финансов, неустанно способствующий появлению все новых научных предприятий и институтов, известил меня о высочайшем повелении Е. И. В. Николая I. Согласно ему, моя дальняя поездка должна была быть тщательно подготовлена и осуществляться исключительно за счет средств российского двора. Это известие пробудило во мне вновь прежнюю врожденную тягу к путешествиям. Но как бы я ни был счастлив вновь пересечь столь обширное пространство сухопутным путем, я все же не мог воспользоваться этим замечательным предложением, нисколько не умалявшим притом моей свободы, немедленно – ибо прежде должен был закончить зимой-весной 1828 г. свои публичные лекции о физическом мироописании.

Просьба об отсрочке была немедленно принята, и 8 (20) марта 1828 г. граф Канкрин известил меня о собственноручной конфирмации Е. И. В. того, что из моих собственных соображений я волен перенести экспедицию на Урал и в Тобольск на 1829 г., а также взять с собой в качестве сопровождающих ученых коллег профессоров Эренберга^[4] и Г. Розе^[5]. На мое усмотрение оставлялось также, захочу ли я в последующем посетить также Арарат и прочие южные территории России. Г-н министр финансов с трогательной заботливостью принял самые действенные меры для обеспечения безопасности и скорости предпринимаемой поездки. Отдельная присланная мне зимой 1829 г. незадолго до отъезда из Берлина промемория включала в себя определения об уже изготовленных для экспедиции повозках, числе почтовых лошадей на станциях (обычно от 15 до 20), выборе фельдъегеря или курьера, о просторных квартирах, которые должны были быть везде в готовности, о воинском сопровождении там, где оно требовалось по близости границы, и т. п. Нас должен был сопровождать замечательный чиновник горного ведомства, равно владевший двумя языками, немецким и французским. Считаю приятным долгом выразить здесь публично свою признательность этому нашему проводнику, г-ну обер-гиттенфервальтеру, а ныне берг-гауптману Меньшенину^[6].

Упомянутая промемория заканчивалась знаменательными словами: то, в каком направлении и с какими целями будет

предпринято путешествие, оставляется на Ваше усмотрение; правительство заинтересовано лишь в поддержке науки. Насколько возможно, способствуйте развитию горного дела и промышленной активности России. Не могу умолчать о подобных благородных побуждениях, которые и были реализованы на всем протяжении поездки в 14 500 верст (более 2000 географических миль), уже потому, что они отрадным образом характеризуют эпоху, в которой мы живем. Благоволение, оказываемое незаметной деятельностью одного человека, снисходит до него с высоты науки. Оно служит живым выражением внимания, которое державный монарх оказывает развитию знания и благотворному влиянию этого знания на благосостояние народов. Среди многочисленных знаков расположения, которыми я обязан императору Николаю I, особенно важно для меня упомянуть о предложении новой поездки, сделанном мне по распоряжению Его Величества 14 (26) февраля 1831 г., то есть спустя всего 16 месяцев после возвращения с Каспийского моря. Мне предоставлялось на выбор посетить лишь Финляндию, либо, если я предпочту юг, Кавказ. Это распоряжение, которому, к сожалению, я не смог последовать, дало мне повод думать, что устремления моих друзей и мои собственные удостоены милостей, которые мы можем хоть отчасти оправдать лишь должным приложением всех наших сил».

Это написано г-ном Гумбольдтом.

Розе

Сибирскую экспедицию я проделал при самых благоприятных обстоятельствах, какие только возможны при преодолении столь обширных территорий восточной Европы и северной Азии. Везде прилагались самые действенные усилия для возможно более скорого передвижения; на всех шахтах и металлургических заводах нас ожидали, вскоре по прибытии знакомили со всем достойным внимания, на осмотрах нас по возможности сопровождали служащие предприятий. Таким образом никакое время не было потрачено впустую, мы могли познакомиться со всеми предметами гораздо быстрее, чем было бы возможно при иных обстоятельствах. За краткий срок, менее чем шесть месяцев^[7], мы пересекли Урал почти на шесть

градусов широты от Богословска^[8] до Орска и Алтай от Барнаула до монгольско-китайской границы на Иртыше. Мы посетили Астрахань и Каспийское море. В то же время из-за высокого темпа, который требовался для этой поездки, чтобы не быть застигнутыми зимой, нельзя было провести сопутствующие геологические исследования, и мы должны были удовольствоваться общим обзором.

Розе

Мы, то есть г-н фон Гумбольдт, г-н Эренберг и я, отправились из Берлина 12 апреля 1829 г. в двух экипажах, поскольку поездка по северной Азии требовала наличия под рукой астрономических и физических инструментов, книг и приспособлений для химических опытов и сбора коллекций по естественной истории. Отъезд был назначен вначале на более позднюю дату, а именно начало мая, однако его ускорило известие о том, что в это время Его Величество император России уже должен уехать из Петербурга для коронации в Варшаву.

В Берлине уже давно установилась теплая весенняя погода, так что мы надеялись добраться без остановки до Петербурга. Однако вскоре мы поняли, что выбрали для такого северного путешествия наихудшее время. Уже на следующий день нас застиг снег, из-за таяния которого дороги раскисли. А позднее мы столкнулись с неудобством, что на всех реках на нашем пути был ледоход. В каждом случае приходилось его пережидать, так что наше путешествие чрезвычайно затянулось.

Однако в первые дни все эти тяготы нам еще не досаждали. Большое шоссе, ведущее в Кенигсберг, снег не особенно испортил, а в Диршау, куда мы прибыли утром 14-го, Вислу мы нашли уже 8 дней как очистившейся ото льда и смогли без остановки пересечь ее на пароме. Вода стояла еще высоко, в низменностях около Данцига она прорвала дюны, причинив большой ущерб. Через две мили мы переправились через второй рукав Вислы, Ногат, по ту сторону которого находится Мариенбург. Несколько часов мы с интересом осматривали старый замок немецких рыцарей, который восстановлен ныне в первоначальном виде. За Мариенбургом и до Эльбинга мы

снова обнаружили всю местность по обе стороны дороги затопленной настолько, что на поверхность залившей все воды почти ничего не выступало.

15-го утром мы достигли Кенигсберга и провели там два приятных дня, возобновляя старые знакомства и завязывая новые.

Вильгельму ^[9]

Кенигсберг, 5 (17) апреля 1829 г

Мое путешествие, дорогой брат, протекает легко и счастливо. Мы прибыли сюда вчера в 8 утра, после того как ехали четыре ночи подряд и напрасно прождали в Мариенбурге шесть часов обер-президента фон Шёна^[10]. Видимо, приехать из Мариенвердера ему помешало колоссальное наводнение. В Мариенбурге мы осмотрели все замечательное под руководством педантичного священника. Дорога из Берлина сюда в общем и целом была отличной, если не считать снега и ледяной корки на протяжении нескольких миль. Ехали мы достаточно быстро, так как часто перекусывали и должны были остановиться на три часа из-за скоб прикрученного (к повозке Эренберга) чемодана. Здесь я провожу все время с энергичным и любезным Бесселем^[11], на построенной тобой обсерватории, и не далее как сегодня утром вел с ним магнитные наблюдения. Вчера он пригласил к себе на обед всех ученых. Для подготовки к дальнейшему путешествию всю необходимую помощь мне оказывает дворцовый почтмейстер Пфютцер. Двинуться дальше я смогу только сегодня ночью: по сведениям из Мемеля, морской пролив очистят от уже ненадежного льда. Возможно, мы остановимся на последней станции косы, в Шварцорте, если в [Куршском] заливе еще будут большие льдины. Переезд через Вислу выдался совершенно безопасным. Здоровье мое великолепно, спутники замечательные, к четырем кубическим футам медикаментов Эренберга мы пока даже не притронулись. Нежно обнимаю тебя, дорогой брат, постоянно думаю о тебе и твоём будущем. Обними Каролинхен^[12] и Германа^[13] и напиши три строчки моему уважаемому другу генералу Вицлебену^[14], чтобы сообщить ему

о дате моего отъезда отсюда. Кроме Дерпта (на 1 день), я безусловно постараюсь нигде не задерживаться.

Розе

В четырех милях за Мемелем заканчивается Пруссия; первый пограничный город России – Поланген. Сюда уже давно поступило распоряжение министра финансов графа Канкринна о беспрепятственном пропуске нас. Так что получив подорожную – разрешение ехать на почтовых лошадях – мы смогли сразу продолжить наше путешествие. У деревни Шрунден вечером на следующий день мы переехали через Виндау [Венту]; лед уже прошел, но переправу чрезвычайно осложняли высокая вода и разбитый ледоходом берег. Нас также задержала на следующий день маленькая речка Швете [Свете]: хотя мост над ней остался целым, он поднимался над водой как остров посреди большого озера. Приятным сюрпризом в преодолении тяжелых дорог стало для нас гостеприимство г-на старосты фон дер Роппа из Паплакена (деревни между Тадайкеном и Обербартау), который послал нам со своим младшим сыном, славным мальчиком, угощение.

Переправа через реку Аа^[15] утром 24-го, несмотря на высокую воду, прошла хорошо, тяжелее было переехать около Риги Дюну,^[16] по которой еще шел лед. Повозки каждая по отдельности были погружены на большие лодки, которые на полных парусах обходили льдины. Рига с ее высокими фронтонами домов, узкими улочками и жизнью на них имеет вид ганзейского города. Уехать из Риги мы смогли лишь после обеда; мы проезжали через обширные крепостные сооружения и предместья – заново выстроенные, поскольку они сгорели при осаде 1812 года. Ночью мы благополучно перебравшись через небольшую речку Аа, а после того, уже не препятствуемые разлившимися реками, продолжили свой путь к Дерпту. Здесь мы испытали на себе скорость, с какой ездят в России. Г-н генерал фон Шёлер^[17] выслал нам навстречу из Петербурга курьера, который ожидал нас уже в Риге, а теперь, будучи впереди нас, брал лошадей на станциях. Таким образом, несмотря на очень дурные дороги, мы преодолели 239 верст от Риги до Дерпта за 33 часа. Мы были не

против проехать эту местность быстро: она неинтересная – песчаная и частично покрытая еловыми лесами.

Вильгельму

Нарва, 12 (29) апреля 1829 г

Сегодня, на 16-й день после нашего отъезда из Берлина, мы, дорогой и искренне любимый Вильгельм, все еще не в Петербурге, хотя и намеренно останавливались всего на два дня в Кенигсберге и день в Дерпте, а также постоянно едем ночью. Однако злосчастное свойство воды быть то в твердом, то в жидком состоянии нарушает все наши планы. Дороги сами по себе сносны, хотя начиная с Дерпта мы и видим вокруг себя все ужасы зимнего пейзажа – снег и лед, сколько хватает глаз. Но везде остановки у рек, на которых либо в полном разгаре ледоход, как на Дюне и Нарве (здесь), или берега так размыты, что передние колеса почти тонут в грязи и необходимо подвозить балки, чтобы крестьяне могли толкать повозки с отпряженными лошадьми через самые глубокие ямы. Все это, впрочем, обычные вещи для весны, в целом совершенно безопасные и которые ни на миг не портят нашего приподнятого настроения. Упоминаю я о таких препятствиях (до сего дня нас перевезли на паромах уже 17 раз) лишь затем, чтобы показать, что мы опаздываем с прибытием не по своей вине. В Мемеле мы были на блестящем и приятном обеде у богатого тайного почтового советника Гольдбека, принимали депутации от купечества и почести от первых лиц. У Паплакена около Митавы мы видели, как прекрасно одетые дамы скачут по мокрому полю, чтобы подобраться к нашему застрявшему в грязи экипажу. Мы полагали, это от веселья, охватившего жителей близлежащего замка при виде потерпевших крушение. Но вскоре дело разрешилось. Когда мы выбрались из грязи и проехали с четверть мили, нас на полном галопе нагнал лакей в богатой ливрее. Остановив экипаж и справившись обо мне, он вынул из футляра серебряный поднос, два небольших серебряных бокала и передал нам бутылку прекрасного венгерского вместе с коробкой настоящих французских конфитюров. Все это нам послал староста Паплакена, граф фон дер Ропп, «потому что его дамам

не удалось пригласить нас в замок». Едва ли можно более цивилизованным образом проявить свое гостеприимство. В Митаве мы слышали, что он родственник герцогини Курляндской и имеет у себя статую работы Торвальдсена^[18]. Сцену оформляла пашня с тремя березами и двумя соснами, в духе местности у Ораниенбургских ворот, которая с милой монотонностью тянется вот уже 200 миль в направлении северо-востока. Самое замечательное из того, что я видел среди всей этой антиприроды, – это [Куршская] коса, на которой мы провели четыре-пять дней, обнаружив пять раковин и три лишайника. Если бы Шинкелю^[19] слепить вместе пару кирпичей, учредить в этих заросших кустарником песчаных степях «Понедельничный клуб»^[20], кружок любителей искусства еврейских дам и академию, то ничто не мешало бы создать тут новый Берлин. Наблюдая на косе, как величественно солнце садится за море, я даже предпочел бы это новое творение старому. При этом, как ты знаешь, там говорят на чистом санскрите – литовском.

В Риге, где мы плыли по Дюне при попутном ветре против течения, столкнувшись с баркой Эренберга льдина нанесла пробоину, но уже близко от берега. Мы обедали там у прусского генерального консула Вёрманна^[21], который предложил нам целые тарелки свежей клубники, малины и винограда из своих оранжерей. Рига мне очень понравилась, она похожа на богатые ганзейские города.

О Дерпте и тамошних торжествах рассказывать утомительно. Университетский экипаж с четверкой лошадей, визиты профессоров с 8 утра до 9 вечера, безумно роскошный обед, который был дан нам от имени всего университета, со всеми приличествующими тостами. При этом, впрочем, и новая информация, интересные люди: Крузе^[22], Энгельгардт^[23] – геолог с Урала, Ледебур^[24], ботаник, побывавший на Алтае, Эшшольц^[25], спутник Шамиссо и замечательный зоолог, но прежде всего – Струве^[26] со своими двумя тысячами двойных звезд и замечательным телескопом. Метель, которая обрушилась на нас три дня назад, помешала всем астрономическим наблюдениям, но я после нескольких проб убедился, что при микрометрических измерениях погрешность не превышает тридцатой доли секунды!

В Риге мы нашли курьера, который ожидал меня уже четыре дня и который ныне едет перед нами. Это сообщает нам столь почтенный

вид, что за ночь с нас берут по 15–18 рублей серебром. Из-за плохих дорог вместо шести–восьми лошадей, которых мы брали до Кенигсберга, мы вынуждены теперь на оба экипажа брать двенадцать. Из-за этого удорожания вся поездка в одну сторону легко может выйти в 900 талеров (что все же на 900 талеров меньше, чем 1200 дукатов или 3927 талеров, выданных мне). Курьер утверждает, что за поездку с 400 лошадьми здесь берут 370–400 талеров. Мои экипажи до сих пор держались отлично. Ни один гвоздь не выпал, только раз лошадь разбила нам дышло. Зайферт^[27] показывает самую энергичную и добросовестную деятельность. Здоровье наше превосходно, все мы бодры и довольны. Надеюсь, ледоход позволит нам завтра перебраться через Нарву. Тогда, возможно, следующую ночь мы уже будем ночевать в Петербурге. Присланными в Риге письмами Шёлер любезно пригласил меня остановиться у него, поскольку квартира майора Туна свободна. Думаю, я приму его предложение. Император, к счастью, отъедет только 7 мая.

Розе

Уже со Стрельны, последней почтовой станции перед Петербургом, начинается непрерывный ряд прекраснейших летних вилл; затем вы проезжаете через большие и великолепные триумфальные ворота и несколько улиц, которые ведут к собственно заставе. Длинная и широкая улица переходит в другую, в дальнем конце ее сияет позолоченный шпиль башни Адмиралтейства. Мы повернули вправо и поехали вдоль широкого канала, Фонтанки, который разрезает полукругом южную часть города и красиво обрамлен набережными из тесаного гранита. Большие красивые дома по сторонам чередуются с дворцами; наконец, слева показывается похожий на крепость дворец императора Павла, а сразу за ним следует Летний сад. Мы следовали по широким улицам быстрой рысью в течение более чем часа, пока наконец не достигли Гагаринской улицы. Там расположен дом прусского посланника г-на генерал-лейтенанта фон Шёлера, который на правах старого друга горячо приветствовал г-на фон Гумбольдта. Шёлер – человек замечательного ума, живо

заинтересованный в успехе нашего научного предприятия, и мы обязаны ему самой искренней благодарностью.

Петербург производит на иностранца, даже видевшего до того другие большие города вроде Лондона и Парижа, ошеломляющее впечатление. Из угловой комнаты нашей квартиры открывался вид на Неву, к которой Гагаринская улица выходит под прямым углом. Река здесь представлялась почти необозримой ширины, поскольку как раз напротив от нее отделяется первый рукав Невы, Большая Невка, и течет на некотором протяжении в одном направлении с улицей. После некоторого отдыха еще в тот же день пополудни я не мог утерпеть, чтобы вместе со своим другом Эренбергом не сходить к Неве. Мощная большая река была еще полностью подо льдом; немного отступя от Невки, на лед через реку были положены доски, образуя таким образом мост до крепости на небольшом острове Невы, – мы посчитали его длину в 830 шагов. После этого мы продолжили наш путь вдоль красивых чистых гранитных набережных Невы. За колоссальной чугунной оградой с гранитными столбами, отделяющей от набережной Летний сад, следует Мраморный дворец, отделанный внизу гранитом, а сверху мрамором. Напротив него – башня крепости, завершающаяся позолоченным шпилем. Затем следует Эрмитаж, протяженный дворец с художественными коллекциями; непосредственно к нему примыкает величественный Зимний дворец, и наконец, затем через площадь – здание Адмиралтейства, оба крыла которого выходят к Неве и препятствуют дальнейшему проходу по набережной. Большая площадь между Зимним дворцом и Адмиралтейством переходит в другую, еще более обширную, на которую выходят главные фасады обоих этих зданий. Площадь была покрыта лавками, качелями, катальными горками и достопримечательностями всякого рода; мы с трудом протискивались через кольшущуюся толпу людей, которые с искренним весельем праздновали последние дни пасхальной недели. Нас привлекала новизна всех предметов, манера развлечений, сами русские с их бородами, длинными синими кафтанами и меховыми шапками; спустя продолжительное время мы двинулись дальше^[28].

Санкт-Петербург, [21 апреля] (3 мая) 1829 г

Вчера я написал несколько строк принцу В.[ильгельму]^[29] с благодарностью королю^[30] за его хвалебные рекомендации в адрес императорской семьи. Сегодня у меня в запасе совсем немного времени, чтобы лишь сообщить тебе, дорогой друг, что после устроенного всей академической корпорацией в Дерпте колоссального банкета, который мы должны были почтить своим присутствием, и полуторадневной остановки в Нарве, где мы должны были дожидаться схода льда, утром 1 мая мы благополучно прибыли к генералу Шёлеру. Он настаивал на том, чтобы поместить нас у себя, поскольку все помещения, занимаемые его супругой и майором Туном, были свободны. Из 18 дней мы провели в пути лишь 11, остальные потеряны, кроме дней в Кенигсберге и Дерпте, которые были очень плодотворны. В Риге нас четыре дня ожидал фельдъегерь, чтобы взять нам лошадей. С тех пор, как я здесь, император осыпал меня милостями и знаками внимания еще более, чем это можно было ожидать. Через день после моего приезда он поручил передать мне посетить его без всяких церемоний к трем часам дня. Он пригласил меня одного отобедать, всего на четыре прибора, с императрицей и г-жой Вильдермет^[31].

Император живо интересовался тобой, Гедеманом^[32] и сочувствовал понесенной нами потере^[33]. Императрица восхищалась замечательными качествами усопшей. В императорской семье царят милые доверительные отношения. За обедом на коленях у императора была его маленькая дочь. После трапезы он забрал меня, чтобы лично провести по всем великолепным чертогам Зимнего дворца; император сводил меня ко всем своим детям и показал замечательные виды на Неву, открывающиеся из разных окон.

2 мая был дан большой праздник у французского посла, где я встретил много своих знакомых. Меня чествовали повсюду; по распоряжению императора г-н Канкрин вручил мне 20 тысяч рублей вместо 10. Сегодня утром я вновь был при дворе, по случаю дня рождения императрицы. В часовне звучала замечательная музыка. Интерьер помещения еще более великолепен, чем Версаль. Императрица пригласила меня к себе и на сегодняшний вечер, в то же

время меня снова пригласили отобедать с императорской семьей. Не было никого из иностранцев, не приглашен даже Массов^[34]. У императора самые обходительные манеры: «Прежде всего должен поблагодарить Вас, что приняли мое приглашение; едва смел надеяться на это». Затем он поинтересовался, носит ли еще тюрбан [Фридрих фон] Ансильон^[35]. Я сказал ему, что его империя равна по пространству Луне. [В ответ]: «Если бы она была на три четверти менее, то управлялась бы более разумно». Ответчено со вкусом, как по мне. Сегодня он снова много говорил со мной о тебе и твоей семье. На Неве сегодня начался ледоход. Зима все еще настолько чувствительна, что г-н Канкрин собирается отпустить нас в путешествие лишь через 15–20 дней. Здоровье мое блестяще. Зайферт очень услужлив. Ни единого гвоздя на экипажах не сломано. Тысяча дружеских приветов. Обнимаю домочадцев*.

А. Гумбольдт

Вильгельму

Петербург, [28 апреля] (10 мая) 1829 г

Благодарю сердечно, дорогой брат, за твое любезное письмо, которое, однако, принесло печальное известие о смерти замечательного Эйхлера^[36]. Мало найдется известий, которые бы огорошили меня больше, чем это! Как рано он ушел! Да и Руст^[37] уже на пороге смерти, почти наперегонки с ней. Как меняются стремительным вихрем обстоятельства человека. Эйхлер был поистине другом семьи и дома, благородного характера и постоянства во мнениях. Так уходят лучшие. Мои успехи в здешнем обществе не передать словами. Все, что есть благородного и ученого, вращается вокруг меня. Едва ли возможно вообразить себе большее внимание и достойное гостеприимство. Почти каждый день я обедал в самом тесном кругу (на четыре персоны) с императорской семьей, каждый вечер в милом непосредственном общении у императрицы. Наследник престола дал мне обед, «чтобы можно было потом вспоминать о нем». Молодому великому князю велели попросить мой портрет, акварель,

которую должен исполнить художник Соколов^[38]. В Генеральном штабе военный министр Чернышев^[39] распорядился передать мне собрание всех изготовленных там карт. Каждый начальник департамента изъявлял свою готовность к услугам мне.

Заведения и коллекции и правда чрезвычайно богаты. Канкрин умен и энергичен. Экипажи очень хороши – каждый стоил правительству по 1200 наших талеров. Деньги везде предлагают как сено, желают предупредить каждое пожелание.

Полагаю, мы тронемся в путь 18 или 19 мая (все по новому стилю), потому что экипажи будут готовы только 16 мая, везде пока лежит снег и ни следа растительности. Надеемся добраться до Тобольска, Киргизской степи и Оренбурга. Шёлер разместил нас с большим удобством. Сам он, очевидно, отбудет еще до нас, около 15 мая, в Берлин. По поводу писем прошу тебя все их, включая те, которые адресованы Розе и Эренбергу (их обоих тут хорошо приняли), послать во франкированном конверте по адресу тайного придворного советника и почт-директора Гольдбека^[40] в Мемель. Он по моей просьбе перешлет их сюда русскому почт-директору Булгакову, который всегда знает, где мы находимся. Прошу лишь позволить мне оплатить расходы через твоих людей, в противном случае мне придется искать другие пути. Инструмент у Гамбе^[41] я заказал два года назад, и хотя теперь он мне не нужен, я все же должен за него заплатить. Поэтому прошу тебя, дорогой брат, выплатить по моему счету всю сумму в 2100 франков Гамбе в Париже через Мендельсона^[42]. Г-н Лео (агент Мендельсона в Париже) знает адрес Гамбе. Я имею довольно надежды перепродать теодолиты Гамбе здесь. Прошу тебя также возместить расходы на микроскоп по моему счету в должном порядке Мендельсону. Я уже писал тебе, как часто и с большой симпатией императорская семья поминает тебя, Гедемана и всех твоих дочерей. Сердечный привет дорогим домашним. С братской любовью и неизменной благодарностью, твой

Алекс. Гумбольдт

Адрес отныне следующий: фон Гумбольдту в Петербург, через Его Превосходительство г-на Булгакова^[43], государственного консула и обер-почт-директора

Вильгельму

Петербург, 7 (19) мая 1829 г

Твое любезное письмо из Тегеля от 6 мая в 1 час ночи сердечно тронуло меня, дорогой Вильгельм. За последние годы мы особенно душевно сблизились, так что все важное и нежное, исходящее из глубин твоего сердца, наполняет меня участием и трепетом. Я совершенно могу чувствовать твое нынешнее положение и очень хорошо понимаю, как перед лицом человеческих немощей и скуки общества самым завидным положением тебе должно казаться полное отрешение, и как (в самой гуще Парижа и Лондона) в тебе должна была развиться эта тяга к одиночеству. Тегель с его памятью об усопшей и свойственной ему атмосферой может дать тебе все, что ты можешь пожелать. Если останешься на зиму, а я, как предполагается, вернусь в ноябре благополучно обратно, то безусловно готов каждые две недели делить с тобой по несколько долгих ночей. Если видеть в природе не предмет исследований, а возвышенное, умиротворяющее и целительное для нашего духа, то самые обычные вещи – дуновение голубого неба, колеблющаяся поверхность воды, зелень деревьев – представляются единственно действенными силами. Того, что составляет индивидуальность местности, в таком состоянии духа следует избегать, это может даже мешать, когда тихое любование природой должно сопутствовать свободному ходу наших чувств и идей как бы неосознанно, незаметно.

Но и вполне одобряя твои планы затворничества в Тегеле, я бы желал, дорогой брат, по соображениям твоего столь драгоценного для нас здоровья, чтобы ты время от времени, ради научных ли задач или чтобы увидеться с находящимися вдалеке от тебя детьми, посещал Лондон (и Шотландию), Италию (Сицилию) или даже утихомирившиеся к тому времени Афины^[44].

Я до сих пор имел все основания быть довольным претворением своих планов. Благополучное исполнение их и любезность превзошли мои ожидания; о настоящем наслаждении же природой в столь однообразных землях, где сосновые леса тянутся, вероятно, вплоть до Азии и где любопытство удовлетворяют разве что языческие формы

(башкиры и грязные [черные/кара] киргизы)^[45], говорить не приходится. Помимо того, некоторая часть прочего удовольствия скрадывается самим гостеприимством, наплывом любопытствующих, постоянной необходимостью показывать себя. Меня таскали тут с 8 утра и вплоть до глубокой ночи из дома в дом, мне хочется вдохнуть воздуха свободы вдали от городов. Но подобные неудобства моего положения будут, конечно, преследовать меня повсюду. Чтобы несколько насладиться покоем, я с удовольствием отправился бы через Ярославль в Казань, не заезжая в Москву, но состояние дорог этого не позволяет. Несколько дней назад, переезжая через Неву, я, как капитан Парри^[46], оказался затертым во льдах, нигде нет еще и намека на зелень. Завтра мы отправляемся через Новгород и Москву (там теперь всего на 2 дня) в Казань, 28 мая старого стиля, Пермь, Екатеринбург, 9 июня. Оттуда на Северный Урал, Богословск, золотодобычу Тобольска^[47], затем обратно в Екатеринбург, 15 июля, потом Тобольск и через степь у Иртыша в Омск с его разнообразными связями с азиатскими народами, 1 августа. Потом обратно на южный Урал, Троицк, Златоуст с его цельными сапфировыми скалами, 20 августа. Вдоль киргизской степи в Оренбург, оттуда в соляные копи Илецка в степи, 2 сентября, через Уфу, Симбирск в Москву, 20 сентября, Петербург, 5 октября.

Итак, дорогой брат, живя своей тихой жизнью в Тегеле, ты можешь знать день за днем, где я нахожусь. Поскольку при твоём нынешнем состоянии духа твои письма ценны мне вдвойне, я повторю свою просьбу посылать их вместе с письмами супруги проф. Розе в одном пакете на мое имя, через тайного почтового советника Гольдбека в Мемель. Последний перешлет их сюда обер-почт-директору императорской почты Булгакову. Замечательный и чрезвычайно энергичный Зайферт также очень хотел бы, конечно, получить известие о разрешении от бремени своей жены. Сообщи мне, если ты узнаешь об этом раньше. А бедный ...^[48], что случилось с напыщенными обещаниями! Экипажи хороши, оба на рессорах; в общем, с курьером императорской почты (которого я предпочел фельдъегерю, это менее пафосно), чиновником горного ведомства гном Меншениным и поваром – три повозки и шестнадцать лошадей. Мне выдали здесь наличными вместо десяти тысяч двадцать тысяч рублей (франки) ассигнациями. Обо всех обхождениях при дворе я

тебе писал. Я виделся с императором по два раза на дню, иногда обедал совершенно один с г-ном и г-жой фон Вильдермет, что ни с кем не случается, а также в семейном кругу, в субботу, где присутствуют только первые придворные ранги...

Все министры, дипломаты давали обеды, речи в честь мою и спутников в [главном управлении] путей сообщения, по почину герцога В[юр]т[ембергского]^[49], tous les ennuis de la gloire^[50]. Повсюду наивысшая любезность и забота, особенно со стороны Канкрина. Он умен и свободен, но на улучшение наших условий торговли сподвигнуть его до сих не удается. Нет слов, чтобы выразить благодарность Шёлеру: он тих и приятен в своем доме, сегодня уезжает. Мы же еще останемся, чтобы посмотреть на установку одной из гранитных колонн Исаакиевской церкви (60 футов, из цельного блока) сегодня утром через полчаса! Сердечный привет Каролинхен, я вижу, что милый Гедеман еще не может часто быть у тебя. Обнимаю тебя с искренней, благодарной любовью. Привет Кунту^[51], обнимаю Адельхейдхен^[52].

А. Гумбольдт.

Барометры не разбились, все инструменты дошли в целости и сохранности.

Розе

Утром 20-го [мая] все приготовления к нашей поездке были закончены, мы могли выехать из Петербурга. Наше дорожное общество выросло: благодаря заботе г-на Канкрина в качестве гида и переводчика нас сопровождает русский офицер горного ведомства, г-н обер-гиттенфервальтер Меньшенин, в совершенстве владеющий французским и немного немецким языками. Кроме того, г-н фон Гумбольдт пригласил курьера, который должен будет брать на станциях лошадей и платить за них, и повара, необходимого при многочисленном дорожном обществе: ибо уже за Москвой трактиров не будет, а на почтовых станциях вне городов можно получить только лошадей и возможность остановиться в предназначенных для проезжающих комнатах и готовить себе еду на кухне дома, насколько это позволят обстоятельства. В городах состоятельные граждане

обязаны принимать проезжающих; при приезде в город обращаются к местному полицмейстеру, который отводит путешествующим квартиру, на которую падает очередь. В ней они получают не только жилье, но и справедливо прославленное сибирское гостеприимство, – во всяком случае, при владении русским языком и умении понравиться хозяевам. В нашем путешествии, предпринятом по распоряжению императора и посвященном выходящим за частные рамки целям, на огромном протяжении 14 500 верст (более 2 тысяч географических миль), сделанных нами, везде наилучшим образом заботились о лошадях и квартирах. При нашем прибытии, объявленном курьером, полицмейстер встречал нас, как правило, уже на заставе и сопровождал в определенную нам квартиру.

Одну предусмотрительную меру мы все же упустили: не обзавелись тюфяками, которые в России обыкновенно берутся в дорогу, поскольку в местах ночлега, как правило, нет кроватей, но или обтянутые кожей топчаны, или, столь же часто, лишь их деревянный каркас. Однако в Екатеринбурге этот недостаток был восполнен; наш багаж из-за этого увеличился в размерах, зато самая насущная необходимость была удовлетворена. [...]

Путь в Москву лежит по большой императорской дороге, почти везде совершенно прямой и необыкновенно широкой. По ширине она превосходит прусские шоссе примерно вдвое; при больших расстояниях в России это тем примечательнее, что за то же время и при тех же расходах можно было соорудить если не еще одно шоссе, то во всяком случае на треть увеличить протяжение существующих. С другой стороны, следует учесть, что в России от одной станции до другой почти всегда скачут галопом, а лошадей очень часто запрягают по четыре в ряд. Две крайние при этом привыкают отворачивать головы в сторону, так что для проезда им требуется существенное пространство. Дороги, таким образом, необходимо прокладывать такой ширины, чтобы на них могли удобно разойтись на галопе две упряжки в противоположные стороны. Но даже при этом ширина представляется чрезмерной. На станциях размещаются прекрасно – а на некоторых даже роскошно – обставленные почтовые отделения. Они особо помечены в печатных путеводителях, так что путешественник, предпочитающий комфорт и хороший стол, может соответственно этому подобрать маршрут.

Розе

За час до прибытия в Москву дорога проходит мимо Петровского дворца, замечательного тем, что во время Московского пожара в нем останавливался Наполеон. После отступления император повелел сжечь дворец, ныне он отстроен вновь.

Вид, открывающийся на Москву уже издалека, приводил в восхищение всех путешественников. Бесконечное количество башен, частью с позолоченными или выкрашенными зеленым куполами, частью в форме минаретов, множество садов и деревьев между домами придают городу совершенно восточный вид. Лучше всего Москву обозревать с Ивана Великого в Кремле, составляющем центр города [...]

В Кремле располагаются старый царский дворец, множество соборов и монастырей, старый и новый Арсенал и ряд других казенных сооружений. Он окружен толстой и высокой стеной, представляющей собой неправильный многоугольник с расположенными по углам башнями. Вокруг стены вместо прежних валов тянется прекрасная и широкая аллея [...]

Башен в Москве необыкновенно много, так как в каждой церкви их несколько, и притом еще колокольня. В общем таких башен насчитывается около 600. Они, как и в целом церковные башни в России, имеют своеобразный облик, обыкновенно заканчиваясь шпилем, за которым следует дополнение луковичной формы, а на ней крест. Эти луковичные главки покрыты жстью, окрашенной в зеленый цвет, или медными листами, но на соборах Кремля они ярко вызолочены. Кроме того, на их завершениях – наклоненный одной стороной вверх полумесяц, и только после него уже крест.

Вильгельму

Москва, 14 (26) мая 1829 г

Пишу эти строки, дорогой брат, чтобы лишь подтвердить тебе, что мы в конце концов все-таки смогли отказаться от капуанских нег^[53].

Уже два дня мы находимся здесь; принимаем почести от всех в городе, имеющих ранг и имя, и у меня едва нашлось время ночью, чтобы сказать тебе, что мое здоровье превосходно, что начинает показываться зелень, что наши три экипажа в отличном состоянии, что у нас нет сопровождающих, кроме горного чиновника г-на Меньшенина, что наш Фишер^[54] со своими пятью детьми теперь Его Превосходительство, имеет выезд четверкой и получает всего 7000 франков пенсии. Он любезен и мил, но болтлив и тщеславен, как Лодер^[55].

Завтра у нас еще один большой обед (речи, стихи...), который дают высшие чиновники, а послезавтра отъезжаем в Казань. Я тоскую по горам. Постоянное представление себя публике (суровая необходимость из-за моего положения и благородного гостеприимства страны) становится тяжелым грузом. Этот прекрасный город уже по большей части потерял свою оригинальность, но Кремль по-прежнему чрезвычайно интересен. Архитектурный стиль Москвы охарактеризовать непросто. Общие слова «византийский», «готический» едва ли к нему подходят. В Москве есть пирамидообразные башни с этажами, как в Индии и на Яве. Прощай, дорогой друг. Своими мыслями я постоянно с тобой и с твоим одиночеством. С любовью обнимаю тебя. Скажи Миле^[56], что у Зайферта все отлично. Тысяча приветов Гедеману, Каролинхен, Кунту...

А. Гумбольдт.

Канкрину

Москва, 14 (26) мая 1829 г

Ваше Превосходительство,

Разрешите воспользоваться отъездом г-на фон Хамеля^[57] этой ночью, чтобы сообщить Вам о себе и о нашей благодарности за все свидетельства отличия и благоволения, которые Вы щедро уделите мне и моим спутникам во время нашего прекрасного пребывания в Петербурге. Наше путешествие протекало удобно и благополучно. Да

и могло ли быть иначе при той заботе, которую Вы уделили этому предприятию? С г-ном Меншениным мы пребываем в наилучшем согласии; он неизменно любезен и деятелен. Мы провели полдня на Валдайской возвышенности, объезжая ее с барометром. Высший гребень водораздела имеет высоту около 800 футов над уровнем моря. Вашему Превосходительству известно, что южный склон полог и что Московское плато снова поднимается на уровень 740 футов.

Я не буду говорить Вам обо всех знаках отличия, оказанных мне в университете и лучшими людьми города. Завтра мы еще должны остаться здесь из-за большого праздничного обеда. Послезавтра утром мы точно отправляемся дальше, – меня влекут голубой воздух и горы! Меня чрезвычайно заинтересовал древний дух этого города, который, к сожалению, все более стирается. Кремль – это целый исторический памятник, вид его вызывает в уме более живые картины, чем великая историческая книга Карамзина.

Розе

Ближайшие окрестности Москвы по дороге, по которой мы следовали на Урал, хотя и не имеют в себе романтики, довольно приятны. Местность плотно застроена, поля чередуются с небольшими лесками, и те радуют первой зеленью в этом году, что при хорошей погоде не могло не придать нам столь же хорошее настроение. Однако вскоре затем местность становится песчаной и болотистой, а дорога ухудшается. В болотистых местностях, занимающих часто обширное пространство, положен настил из досок. Пока новые, они, хотя и являя собой чрезвычайный расход древесины, служат отличной дорогой, но, прослужив некоторое время и не заменяемые постоянно, как обычно это случается, они настолько же плохи, насколько были хороши вначале. Дорога частично обсажена березами.

Канкрину

Казань, 27 мая (8 июня) 1829 г., 2½ часа ночи

Ваше превосходительство, считаю своим приятным долгом в те короткие минуты, которые оставляет в нашем распоряжении гостеприимство местных жителей, сообщить Вам о благополучном продолжении нашего приятного и интересного путешествия: через Муром, где магнитная линия не показывает отклонения; Нижний с его замечательным открытым базаром, залитым водой; далее в Казань и Булгар. Путь от Нижнего до Булгара мы проделали по Волге, берега которой среди хлопьев снега уже украшает приятная растительность. Чрезвычайно интересное зрелище для нас представляют местные татарские праздники. Особенный интерес нашему пребыванию в этом чрезвычайно живописном месте (Казани. – *Прим. ред.*) придали геологические коллекции с Урала проф. Фукса^[58], общество г-на Семенова^[59], чрезвычайно эрудированного астронома, с которым я имел счастье познакомиться еще в Париже, любезный прием очень образованного куратора, г-на Пушкина^[60]. Все наши инструменты живы, несмотря на дорогу около Владимира и чересчур резвую манеру езды ямщиков.

Вильгельму

Казань, 27 мая (8 июня) 1829 г

После большого праздника, устроенного в нашу честь собравшимся в университете московским дворянством, мы поехали в Нижний Новгород через Владимир и Муром, где проходит магнитный экватор. Местоположение всех этих городов очень живописно. Базар в Нижнем, где в июле проходит китайская ярмарка, весь залит наводнением. Волга, имеющая 700 клафтеров (саженей. – *Прим. ред.*) в ширину, поднялась в этом году на 35 футов! Четыре дня мы плыли по Волге от Нижнего Новгорода до Казани. Берега, поросшие осиной, дубом и липой, великолепны. Погода была замечательная, лишь один день с грозой и ливнем, как на Ориноко. Ветер выворачивал с корнем деревья, а потоки несли в реку землю, что делало картину бури весьма впечатляющей. Начиная с Нижнего нас сопровождает граф Полье^[61], женатый на графине Шуваловой и имеющий ныне доход около 800

тысяч франков. Он любезен и умен, друг герцогини де Дюра^[62]. Он едет к своим поместьям в Пермь, затем мы снова встретимся с ним в Екатеринбурге, после чего он снова покинет нас. Среди трех экипажей Полье коляска, которая была у меня в Неаполе и Берлине, – он купил ее в Париже! Он замечательный рисовальщик, обещал подарить мне рисунки развалин Булгарии и таких же татарских руин в Казани, которые, надеюсь, будут интересны кронпринцу.

Небольшая лодка графа Полье с тремя его слугами перевернулась возле нас, всех троих спасли из воды. С нами ничего плохого не приключилось. Я упоминаю об этом только на случай, если из-за этого маленького происшествия поползут ложные слухи.

С 24 мая старого стиля мы находимся в этом прекрасном городе, который частично отстроен заново после пожара 1815 года. К счастью, дворец монгольской княгини Зумбаки с башней (минаретом)^[63] уцелел. Везде индийский стиль, башни-пирамиды с несколькими этажами, поставленные на четырехгранные башни восьмиугольники. Постоялых дворов нет, но, как и везде, ночлег организован в помещениях, где проходят дворянские балы. Широкие залы без кроватей; удобно спать в экипаже или с постеленными шкурами на скамьях. Привратник дома – музыкант из Байройта!

Отсюда мы совершили поездку к руинам древнего татарского города Булгар (280 верст; семь верст составляют одну из наших миль). Мы снова плыли по Волге, а обратно возвращались по суше через Каму. Эта простая переправа через Каму заняла шесть часов, что может дать тебе представление о величии рек. Руины Булгарии не очень живописны; город относится к VIII веку, там находят множество серебряных монет с арабскими и монгольскими надписями. Мечети или минареты достигают 70 футов высоты. Но места, в которых были резиденции Чингиз-хана и Тимура, не могут не вызывать интереса и поныне^[64].

Мне навстречу вышло все население, вручать хлеб-соль! Всё, больше не пишу тебе обо всех этих тягостных почестях! На границах своих округов нас везде встречали офицеры полиции, чиновники и даже главы администрации, выезжали нам навстречу в экипажах... несмотря на наши энергичные протесты. Везде также появлялись губернаторы, люди, украшенные орденами, которые (по приказанию сверху) с утра до вечера интересуются, что мы пожелаем. Эта

чрезмерная вежливость, которая хоть и облегчает путешествие, в то же время лишает (скажу тебе на ушко) счастья побыть иногда наедине с собой и с природой. Но это неотъемлемая часть нашего положения, изменить которое не получится.

Я купил здесь множество татарских книг, монет Тимура и прочих редкостей. Пребывание в Казани было очень плодотворным и чрезвычайно интересным, благодаря татарским (мусульманским) предместьям и деревням – 11 мечетей, первые, которые я увидел. Сегодня вечером нас повели на татарский народный праздник, устроенный на лугу. Начальники дали обед, потом был турнир, гимнастические состязания, бег наперегонки и конные бега; татарские дети на лошадях без седел, – все очень живописно. В Булгаре нам встретились совершающие паломническую поездку татарские муллы, которые молились вверху на башнях. Все эти духовные лица учились в Самарканде.

1 час ночи.

Нас еще задержали из-за торжественного обеда. Отъезжаем завтра рано утром в 5 часов, и профессора с чиновниками грозилась прийти попрощаться к половине пятого. Нас не оставляют ни на минуту! Итак, дорогой драгоценный друг, могу тебе написать лишь такое краткое известие о нас. Путешествие наше протекает замечательно. Особенно Эренберг полон энергии, мужества и терпения. При коротком знакомстве он очень импонирует.

Мы едем без остановки через Пермь в Екатеринбург, где (в Азии) мы будем 6 июля по старому стилю. К сожалению, растительность до сих пор в принципе не отличается от *Тегельского разнотравья*, *Polygon[um] aviculare*^[65], *Malva rotundifolia*^[66]. С Зайфертом все хорошо, он сжился с образом Нимрода. Обнимаю тебя от всего сердца и прошу написать мне несколько строк. Тысячи приветов Каролинхен, Гедеманам и Кунту. Буду благодарен, если ты отрежешь прилагаемую приписку для г-на Энке^[67] и сообщишь Вицлебену, что я проехал Казань.

Всегда твой,
Ал. Гумбольдт.

Розе ^[68]

Дорога на первых станциях от Казани не лишена приятностей и проходит отчасти красивыми лесами, состоящими из осины (тополя) [69], дуба и липы, – она лишь чрезвычайно песчаная. Но от Арска, второй станции от Казани, мы поехали по твердой плодородной глинистой почве, по которой татары, населяющие и здесь окрестные деревни, везли нас по обыкновению быстро.

На этой дороге мы в первый раз видели партию ссыльных, идущую в Сибирь, состоявшую из женщин и девушек, числом от 60 до 80. Они шли свободно, то есть совершенные ими преступления не были тяжкими; [осужденные за более] тяжкие, которых мы встречали в ходе нашего дальнейшего путешествия, идут по обе стороны длинного каната, к которому они прикреплены одной рукой. Каждую такую партию обыкновенно конвоируют конные башкиры, вооруженные копьями, стрелами и луками, в своих остроконечных шапках, мохнатых кафтанах и со своеобразным строением лица, напоминающие калмыков и достаточно хорошо известные по изображениям и описаниям. При всех станциях по этому главному сибирскому тракту, отстоящих одна от другой верстах в тридцати, выстроены деревянные, обнесенные палисадами дома, в которых ссыльные, как в России называют людей, изгнанных в Сибирь, проводят ночи, а каждый четвертый день отдыхают. Частые встречи с ними делают сибирскую дорогу не слишком приятной, однако насколько я мог видеть, обращаются с ними неплохо; станции не особенно большие, но путь из-за чрезвычайных расстояний очень утомителен.

Розе

Какой быстрый переход от зимы к лету! Неву мы покидали еще во время ледохода, а на Урале тремя неделями позже уже нашли все травы в полном цвету. Погода этого дня была самая приятная: за холодной ночью следовал светлый, ясный, теплый день; он еще более усиливал впечатление, которое производило на нас это первое приближение к Уралу. Было воскресенье: в Кленовой праздновали Троицу; все высыпали за ворота и наслаждались праздником и хорошим днем.

Мы прибыли в Решеты после полудня; г-н фон Гумбольдт выехал отсюда прежде нас, чтобы предупредить нас в Екатеринбурге. Г-н Эренберг и я неспешно следовали за ним, чтобы лучше проследить изменения горных пород по дороге. Мы доехали только вечером и нашли при въезде в город казака, который ожидал нас и проводил в назначенную нам квартиру. Она находилась в противоположном конце города, так что мы проехали через большую его часть и тогда же получили представление о его протяженности. Но улицы широкие и прямые, деревянные дома по большей части одноэтажные и поэтому занимают большое пространство. Между ними выдаются большие белые каменные дома, выстроенные, как правило, в очень хорошем вкусе, – либо предназначенные для помещения казенных учреждений и для квартир чиновников горного ведомства, либо принадлежащие более состоятельным местным обывателям.

Поскольку г-на фон Гумбольдта ожидали с более значительным сопровождением, то и назначили для наших квартир часть города, где находилось несколько таких каменных домов на небольшом расстоянии друг от друга – чего не было в центральной части города. Г-н фон Гумбольдт выбрал один из этих домов для себя, г-на Эренберга и меня; другой занял г-н Меньшенин, а третий – граф Полье со своими сопровождающими. Дом, в котором жили мы, принадлежал русскому купцу, который, следуя национальным обычаям, носил длинный синий сюртук, опоясанный кушаком, и бороду. Он отдал нам лучшие комнаты во втором этаже, с белыми штукатуреными стенами, карнизом, украшенным лепной работой из гипса, и со вкусом меблированные. Здесь мы жили все время, пока оставались в Екатеринбурге, сюда возвращались со всех своих экскурсий и, привозя с собой множество различных предметов, раскладывали их в комнатах. Несмотря на все наши старания быть сколь возможно менее тягостными нашему хозяину, мы все же причинили ему немало неудобств, и за все это он не был даже вознагражден возможностью обстоятельно поговорить с нами, так как мы не понимали по-русски и разговор наш с ним по необходимости должен был производиться в основном посредством нашего слуги, который как раз знал русский в совершенстве. И однако мы никогда не видели, чтобы хозяин

относился к нам недружелюбно; он всегда был до крайности вежлив и старался предупредить наши пожелания, о чем я не могу упомянуть кроме как с величайшей благодарностью^[70].

Вильгельму

Екатеринбург, 9 (21) июня 1829 г

По возвращении с бала, где я должен был танцевать кадрили!

Итак, дорогой брат, мы без приключений добрались до Азии. Уже 6 дней, как мы на Урале. Виды на границе с Азией схожи, правда, некоторым образом с Тегельской пустошью, но при одних и тех же составляющих леса сгруппированы по-разному. Прекрасные липовые и осиновые леса, гармонично смешанные с лиственницами, почва при этом покрыта, как мхом, *Linnaea borealis*^[71]; великолепные *Cypripedia*^[72] и другие сибирские растения, много разного шиповника, все это в великолепии весенней зелени. С Казани, особенно на границе с Европой в Вятской и Пермской губерниях, отличные шоссе из щебня, как в Англии. Предусмотрительность правительства для нашего путешествия не передать словами: постоянные приветствия, встречи и выезды полицейских чинов, гражданских чиновников, казачьих караулов! Но, к сожалению, и почти ни мгновения, предоставленного самому себе, ни шага без того, чтобы тебя не вели под руки, как больного! Хотел бы посмотреть на Леоп. Б.^[73] в этой ситуации. Геологические результаты весьма весомы, равно как и ряд магнитных, барометрических и астрономических наблюдений. Животный и растительный мир до сих пор достаточно ординарный, но попало много новых пресноводных моллюсков. Мое здоровье в неизменно лучшем состоянии, чем в Берлине. Оба спутника энергичны и приятны. Эренберг много выигрывает при близком общении, он одновременно добродушный, живой и с духовными запросами. Путешествие в Сибирь не так восхитительно, как в Южную Америку, но дает ощущение нужного дела при проделанной огромной сухопутной дистанции. Мы здесь на таком же удалении от Парижа, как

Кайенна. Погода до сих пор очень благоприятствовала, но уже два дня с тех пор, как мы были в Березовских рудниках (которые еще полны льда), идет дождь. На термометре 9°. Сегодня мы обедали у собственника рудника, бородатого купца г-на Харитонова, который имеет 50 пудов (по 40 фунтов) золотого песка и 1 500 000 франков дохода. Другой, г-н Яковлев, имеет доход в 3 млн франков^[74]. Начиная с Казани нет постоянных дворов, приходится спать на скамьях или в экипаже, но жизнь сносна, и я не жалею. До сих пор сравнительно с нашим предварительным расчетом мы выиграли несколько дней (шесть), и даже если мы от Омска проедем еще восточнее до Семипалатинска и Бухтармы, где уже первые китайские заставы, то сможем быть в конце сентября в Москве, а в начале ноября – в Берлине! Такое путешествие, возможность увидеть столько народов – татар, башкир, вотяков, вогулов, калмыков, киргизов, бухарцев – оставит приятные воспоминания. Завтра, дорогой брат, твой день рождения, я отпраздную его на азиатском Урале в Гумешевских медных рудниках. С волнением пишу эти строки: какая радость для меня была бы присутствовать завтра с вами в семейном кругу. Сердечно обнимая тебя, приветствую с искренней любовью всех наших.

Алекс. Гумбольдт.

Канкрину

Екатеринбург, 9 (21) июня 1829 г

Повсюду мы пользуемся плодами Ваших усилий и повсюду ощущаем поэтому желание благодарить Вас. Наше путешествие по прекрасному, лесному, украшенному роскошной весенней зеленью краю не только было приятным, но и принесло богатые научные плоды в геологическом отношении. Наши метеорологические, магнитные и астрономические инструменты по-прежнему в полной сохранности; на границе европейской России, в Вятской и Пермской губерниях, дороги лучше, чем в Англии. Начиная с Малмыжа леса, наполненные липами, осинами и елями, становятся благодаря смешению деревьев очень,

очень живописными. Удивительно (мы исследуем везде состав наносных отложений), что так далеко на запад от Урала щебень, служащий для постройки дорог, содержит железистый кварцит, порфир и куски зеленокаменной породы, как в золотоносных отложениях Южного Урала, и этот щебень находится в осадочных формациях!

В Перми с нами любезно беседовал местный губернатор; потом живописные, со множеством пустот, гипсовые горы вокруг Кунгура и начало Урала у Бисертской. Очень много барометрических измерений по обоим склонам Урала и на песчаном плато, которые дадут интересный чертёж профиля и надежные результаты по водоразделу (*divortium aquarum*). Я полагаю, что сведения об истинной конфигурации земной поверхности немаловажны для организации горных работ. Благодаря усилиям здешнего г-на интенданта^[75] и, увы, серьезно заболевшего г-на берг-инспектора, нам в Екатеринбурге начиная с 3 (15) июня была оказана вся возможная поддержка и помощь; великолепные золотоносные аллювиальные отложения Шабровского рудника, разновидности камней на гранильной фабрике (где мы существенно пополнили коллекции). Нас немало занимали Орлецовые копи, металлургические заводы Яковлева^[76], сочетающие великолепие и разумный порядок, Билимбаевский графини Строгановой^[77], Нижнешайтанский г-на Ярцова^[78] и прежде всего поездка на Березовские рудники (Благовещенский до штолен и по счастью совершенно сухой Преображенский, с очень своеобразной структурой рудных жил), Березовский золотопромывочный завод, исследование окруженного гранитными массивами высокого озера Большой Шарташ, которое, наряду с прилегающими болотами, способствует притоку воды в расщелины Благовещенского рудника. В Царево-Павловском только что прямо под дерном был найден золотой самородок весом в один фунт. В богатом золотом прииске Нагорный рудник наряду с золотом мы обнаружили очень маленькие гранаты, цейлониты и белый циркон алмазного блеска.

В Березове, где мы пробыли два с половиной дня, мы нашли в коменданте и обер-гиттенфервальтере Кокшарове^[79] очень живого, разумного и разбирающегося в практических вопросах человека. Именно тут с удовлетворением можно видеть плоды хорошего

образования в Вашем замечательном петербургском (Горном. – *Прим. ред.*) институте.

Днем и ночью нас сопровождали два замечательных молодых человека, воспитанники этого института, г-н Фелькнер^[80] и Качка^[81]. Я постараюсь составить здесь точное представление относительно обсуждавшегося предложения о прекращении поступления воды в Березове. Недостаток дров создает трудности для *продолжительного* применения паровых машин (самый быстрый и эффективный путь). Длинные тяги и длинные водоотводы для рудничных насосов еще дороже и не имеют смысла. Попытки осушить близлежащие болота, вероятно, будут неэффективны из-за разницы с более высоко лежащим озером Шарташ. В остальном за месяц паровая машина уменьшила уровень воды на одну саж.[ень]. Непрерывная работа машины в течение шести-семи месяцев позволила бы достичь той же глубины, что ныне в Благовещенском [руднике]. Вся вода, безусловно, поступает сверху; таким образом, если бы рудник был осушен, можно было бы понять, как посредством подземных выработок (наилучших из всех), шпунтов и квершлагов по направлению движения воды можно воспрепятствовать этой воде проникать до низа шахты и отвести ее в водяные шахты. При совершенно затопленной шахте, как известно и Вашему Высокопревосходительству, тяжело составить себе представление об объеме поступающей воды и пригодности для разработки на глубине, чтобы не вводить казну в ненужные расходы. По возможности следовало бы осушить шахту единоразово хотя бы временно, на полгода, посредством нескольких конных воротов (поскольку покупка лошадей в местных условиях менее затратна, чем приобретение паровых машин). В этом случае можно было бы удостовериться в состоянии больного прежде, чем окончательно его приговорить. Сохранение безусловно еще не полностью выработанного, хотя и невыгодно расположенного рудника было бы, разумеется, желательным; кроме того, пока золотой прииск дает прибыль, возможно, стоило бы пожертвовать часть на подземные горные работы для сохранения благосостояния Урала на более длительный срок.

Уже два дня мы страдаем здесь от дождей, поскольку постоянно находимся под открытым небом. Завтра едем на два дня посмотреть на мраморную ломку (*Mramornaja Lomka*)^[82], Полевской завод и

Гумешевский рудник, к 14 (26) июня отправляемся в нашу северную поездку в Нижний Тагильск^[83] и Богословск. Я пишу Вашему Высокопревосходительству длинные, но при этом неинтересные письма, поскольку пока что собираю образцы, и лишь по завершении поездки смогу прийти к более или менее положительным выводам.

Розе

Сразу за Екатеринбургом дорога уходит в лес, выходя из него лишь на коротких отрезках при приближении к деревням и заводам, через которые идет путь. При этом дороги в основном содержатся в хорошем состоянии, а скорость передвижения для путешественника, который не занимается наблюдениями за природой, искупает монотонность пути. Однако нам быстрая езда, от которой русских кучеров невозможно удержать, приносила скорее вред, чем пользу.

Розе

Лая находится примерно на середине пути из Нижнего Тагильска в Кушвинск^[84], куда мы прибыли с наступлением сумерек. Когда недалеко от Кушвинска мы перевалили за последний широкий горный кряж, заходящее солнце озарило своими последними лучами это место и поднимающуюся справа магнитную гору Благодать, – свет придавал окрестностям волшебный облик. В Кушвинске мы остановились на так называемой казенной квартире, которая, притом что мы не имели всего необходимого для путешествия по Сибири, вскоре была обустроена с любезной помощью местных чиновников.

Металлургический завод в Кушве казенный. Он основан в 1730 г. и обязан своим возникновением находящейся поблизости знаменитой магнитной горе Благодать, на которую русским указал местный вогул по имени Степан Чумпин^[85]. Завод находится с востока от нее, всего в 2,5 верстах от ее вершины, и наряду с домами для служащих и рабочих включает довольно широкий заводской пруд, образованный запрудой маленькой речки Кушвы. Склон Благодати в сторону завода пологий, к вершине ведет хорошо утоптанная дорога. На самом высоком ее

пункте после того, как пересекаешь небольшой мост, перекинутый над образовавшейся, вероятно, из-за прежних горных работ расселиной, наверх ведут ступени, вырезанные в скале и покрытые железными пластинами. На вершине находится памятник, сооруженный в память вогула Чумпина, а рядом небольшая часовня с открытой галереей, откуда открывается широкая перспектива на гору и прилегающую местность.

Розе

В Кушвинске с нами расстался наш любезный провожатый граф Полье со своими спутниками, отправившийся к своим владениям на Койве, на западном склоне Уральских гор [...]

Поездка графа Полье принесла очень важные результаты для минералогии Урала, а именно открытие русских – европейских – алмазов. Открытие этого драгоценного камня, который долгое время считался распространенным лишь в тропиках, так далеко к северу (рядом с 59-м градусом северной широты) возбудило такой живой всеобщий интерес, что мы должны остановиться на этом эпизоде подробнее. Это представляется мне тем более необходимым и важным, что многие печатные органы сообщали неточные исторические сведения, тогда как оба первооткрывателя, г-н Шмидт^[86] и граф Полье, были спутниками нашей экспедиции с момента отплытия из Нижнего Новгорода.

Г-н фон Гумбольдт обратил внимание в своем геологическом исследовании о расположении горных масс в обоих полушариях на примечательную аналогию сочетания минералов, которые в самых различных частях земного шара одинаково характеризуют окатанный платиновый и золотой песок. Так, в Бразилии – например, в Коррего-дас-Лагенс^[87] – золото, платина, палладий и алмазы, около Теюко^[88] золото и алмазы, на реке Абаэте – платина и алмазы. Эти идеи о сочетании минералов пробудили у него (Гумбольдта. – *Прим. ред.*), и, как он сам подчеркивает в «Fragmen[t]s asiaticques»^[89], уже намного раньше (с 1826 г.) у нашего друга г-на проф. фон Энгельгардта в Дерпте и у г-на Малышева^[90], бывшего директора Гороблагодатских заводов, самую положительную надежду найти алмазы и на Урале.

Поэтому, когда мы приехали на промывочную фабрику и исследовали под микроскопом золотоносный песок, чтобы ознакомиться с компонентами, попутными для золота и платины, и сделать из них заключение об изначальном нахождении золота, то особое внимание обращали на присутствие алмазов. Мы распорядились промывать постоянно определенную порцию песка лишь до такой степени, чтобы удалить из него легкие пылевидные частицы и сделать оставшийся песок более удобным для исследования; поскольку при увеличении концентрации вместе с кварцем вымываются легкие неметаллические субстанции, и наряду с золотом и платиной остаются только магнитный и иногда хромистый железняк. При этих неоднократных исследованиях с микроскопом нам посчастливилось находить кристаллы, которые еще не были известны в золотоносных уральских песках, но поскольку они встречаются вместе с алмазами в песках Бразилии, наше внимание было в постоянном напряжении. Так, на первых же посещенных нами промывочных фабриках мы нашли маленькие цирконы, которые нередко сбивали нас своим алмазным блеском, а в Нижнем Тагильске – анатаз. Но наши усердные поиски алмазов на Урале остались безуспешными. И хотя наши спутники граф Полье и г-н Шмидт сделали свое замечательное открытие на западных склонах Урала уже 5 июля (то есть через четыре дня после расставания с нами), известие об этом мы получили только 3 сентября в Миассе, после того, как уже объехали большую часть Сибири до Бухтарминска и Риддерска.

Граф Полье послал из Нижнего Новгорода с г-ном Шмидтом один из найденных алмазов г-ну фон Гумбольдту в подарок^[91], с просьбой не оглашать открытие до нашего прибытия в Петербург, поскольку он сам еще не передал русские драгоценные камни монарху страны. Подробный отчет об этом открытии Полье передал после своего возвращения в Петербург г-ну министру финансов графу Канкрину, а список с него – г-ну фон Гумбольдту.

Розе

Детальному знакомству с горами до сих пор препятствовала распутица. Через хребет ведут всего две дороги: одна южнее, из

Верхотурья через Николае-Павдинский завод мимо южного склона Павдинского Камня, через хребет в деревню Корья^[92] и далее на Соликамск. Это старая торговая дорога в Сибирь, которая до прокладки Екатеринбургской дороги была единственной разрешенной через Урал из-за таможни в городе Верхотурье. Вторая проходит севернее этой, из Богословска, от Петропавловского завода, по северной стороне мимо Каквинского Камня через хребет в Чердынь. Это единственные дороги через настоящую часть Урала; низменности, занятые обширными болотами, и густой лес на склонах составляют нередко непреодолимые препятствия для детальных исследований.

Розе

Однако дорога через чащобы из Нижне-Туринска^[93] в Богословск проложена хорошо и позволяет путешественнику быстро передвигаться. [...] В эпоху, когда эти места посетил Паллас^[94], летом для экипажей они были непроезжими вовсе, а верхом – лишь с большими трудностями. Знаменитые Турьинские медные рудники были тогда только что открыты; они основаны верхотурским купцом Походяшиным^[95], который намеренно содержал дороги в возможно худшем состоянии, чтобы затруднить пришлым искателям ископаемых доступ в эту местность. С того времени заводы перешли к казне, а через леса проложена хорошая дорога. Однако освоение земель с тех пор не продвинулось, ибо, не считая деревни Нехорошевка, остальные проезжие станции – Бессоново, Латинское, Лобвинское и Каквинское – представляют собой лишь отдельные дома, так называемые зимовья посередине леса, в которых содержатся лошади, необходимые для проезда путешественников.

Леса, покрывающие склоны Урала на нашем пути, состояли из елей, лиственниц, кедров, в меньшей степени берез и осин. Лиственницы и кедры особенно часто произрастают и чувствуют себя лучше всего в болотистых местностях. Подлесок еловых лесов образует цветущий в это время шиповник (*Rosa canina*), вместе с *Lonicera xylosteum*^[96] и можжевельником, темная зелень которого красиво чередовалась с живой белизной березовых стволов. Березы представляют собой разновидность березы бородавчатой с листьями в

форме сердца, старых деревьев нигде не встречалось. Из трав попадалась *Atragene alpina*^[97] с большими белыми цветами, характерная для северных широт, хотя мы видели ее и при въезде на Урал перед Екатеринбургом; затем *Hesperis matronalis*^[98] и *Polemonium caeruleum*^[99] – последняя произрастает прежде всего во влажных местах и наряду с первой служит декоративным растением в наших садах.

Насколько богатым и приятным для глаза могло быть сочетание растений, настолько же, однако, бедна местная фауна. При целенаправленном поиске зверей на охоте можно было увидеть чаще всего лишь две-три разновидности птиц, редко небольшого зайца или белку. Не было слышно чириканья и пения птиц. В основном попадались небольшие соколиные, *Falco tinnunculus u rufipes*^[100], иногда *Saxicola rubetra*^[101], под Богословском – зяблик (*Pyrgita melanictera*)^[102]. Пока нет ни воробьев, ни трясогузок, распространенных по всему миру птиц, сопутствующих человеку и культурной среде обитания.

Пышная зелень чаще всего очень сочных растений служит, однако, причиной для бича здешних мест: в ней водится столько комаров и мошек^[103], что от них почти невозможно укрыться. Защищая свои лица, жители этой местности надевают спереди сетки, обмазанные березовым дегтем, запах которых отпугивает насекомых. Либо же, как описывает Паллас, они носят на спине горшки с гнилыми деревяшками или дымящейся березовой чагой, дым которой не ест глаза. Нам, однако, оставалось терпеть эту напасть, поскольку мы не приняли никаких мер предосторожности. В меньшей степени мы страдали от нее в движении, когда мошек и комаров относил встречный поток, но тем хуже было, когда мы останавливались. Однако еще более людей от этих паразитов страдают лошади; крестьяне, которые чинят дороги, разводят для них в разных местах костры, в которые лошади тычутся мордой, пока они не заняты на работах, и предпочитают выносить дым костра, только бы защититься от насекомых.

Мы покинули Богословск 6 июля в обед и, снова сопровождаемые долгое время нашими друзьями, которые принимали нас с такой предупредительностью, двинулись обратно в Екатеринбург.

Розе

После нашего возвращения с северного Урала мы пробыли в Екатеринбурге почти полных восемь дней, – отчасти чтобы сделать еще несколько уже описанных выше небольших экскурсий, но прежде всего чтобы рассортировать и упаковать все собранные во время путешествия предметы. Мы закончили только 17 июля, собрав четырнадцать ящичков разного объема, готовых к отправке. Их передали г-ну полицмейстеру, или исправнику (*isprawnik*), любезно взявшему дальнейшую пересылку на себя. 18 июля в 10 утра мы попрощались с нашим гостеприимным и услужливым хозяином и в сопровождении друзей при отличной погоде продолжили наше путешествие, направляясь сначала в Тобольск. С возвышенности к востоку от Екатеринбурга, по которой идет большой Сибирский тракт, мы еще раз могли видеть вытянувшийся с севера на юг город, затем нас поглотил лес, препятствовавший дальнейшему обзору.

Вильгельму

Екатеринбург, 2 (14) июля 1829 г

Не знаю, как тебя благодарить, дорогой брат, не могу поверить своему счастью. Я лишь три дня назад вернулся после экскурсии в северную часть Урала и почти одновременно с этим получил четыре твоих письма от 16 и 28 мая, 3 и 11 июля. Никогда прежде в своей жизни я не был так счастлив этим обстоятельством. Мы столь сблизились друг с другом; я так коротко узнал, какой любовью и добротой полна твоя душа, что даже не могу описать тебе, мой дорогой друг, радость получить в этой духовной пустыне известия от тебя. С удивлением я узнал, что паче чаяний тебя отчасти лишили покоя, в котором ты надеялся пребывать после невозполнимой потери! Судьбой других хотят распорядиться под предлогом того, что им это во благо. Предполагаю, что этот удар последовал со стороны друзей, которые уже при моем отъезде постоянно твердили: «надо помешать его затворничеству в Тегеле». Особенно меня возмущает принуждение

в назначении человека, предварительно не извещенного об этом. Ты, конечно, видишь, что король, столь деликатный и добрый в отношении нас, дал свое согласие на этот шаг, так как его уверили, что это не будет тебе в тягость и отвлечет от твоей скорби. Отвлечет... Ты благородно жертвуешь собой, и я не могу довольно похвалить тебя. Я достаточно твердолоб, чтобы не все понимать до конца, но деликатная форма, употребленная королем, память о том, что было сделано ради Гедемана в такой трагический момент, оправдывают твою уступчивость. А наш друг (генерал В.^[104]), которому мы всем этим обязаны, который по меньшей мере обнаружил, что все это осуществимо, также действовал исключительно из привязанности к нам. Поскольку поручение по своей особой форме носит лишь временный характер^[105] и ты благодаря своему авторитету можешь совершить много полезного, ты легко забудешь скуку отшельника и суету в Берлине.

Меня, дорогой друг, поистине взволновали твои письма, особенно первое. Возможно ли, что относительно поста директора ты серьезно думаешь обо мне? Твои слова «боюсь, ты не сможешь отказаться от этой должности» меня напугали. Да так, что я даже не мог заснуть. Я должен отказаться от своего места в Париже и вернуться на родину, чтобы стать директором картинной галереи, занять место, аналогичное г-ну де Форбену^[106], заниматься вещами, диаметрально противоположными тому, что создало мне репутацию в мире! Это было бы слишком унижительно, я без раздумий откажусь даже в том случае, если бы меня уже назначили без моего ведома. Ты сам слишком дорожишь внешним авторитетом, каким мы пользуемся в Европе и которое составляет наш общий нераздельный капитал, чтобы порицать меня за такое решение. Я скорее покину страну, поскольку при своем приезде я не был готов к подобной опасности. Я откажусь не только от поста директора, но и от любого руководства или продолжительного председательства в управляющей комиссии. Я готов служить королю всем, что носит временный характер, как ты сейчас; я даже с радостью освободил бы тебя от твоего нынешнего груза. Но думаю, что после определения основных направлений (создания музея. – Прим. ред.) твоя комиссия состарится, вряд ли собравшись далее больше одного раза. Молю Бога, чтобы предложение принял Бр[юль]^[107]: на меня набросились лишь из-за ненависти к нему. В

остальном я кристально ясно дал понять при своем отъезде Альбр., Витцл. и Витг.^[108], что ни в коем случае не хочу быть частью института, которому в остальном могу быть полезен как и раньше, на должности в королевской канцелярии. Я подтверждаю эти уверения в письмах, которые рассылаю отсюда, и молю тебя, милый брат, заявлять повсюду об этом от моего имени. Я знаю, что ты уже это делал, и бесконечно благодарю тебя. Твоя поездка в Бад-Гастайн^[109] и твоя *боль в бедрах* доставили мне некоторое беспокойство: никогда еще в моей жизни твое существование не было значимее для моего! Прошу передать Каролинхен, что я часто думал о ней в день ее рождения. Нежный привет из глубины Сибири что-то да значит. Мы закончили объезжать Северный Урал, где горы более живописны. Мы посетили платиновые прииски Демидова^[110], большую магнитную гору у Кушвы, рудники в Богословске, на границе расселения цивилизованных народов. Погода хорошая, несмотря на ужасные и частые в этой части Азии грозы. Ты получишь еще одно письмо от меня из Екатеринбурга, который мы покидаем послезавтра. Мы отправляемся прямо в Тобольск, затем в Омск, (возможно, через Барнаул) на Алтай. Мое здоровье держится в норме, хотя не все в Сибирском путешествии приятно: ужасные комары и мошки, тряска в кибитках и вечные визиты обладателей шпаг. Это Ориноко плюс эполеты. Тысячи нежных приветов домашним.

А. Гумбольдт.

Канкрину

Екатеринбург, 5 (17) июля 1829 г

Спешу нижайше уведомить Ваше Высокопревосходительство о нашем предстоящем завтра отъезде из Екатеринбурга в Тобольск, а также о нашем счастливо оконченном исследовании северной части Урала. Уже месяц, как мы находимся в этих прекрасных горах, и могу уверить вас, что за все тягости, неустранимые даже при самых предусмотрительных мерах и похвальной предупредительности всех ведомств в этой часто отличающейся бездорожьем болотистой лесной

местности, мы с лихвой вознаграждены осмотром промышленности и большого разнообразия горных пород. Поскольку весь день мы проводим под открытым небом, и даже иногда приезжаем на прииски только к 9 вечера, чтобы сэкономить время, то полагаем, что достаточно полно обследовали все важные пункты добычи ископаемых, каменоломни, места промывки платины и золота и довольно однотипные заводы (в оригинале по-русски. – *Прим. ред.*). В определенных ситуациях научная геология работает в тесном контакте с компетентной разведкой и использованием минералов, то есть с собственно практическим горным делом. Для этого особенно важны общие сведения об образовании горных пород, их залегании, аналогии с другими, уже исследованными горными местностями. Я намереваюсь изложить подобные сведения в сочинении вскоре после моего возвращения в Берлин и дополнительного исследования собранных образцов горных пород следующей зимой и представить это сочинение Вашему Высокопревосходительству.

Я знаю, что Вы благосклонно даруете Вашу помощь в том числе чистой науке, ничего не требуя взамен. Но так как я получаю помощь ежедневно, то серьезно намерен хоть отчасти возместить оказанную доброту и знаки отличия. Еще не опубликованные материалы моего путешествия в тропики Нового Света, переработка моей работы о формировании и залегании пластов горных пород, для которой Урал даст много нового материала, издание труда о физическом мироописании, – все это заставляет меня ограничиться только общим, содержащим совокупные воззрения. В то же время, поскольку подробная характеристика и анализ ископаемых авторитетного автора желательны для Вашего Высокопревосходительства, я буду просить проф. Розе проработать детали местных условий и химических исследований рудного и намывного золота и других металлов в особом труде.

Само собой, мы оба ограничимся неживой природой и будем избегать всего касающегося общественных институтов и состояния низших народных классов: то, что может сообщить об этом чужеземец без знания языка, всегда спекулятивно, неточно и – в случае столь сложного механизма, какой представляют собой состояние и приобретенные некогда права высших сословий и обязанности низших – возбуждает эмоции, не имея ни малейшей практической пользы!

Я уже не упоминаю о научной оценке барометрических измерений, наблюдений за магнитным склонением и астрономическими силами, астрономических определений места, так как Ваше Высокопревосходительство знают мое пристрастие к таким работам. Бедный прилежный проф. Эренберг все еще жалуется по поводу «берлинской растительности», от которой мы никак не можем уйти: среди 300 видов растений здесь едва 40 собственно сибирские. Надеемся на Верхний Иртыш, когда я доберусь примерно до Семипалатинска и Бухтармы. Больше нам повезло с речными моллюсками.

После экскурсии на Турчаниновские владения Гумешевских рудников (источник великолепных малахитов, но скверная подземная разработка) и Полевской завод, где мы встретили в лице г-на Соломирского^[111] чрезвычайно энергичного и знающего человека, которого готовы всячески рекомендовать Вашему Высокопревосходительству, 13 июня мы отправились через богатые золотопромывочные заводы в Верхнетурьинске в Невьянск, Нижний Тагильск (мы остановились на три дня осмотреть платиновые аллювиальные отложения, которые, не смешиваясь с золотыми, все находятся на европейском западном склоне Урала у реки Утка на поверхности!), Кушву с магнитной горой Благодать (государственный завод, где невозможно не похвалить порядок и аккуратность работы), в Богословск. Около Нижнего Тагильска мы ехали верхами через густой лес с тысячами полусгоревших поваленных деревьев, чтобы подняться на Белую Гору. Она достигает 400 туазов высоты.

Интендант Богословска, очень умный, энергичный и понимающий дело горняк, г-н гиттен-фервальтер Фелькнер в Березове, который много сопровождал нас в горах, и здешний ассессор Хельм^[112] принадлежат к числу самых замечательных людей из виденных тут нами. Богословск приобретет очень большое значение в добыче золотоносного песка. Повсюду около Павдинского и Петропавловского заводов, и даже севернее у Заозерок, находки золота очень значительны. Вполне вероятно, что Богословск сможет через два года дать 18–25 пудов [значок золота]. В целом добыча золота на Урале мне представляется гарантированной еще на долгий срок. Правда, не хватает рабочих рук, но этот недостаток следует приписать ошибкам распределения и применения людских сил, на частных заводах в

отношении крепостных и мастеровых... Чтобы выплавить 150 тысяч пудов железа за один год, в Англии и Германии не требуется столько тысяч человек. Но и полвека вряд ли хватит, чтобы искоренить недостатки, коренящиеся в положении низших масс народа, в неразделении труда занятых (ибо один и тот же человек делает чугунные изделия, валит деревья и промывает золото). Столь же сложно все касающееся культуры лесоводства! Сколь справедливым я нашел сказанное мне Вашим Высокопревосходительством о хроническом недостатке древесины. Как редки крупные стволы и сколько опустошений причиняют пожары! Производство железа под угрозой, а все, что я видел на Урале из каменного угля (исключая восточную часть у Соликамска), – это бурый уголь и бурый камень. Мы возвращались из Богословска под постоянной грозой через Верхотурье, Алапаевск, Мурзинские и Шайтанские берилловые, топазовые и аметистовые прииски. Комары и мошки преследовали нас тут даже в шахтах! Здешний (Екатеринбургский. – Прим. ред.) монетный двор и особенно замечательная плавка золота Мундта^[113] и Вейца^[114] (у которого энергичный и талантливый брат служит в канцелярии) в отличном порядке; машины, правда, очень старые, но работают исправно. У берг-инспектора я еще раз рассказывал о больном (затопленных Березовских шахтах).

С искренним почтением и совершенной преданностью Вашему
Высокопревосходительству

Ал. Гумбольдт.

[...] Как мне благодарить Вас за заботливо присланные вдогонку в Богословск берлинские газеты! Император самым лестным образом отозвался в адрес моих родных в Берлине обо мне и моей экспедиции в Сибирь [...] Мы воспользовались здесь Вашим благосклонным позволением передать наши коллекции г-ну интенданту для отправки в Петербург (до 10 октября). Ваше Высокопревосходительство, очевидно, распорядятся передать эти ящики в [прусское] посольство. Из образцов горных пород, собранных нами (кроме образцов руд и жильных пород, которые в Вашем кабинете представлены намного лучше), половину мы предназначаем для Вашего Высокопревосходительства. Проф. Розе упаковал эту коллекцию пород в один ящик (252 тщательно документированных нами образца), на котором, чтобы отличить его от наших, отдельная маркировка на

жести. Среди этих горных пород есть вулканический порфир, который проф. Розе нашел в Богословске, – там, где он соприкасается с зернистым известняком, тот превратился в яшмообразную массу.

Вильгельму

Екатеринбург, 6 (18) июля 1829 г.

Наш отъезд, дорогой брат, был отложен на два дня из-за сложности упаковать 12 ящиков с нашими коллекциями, которые поедут в Петербург также за счет казны. У нас замечательные образцы золота, платины (три-четыре дюйма, и даже кристаллизованные), топаза, горных пород... Разумеется, я подарю все Королевскому кабинету. Кроме того, из оставшихся образцов мы составили геологическую коллекцию для Санкт-Петербургского естественно-исторического собрания, где хорошо документированные образцы камня (горных пород) отсутствуют совершенно. В Казани я также собирал очень примечательные татарские книги для библиотеки или, если ты так предпочтешь, для тебя, монеты Тимура, Батыя... найденные в руинах Булгарии, куда мы плыли по Волге. Через час мы отъезжаем отсюда в Тобольск. Все идет по плану, и мы уже сравнительно с нашими расчетами выиграли десять-двенадцать дней, которыми хотим воспользоваться на Алтае или в Омске, – возможно, чтобы осмотреть Семипалатинск на китайской границе. Ты спрашиваешь о деньгах. Правительство переслало мне для поездки из Берлина в Петербург 1200 дукатов, кроме того, пообещав по приезде для внутренних расходов аванс в 10 тысяч рублей ассигнациями; четыре рубля ассигнациями приравниваются к одному серебряному или приблизительно к нашему талеру. Вместо 10 тысяч я получил 20 тысяч. Расходы такие: я плачу за четырех человек, трех слуг и казенного кучера. За два месяца мы до сих пор потратили на внутренние расходы почти 2800 рублей. Вероятно, у меня еще останутся деньги, – надеюсь, четыре-пять тысяч рублей – которые я верну, но таким образом, чтобы вплоть до возвращения в Берлин поездка мне ничего не стоила. Следует держаться с достоинством, а выгадав пять-шесть тысяч рублей, я не приобрел бы никаких

преимуществ. Мое здоровье таково, какое только может быть у человека, на которого смена климата почти не влияет, ни в лучшую, ни в худшую сторону. Я все еще сильно страдаю желудком, но в общем чувствую себя лучше, чем в Берлине. Едят здесь в Сибири совершенно отвратительно. У людей с тремя миллионами франков дохода нет ни супа, ни куска вареного мяса, зато ужасная мадера из Ост-Индии (судя по этикетке), шампанское, которое нужно пить почти при каждом пересечении реки и которое нам преподносят конвойные из казаков, – без них мы не можем ступить и шагу.

По-прежнему сочувствую тебе, любезный брат, касательно твоих хлопот в Берлине, но ах, ты не называешь в числе имен [Алоиза] Хирта^[115]. И бедного [Карла Фридриха фон] Румора^[116], которому вроде бы давали иезуитские обещания в Италии и которого используют, ничего ему не дав взамен. Впрочем, я совсем не расположен к нему [...] Пожалуйста, не забудь при [устройстве] музея о Винкеле^[117], он не должен стать жертвой твоего великодушия. Молю Бога, чтобы Брюль принял предложение, дабы не выходить на сцену. В остальном я откажусь и от поста директора, и даже от председательства в постоянной комиссии, даже если бы прочел о своем назначении в «Штатсцайтунг»^[118] и даже если бы это руководство сопровождалось самыми замечательными привилегиями, – я бы все равно категорически отказался. Пожалуйста, заяви об этом повсюду. Множество сердечных приветов Гедеманам, Каролинхен и всем домашним. Бедные Кунты. Передай г-же Зайферт, что у ее *sposo*^[119] все хорошо, он радуется своему отцовству.

А. Гумбольдт.

Розе

Мы передвигались быстро по хорошим дорогам. Вечером 18 июля мы прибыли в Камышлов, утром следующего дня – уже в деревню Тугулымская в 240 верстах от Екатеринбурга, а в полдень следующего дня – в Тюмень. [...]

Починка одного из наших экипажей заставила нас провести несколько часов в Тюмени. Прибыв туда в три пополудни, мы смогли выехать лишь в семь вечера. Мы переехали через Туру около города по

наплавному мосту и заночевали на ее левом берегу. Утром следующего дня мы были на Тоболе, который здесь представляет собой уже широкую большую реку, мы переправились через нее на пароме. По ту сторону находится село Евлево. Дорога продолжалась большей частью лугами, часто покрытыми низкорослыми осинами, березами и липами; местами дорога песчаная и проходит через еловые леса, напоминая местности нашей [бранденбургской] Марки. Тобол оставался все это время слева от нас, но по большей части на таком удалении, что мы не могли его видеть. Еще до захода солнца, которое светило весь день довольно жарко, мы увидели Тобольский собор, расположенный на высоком склоне и достойно возвещавший о приближении к столице Западной Сибири.

Розе

Мы проехали еще одну версту по равнине, прежде чем прибыли в Тобольск и по нескольким длинным улицам с деревянными домами и деревянными мостовыми подъехали к квартире статского советника д-ра Альберта, немца, который предоставил в наше распоряжение целый этаж и гостеприимно нас встретил. Дом также деревянный, но обустроен очень мило и удобно; с балкона в центральной зале открывается вид на улицу и на верхнюю часть города справа.

21–23 июля. Не только наш хозяин немец, – мы вскоре были окружены и другими немцами или мужчинами немецкого происхождения. Среди них были губернский казначей барон Крюденер^[120], почт-директор Мюллер, д-р Фиандт, молодой врач родом из Потсдама, – так что мы почти забыли, что находимся в Сибири, далеко от отечества. Даже некоторые слуги статского советника Альберта были немцами; это те, кого называют тут ссыльными. Они приносят Тобольску большую выгоду, поскольку сюда ссылают лишь за незначительные провинности, а среди этих ссыльных нередко встречаются ремесленники и другие полезные люди.

Очень интересным было для нас также знакомство с г-ном Вельяминовым^[121], генерал-губернатором Западной Сибири. Он чрезвычайно образованный человек, живо интересующийся нашими

научными занятиями. После полудня мы посетили в его сопровождении верхнюю часть города, откуда открывается замечательный вид на нижний город и весь левый берег Иртыша. [...]

Еще более широкий вид на равнину открывается в шести-семи верстах южнее Тобольска у села Жуковка, куда вечером 22-го мы поехали также в сопровождении г-на генерал-губернатора. Правый берег [Иртыша] здесь еще выше, чем у Тобольска, а обзор дальше; кроме того, крутой склон здесь также порос кустарником, образующим красивый передний план. Тобольск отсюда уже не видно, но хорошо просматривается место впадения Тобола в Иртыш. Г-н генерал-губернатор распорядился разбить на вершине шатер, позаботившись о чае и угощениях разного рода, и всячески способствовал умножению наших впечатлений от великолепия пейзажа [...]

Тобол, который ранее, когда Иртыш омывал и здесь еще подножие отвесного берега, втекал в него почти под прямым углом, замедляя течение в Иртыше, и способствовал постепенному отложению все большего количества песка у подножия. Но чем более из-за этого Иртыш отдалялся от обрыва, тем более острым становился угол, составлявший слияние Иртыша и Тобола, и тем менее, соответственно, шло отложение песка, которое со временем, очевидно, совсем прекратилось. Очень вероятно, что это уравнивание произошло уже очень давно и равнина выглядела так же, как и теперь, при завоевании Сибири: ибо на ней в 1581 г. (1582 г.) произошла последняя решающая битва, в которой предводитель казаков Ермак разбил татарского хана Кучума, обеспечив тем самым завоевание Сибири.

Розе

Во время нашего пребывания в Тобольске г-н Гумбольдт не прерывал свои обыкновенные астрономические и магнитные наблюдения. Особый интерес представлялся в том, чтобы провести их в том же месте, что и аббат Шапп д'Отрош^[122], командированный в 1761 г. в Тобольск королем Людовиком XV для наблюдения за прохождением Венеры через диск Солнца. Д'Отрош также определил в итоге астрономически местоположение Тобольска, распорядившись

выстроить для этого небольшую каменную обсерваторию, однако со временем она разрушилась и была разобрана.

Канкрину

Тобольск, 11 (23) июля 1829

Ваше Высокопревосходительство,

Я не беспокоил бы Вас вновь своими строками и известием о нашем благополучном прибытии в этот живописно расположенный город, если бы не должен был сообщить Вам о небольшом расширении планов нашего путешествия. Погода великолепна, дороги просохли, и мы уже сэкономили сравнительно с нашими расчетами поездки десять дней. Поэтому вместо экскурсии из Омска в Семипалатную, при которой я должен был бы два раза следовать через одну и ту же степь, я двинусь отсюда через Тару, Каинск, Барнаул и Змеиную гору в Усть-Каменогорск и Бухтарму, а на обратном пути через Усть-Каменогорск в Семипалатную, Омск и Троицк. Мы увидим в этом случае замечательные казенные шлифовальные мастерские и серебряные прииски Змеиной горы; надеемся найти, наконец, поблизости от китайской Монголии редкие виды представителей животного и растительного мира. Мне было бы чрезвычайно тягостно, если бы я мог предполагать, что такая поездка придется не по вкусу Вашему Высокопревосходительству, но Вы сами в пункте 6 чрезвычайно великодушно сформулированной инструкции, посланной еще 18 января мне в Берлин, предоставили мне полное право определять мою поездку в зависимости от того, где я надеюсь достичь целей для пользы науки. Не могу противиться стремлению воспользоваться дарованной Вами возможностью, которая при моей жизни никогда мне уже не представится... Некоторое время я колебался, не будет ли неэтичным увеличить расходы на поездку на несколько тысяч верст, но я утешаю себя надеждой, что из врученных лично мне денег я тем не менее смогу вернуть значительную сумму обратно.

Наши экипажи в наилучшем виде, они останутся в Усть-Каменогорске, пока мы будем совершать поездку в Бухтарму, туда – на длинных повозках [долгушах], а обратно – по воде. Мы надеемся быть

17 (29) августа в Омске, 22 или 23 августа в Златоусте. Тобольский генерал-губернатор, осыпаящий нас любезностями, даст нам для сопровождения одного из своих адъютантов. Повсюду (благодаря заботам Вашего Высокопревосходительства) мы находим самый теплый прием. Против комаров и мошек мы защищаемся душными масками – но без трудностей нельзя наслаждаться жизнью!

Вильгельму

Тобольск, 12 (24) июля

Надеюсь, дорогой друг, ты получил мои последние письма из Екатеринбурга. С тех пор я пребываю в наилучшем здравии. Неприятности доставил лишь проклятый фурункул, когда я спускался с Урала в огромные прекрасные азиатские равнины по берегам Иртыша. Впрочем, эта напасть, от которой я уже вылечился, ничуть не помешала путешествовать и делать наблюдения... Мы очень хорошо расположились здесь в доме немецкого врача, г-на Альберта, внука Вертеровской Лотты^[123]. Каждый год он приезжает к остякам и самоедам, все девушки у которых рябые. Он подарил мне интересные с точки зрения языка рукописи. Мы приехали в Тобольск 8 (20) июля, сегодня утром отправляемся в Колыванские и Алтайские горы. Погода настолько хороша, что мы вместо того, чтобы два раза двигаться вдоль по Иртышу, из Омска в Семипалатинск и обратно, проедем 3200 верст на восток и юго-восток, в Тару, Барабинскую степь (мы обзавелись масками для защиты от насекомых), Колывань, Барнаул, знаменитые развалины горы Змеиной, крепость Усть-Каменогорск, Бухтарму на границе китайской Монголии (где находится первый военный пост в непосредственном подчинении Китая), Семипалатинск, Омск... Старина Гедеман покажет тебе все на карте. Надеюсь, мы наконец найдем там необычную растительность. Будучи так близко к этим местам, тяжело было противостоять искушению забраться дальше.

Когда ты получишь это письмо, дорогой друг, вся эта поездка уже закончится. У всех нас все хорошо, надеемся 17 августа по старому стилю быть в Омске, 22 августа в Златоусте на южном Урале, и в

начале *нашего* октября в Москве. Это будет прекрасная поездка, которая принесет нам богатые плоды. Отправляемся через четверть часа. У меня остается лишь время нежно обнять тебя.

Пиши, прошу тебя, подробнее о состоянии твоего здоровья. Оно беспокоит меня.

Ал. Гумбольдт.

Обнимаю всех дорогих родных. Тобольское генерал-губернаторство предоставляет для нашего сопровождения на месяц адъютанта и двух казаков.

Розе

Ночью на 29 июля мы прибыли в город Каинск, лежащий на реке Омь еще посередине степи. Здесь мы отдохнули оставшуюся часть ночи и хотели рано утром продолжить наше путешествие, когда исправник сообщил нам, что в следующих далее по дороге на Томск деревнях свирепствует сибирская язва. Мы ничего не слышали об этом в Тобольске и осведомились об особенностях этой болезни у врача, который, однако, не смог дать нам удовлетворительные пояснения. Мы слышали, и это впоследствии в Барнауле подтвердил нам и рассказал подробнее статский советник д-р Геблер^[124], что первоначально эта болезнь поражает скот, но затем перекидывается и на людей; она особенно распространена в степях, и никогда в горах. Она начинается с образования уплотненных фурункулов, которые образуются у людей прежде всего на незащищенных участках тела, на лице, шее и руках. Как это часто бывает при подобных болезнях, их приписывают укусам насекомых, но каких именно, неизвестно. Фурункул развивается в черную гангренозную язву и через короткое время вызывает температуру и смерть. При вскрытии бубонов и наложении на них табака и нашатыря можно добиться в начале размягчения отвердений и вылечить болезнь, но если она поражает внутренние органы, то, как правило, уже неизлечима.

Мы раздумывали, что следует предпринять: повернуть и следовать по другому пути в Барнаул мы не могли, поскольку таковых не существовало, либо же это означало бы слишком большую потерю времени. Итак, мы решили следовать далее по нашему пути, но,

поскольку нам сказали о заразности этой болезни, по возможности избегать всякого контакта с крестьянами, где она бушевала. Слуга г-на Гумбольдта и наш служитель, которые обычно сидели на козлах рядом с возчиками-крестьянами, должны были перейти к нам в экипажи; мы собирались запастись провизией и даже водой на несколько дней, чтобы не выходить в деревнях, где перепрягали лошадей, и даже отказаться от сна.

За этими необходимыми приготовлениями приблизился вечер. Мы немного осмотрелись в городе: это дрянное местечко с небольшими деревянными домами, и даже те поставлены как попало. Дом, в котором нас разместили, представлялся еще из самых лучших: комнаты маленькие, но уютные и чистые, с цветами на подоконнике и несколькими мягкими стульями. На закате мы выехали. На небе вспыхивали зарницы, моросило, но незначительно; на следующий день снова была ясная погода и солнце. Во всех деревнях, где мы проезжали, мы видели следы эпидемии. В одной деревне мы слышали о четырех умерших накануне, в Карганской умерло шесть человек. В этой же деревне в общем пало уже 500 лошадей, так что мы лишь с трудом могли получить упряжку для наших экипажей. В каждой деревне мы видели небольшой лазарет, куда доставляли больных, которых лечили указанным образом, а в начале и конце каждой деревни дымились небольшие костры из навоза и сена, которые должны были очищать воздух. Хотя нам представлялось, что эти небольшие окуривания мало что дадут для сдерживания или искоренения болезни, тем не менее мы видели позже на сибирских равнинах и в тех местах, куда эпидемия вовсе не добралась, – например, по всей Иртышской линии – как тщательно эти костры поддерживались и там.

Розе

Город Барнаул находится еще почти в степи, на краю Алтая, но служит центром горного дела там, поскольку здесь не только сосредоточено управление многими горнопромышленными предприятиями, но и расположен главный плавильный завод Алтая. Поэтому город имеет большое значение для Алтая, цивилизация,

колонизация и растущее с каждым годом благосостояние которого обязаны всем горному делу.

Розе

Наряду с плавильными заводами наше особое внимание в Барнауле привлек музей – безусловно, единственный своего рода в Сибири – обязанный возникновением научному интересу и деятельности г-на Фролова^[125] и г-на статского советника д-ра Геблера. Последний, немец по рождению, но уже давно имеющий врачебную практику в Барнауле, любезно согласился провести нас по музею. Здесь собрано много коллекций разного рода, но все посвященные Сибири, тому, что здесь производится, обычаям и установлениям ее жителей. Здесь можно видеть чучела зверей и птиц, насекомых, минералы, модели главных рудников Алтая и имеющихся там машин, традиционную одежду и утварь сибирских народов и их шаманов и наконец, древности из чуждских^[126] гробниц, в большом количестве встречающихся на Алтае, золотую, серебряную и медную утварь всякого рода.

Вильгельму

Барнаул-на-Оби, на северных склонах Алтая, [23 июля по старому стилю] (4 августа по новому стилю), 1829 г

Пользуюсь всякой возможностью, мой дорогой брат, чтобы известить тебя в нескольких строках о благополучном продолжении моей поездки. Из моего письма, отправленного из Тобольска (если письма из такой дали не пропадают), ты должен был знать, что мы приняли смелое решение посетить также важную часть Алтая с экскурсией протяжением в 2833 версты, из которых мы благополучно преодолели к сегодняшнему дню уже 1400 (расстояние от Берлина до Петербурга). По этим однообразным сибирским лугам путешествуешь – или точнее, летишь – как по морской глади, настоящее сухопутное

плавание, в котором за 24 часа одолеваете 240–280 верст. От Тобольска до Тары в меньшей степени, но в Каинске и в Барабинской степи мы чувствительно страдали от жары, пыли и желтых мошек (местная разновидность). Напастей не меньше, чем в Ориноко, и, хотя термометр показывает в тени только 24–24,5° по Реомюру, от жары чрезвычайно страдаешь из-за разницы с холодными ночами (7–8°, а то и 5°). В городке Каинске мы испытали некоторый испуг, узнав, что должны в течение двух дней ехать по местности, в которой предоставление лошадей (нам нужно 25–30) осложнено из-за мора животных; из-за этой же так называемой сибирской язвы умирает и много людей. *Сибирская язва* – род тифа, который без врачебной помощи на пятый день, с появлением небольшого гангренозного струпа, заканчивается смертью. О возможности заражения, как водится, было много сомнений и противоречивых сведений. После многочисленных консультаций с врачом, который никогда не слышал о Берлине (*talis urbis notitia nulla ad nos hucusquesque pervenit*^[127], как он наивно выразился на своей ужасной латыни), мы решили не разворачиваться, посадить слуг внутрь экипажей, чтобы они не касались кучеров (сибирских крестьян), не входить в дома и самим набирать воды из колодцев.

12 (24) июля мы были в живописно расположенном на Иртыше выше Тобольска Абалакском монастыре; 17 июля в Каинске; 19 июля мы сначала увидели, а затем пересекли у Бердска величественную Обь. Мы обнаруживали много больных в деревнях, где иногда умирало в день по четыре-пять человек. Но так как мы продолжали путь круглые сутки, то уже утром 20 июля прибыли здоровыми и благополучными в окрестности центра горной промышленности Алтая – Барнаула (53° 20′ с. ш., 5 ч. 20′ в. д., настолько же удален от Берлина на восток, как Каракас на запад!) на берегу Оби, которая здесь делает несколько изгибов. На протяжении семнадцати часов бушевала буря с ЮЮВ, из киргизской степи; на Оби поднялись волны, и о переправе не могло быть и речи. Все мы должны были расположиться на бивуак на берегу Оби. Полыхавший по верхам пожар в лесу напомнил мне Ориноко. Ураган сменялся дождем – в общем, это было скорее благом, так как мы были избавлены от комаров и не нуждались больше в удушливых масках.

Около 2 часов ночи мы смогли пересечь Обь и прожили с удобством и приятностью два дня здесь, в Барнауле: тут выплавляется 80 тысяч марок серебра, интендант всей Томской губернии^[128] собрал здесь прекрасную коллекцию китайских, монгольских и тибетских рукописей. Увы, из-за чрезвычайно доброжелательной заботливости правительства о безопасности наше сопровождение растет со дня на день. Генерал-губернатор Тобольска генерал Вельяминов не только прикомандировал к нам своего адъютанта г-на Ермолова^[129] с четырьмя казаками. Сегодня вечером прибудет, наконец, со своей свитой командующий генерал г-н Литринов (Литвинов. – *Прим. ред.*)^[130] из Томска, который на пути в 1500 верст вдоль пограничной линии проводит нас самолично.

Итак, мы отправляемся отсюда этой ночью, через красивое Кольванское озеро к горе Змеиной (мимо алтайских серебряных рудников), в Усть-Каменогорск, потом вверх по Иртышу через Бухтарму до китайской заставы Нарым в Китайской Монголии, затем вниз по Иртышу до Усть-Каменогорска, где снова пересядем в наши экипажи, затем по Киргизской степи через важные азиатские торговые центры в Семипалатинск и Петропавловск, через Омск и Троицк в Златоуст на Южном Урале.

Так мы сможем увидеть за одно лето на огромном маршруте по Северной Азии Урал, Алтай и Оренбургские соляные копи Илецка. Все еще вполне вероятно, что мы сможем быть до 20 августа старого стиля в Златоусте, 20 сентября в Оренбурге, 5 октября (старого стиля) в Петербурге, в середине ноября в Берлине! Растительность по мере того, как мы удалились уже на 3500 верст к юго-востоку от Урала в Азию, наконец-то постепенно приобретает все более сибирский характер. И все же, поскольку ландшафт определяют только деревья, берега Оби, в общем и целом, напоминают Хафель и Тегельское озеро. О крупных зверях замечу лишь, что большие полосатые тигры, совершенно схожие с бенгальскими, не только показываются в этих северных широтах вплоть до Иркутска, но несколько лет назад, когда в Китайской Монголии устраивали на этих зверей охотничьи облавы, здесь на Алтае, у Бухтармы, подстрелили трех-четырех при нападении на всадника. Мы видели шкуры, снятые с двух тигров, к следующей зиме раздобудем их для [Королевского] Кабинета. То, что эти хищники водятся так далеко на севере, весьма замечательно. Прощай, мой

добрый брат. Найдут ли эти строчки из Азии тебя уже в твоём затворничестве в [Бад-]Гастайне? Мысль об этом одиночестве не даёт мне покоя; вообще не могу думать о тебе без душевного волнения, без щемящего чувства благодарности и любви. Обними всех наших, дорогой Билл! Я слишком устал, чтобы перечитать письмо. С сегодняшнего дня мы едем по совершенно здоровой местности. Передай по доброте душевной г-же Зайферт, что у её мужа все хорошо. Обнимаю Каролинхен. Бедная семья Кунт. Вечно твой,
А. Гумбольдт.

Розе

За осмотром упомянутых предметов, в приятном и содержательном общении с гг. Фроловым и Геблером мы провели три дня, в то же время использованных нами, однако, и для приготовлений к последующей поездке. Ибо, ознакомившись ближе с горным делом на Алтае, мы решили расширить эту поездку ещё более, чем предполагалось вначале, и разработали с этой целью следующий основной план. Сначала мы хотели двинуться к горе Змеиной, затем посетить прииски Риддерский и Крюковский, а оттуда через Усть-Каменогорск и Бухтарминск поехать в Зыряновск. Затем, после посещения китайской заставы Баты, мы собирались возвратиться в Бухтарминск и по Иртышу в Усть-Каменогорск, закончив тут наше путешествие по Алтаю.

Розе

13 августа. Усть-Каменогорск, обозначающий в своём имени открывающийся доступ в горную местность, находится на высоте 800 футов, в начале степей. Горы ещё простираются на некоторое отдаление от Иртыша, а затем совершенно переходят в равнину. Город непримечательный, состоящий из нескольких улиц с деревянными домами, с населением менее чем две тысячи жителей. Он открыт со всех сторон, но тем не менее имеет так называемую крепость,

представляющую собой не более чем пустое пространство, занятое несколькими домами и окруженное валом и рвом.

Розе

Наш хозяин дал обед, на котором присутствовала не только наша компания, но и другие гости из города и издалека. Среди них – комендант крепости полковник Лианкур, пожилой, но очень энергичный французский эмигрант, который живет в Сибири уже 39 лет, а также коммерции советник Попов из Семипалатинска, который особенно интересовал нас из-за подробных знаний о Средней Азии, приобретенных благодаря разветвленным торговым сношениям с Бухарой, Ташкентом и т. п. Он очень предприимчивый и деловой человек, который имеет большие заслуги и перед культурой своего отечества. Попов был в Усть-Каменогорске лишь по делам и заранее пригласил нас к себе в Семипалатинск, куда хотел возвращаться в тот же день. Наш любезный хозяин присутствовал среди нас, но не участвовал в трапезе, поскольку был постный день. Вечером нам представилась возможность полюбоваться проворством и ловкостью во всевозможных военных упражнениях казаков, составляющих Усть-Каменогорский гарнизон: генерал Литвинов устроил в крепости маневры и пригласил на них нас.

Вильгельму

Усть-Каменогорская крепость

на границе Киргизской степи,

1 (13) августа 1829 г

Отдаю на почту эту пару строк, дорогой Билл, не зная, дойдут ли они до тебя в [Бад-]Гастайне из Усть-Каменогорска, в 5600 верстах от

Петербурга и в 3200 верстах по прямой от азиатских склонов Урала. Это уже почти триумф европейской цивилизации. Наше путешествие по Алтаю (из Тобольска в Каинск, Барнаул, Змеиную гору, богатые серебряные прииски Колывани) прошло чрезвычайно благополучно. Сегодня мы прибыли сюда, завтра отправляемся на местных повозках через Бухтарму в Нарым, а оттуда к китайской заставе, так что сможем вступить в соприкосновение с Поднебесной. Это самая западная застава китайской Монголии. Такое остается с тобой на всю жизнь... Генерал Литринов (Литвинов. – *Прим. ред.*), начальник всей линии против киргизов, лично сопровождает нас вместе с несколькими казаками. Китайский офицер у Нарыма пригласил нас, он готов нас принять. Через шесть–восемь дней мы вернемся сюда, откуда без промедления вернемся через Омск на Южный Урал и в Оренбург. Тысяча сердечных приветов,

А. Гумбольдт.

У Зайферта и прочих все хорошо.

Араго

Усть-Каменогорск в верховьях Иртыша, в Сибири,

1 (13) августа 1829 г

Итак, я уже более чем два месяца нахожусь вне пределов Европы, восточнее Урала; при той бурной жизни, которую мы ведем, у меня до сих пор не было возможности передать тебе восточку и дружеский привет. В этом наскоро набросанном письме невозможно (мы прибыли около 4 утра в эту маленькую крепость на границе Киргизской степи и, вероятно, сегодня же ночью снова отправимся в восточном направлении, в Бухтарминск, Нарым, и к первой заставе китайской Монголии) невозможно, говорю я, рассказать тебе обо всех наших открытиях, сделанных после нашего отправления из Петербурга 8 (20) мая. Эти строки предназначены лишь для того, чтобы сообщить тебе, что моя поездка совершенно достигла своих научных целей, и в такой степени, которая превосходит все мои ожидания; что, несмотря на все

тяготы и преодоленные расстояния (начиная с Санкт-Петербурга, мы уже проделали более 5600 верст, из них 320 (3200, опечатка в тексте. – *Прим. ред.*) только в этой азиатской части), я наслаждаюсь хорошим здоровьем; что я переношу всё с терпением и уверенностью; что о своих спутниках (гг. Розе и Эренберг) могу сказать только хорошее, и что, нагруженные геологическими, ботаническими и зоологическими коллекциями с Урала, Алтая, Оби, Иртыша и из Оренбурга, мы надеемся прибыть обратно в Берлин примерно в конце ноября. Даже не могу перечислить всех любезных мер русского правительства, предпринятых для того, чтобы эта поездка смогла легче достичь своих целей. Мы путешествуем на трех повозках под руководством офицера горного ведомства, нас предваряет правительственный курьер. Иногда на станции нам требуется сразу 30–40 свежих лошадей, и такая перемена всегда происходит в совершенном порядке, будь то день или ночь. Не могу не расценивать это как знак благожелательности и личного расположения: это публичная дань уважения науке, благородная щедрость во имя прогресса современной цивилизации. Наш маршрут пролегал через Москву, Нижний Новгород, оттуда по Волге до Казани и к руинам татарской Булгарии.

Эта часть России, населенная мусульманами-татарами и в которой наряду с церквями стоят мечети, очень интересна и пробуждает, как и Урал, Башкирия и Алтай, живой интерес к прекрасному исследованию г-на Клапрота^[131] *Asia Polyglotta*. Из Казани через живописные долины Кунгура и Перми мы отправились на Урал. На всем протяжении поездки от Нижнего Новгорода до Екатеринбурга и платиновых приисков Нижне-Тагильска нас сопровождал граф Полье, с которым ты познакомился в Париже у герцогини де Дюра, как ты наверняка помнишь. Здесь, в этой дикой местности, он рисует пейзажи, обладая при этом прекрасным талантом. Тесно связанный с Россией благодаря своему браку, он энергично старается об увеличении производительности горных предприятий и фабрик. Позднее на азиатской стороне Урала меня – что за удивительное обстоятельство – ожидала та же коляска, на которой я ездил из Парижа в Верону и из Неаполя в Берлин. Она была в прекрасном состоянии, что делает честь парижскому мастерству. В течение месяца мы были заняты тем, что осматривали Березовские золотые прииски, Гумешевские и Тагильские малахитовые рудники, железоделательные и медные заводы, места

добычи бериллов и топазов, золотые и платиновые прииски. Удивительны золотые самородки в два-три, даже до восемнадцати-двадцати фунтов, которые находят в нескольких дюймах под дерном, пролежавшие там столетиями неоткрытыми. Одной из главных целей нашей поездки было разузнать побольше о местонахождении и возможном образовании этих отложений, которые чаще всего перемешаны с кусками диабазы, хлоритового сланца и змеевика. Ежегодно намывается до шести тысяч килограммов золота. Большое значение получают новооткрытые места выше 59-й и 60-й параллели.

В нашем распоряжении есть ископаемые слоновьи бивни, включенные в эти отложения золотосодержащего песка. Возможно, его появление следует отнести лишь ко времени исчезновения этих крупных зверей, вследствие местных разрушений и обнажения пород. Янтарь и бурый уголь, встречающиеся на восточных склонах Урала, без сомнения, старше. В золотосодержащем песке встречаются также крупинки киновари, самородной меди, цейлонита, гранатов, мелких белых цирконов с очень красивым алмазным блеском, анатаза, альбита и т. п. Характерно, что платина на Среднем и Северном Урале встречается только на западной, европейской стороне. Богатые золотые прииски семьи Демидовых в Нижне-Тагильске находятся на азиатской стороне, по обеим сторонам горы Бертевой [Бортевой], где в одних только отложениях Вилкни [Вилюя?] намыто уже более 2 800 фунтов золота. Платина находится на милю восточнее от водораздела (не путать с осью наивысших точек горного массива) с европейской стороны вблизи от притоков Улки [Утки] в Сухо-Висиме [на р. Сухой Висим] и Мартьяне. Г-н Швецов^[132], который имел счастье учиться у Бертье^[133] и чьи прилежание и знания служат нам большим подспорьем при изучении Урала, нашел хромистое железо с крупинками платины, исследованное г-ном Хельмом [Гельмом], талантливым химиком из Екатеринбурга. Платиновые прииски Нижне-Тагильска настолько богаты, что из 100 пудов (пуд равен 40 русским фунтам) песка добывают 30 (иногда до 50) золотников платины. Тогда как наносные отложения Вилкни [Вилюя?], очень богатые золотом, и другие золотые прииски на азиатской стороне дают только полтора-два золотника золота на сто пудов песка. В Южной Америке относительно низкая горная цепь Кордильер у Кали также разделяет золотосодержащие пески, не включающие платину, с восточной

стороны (у Попаяна) от платиносодержащих песков без золота, у перешейка Распадура в провинции Чоко. Возможно, г-н Буссенго^[134] к этому моменту уже добыл новые сведения об этих залежах в Америке, и таковые наблюдения представляют еще больший интерес в сочетании с наблюдениями, которые мы делаем здесь. У нас есть самородки платины длиной в несколько дюймов, и г-н Розе обнаружил в них отличное скопление кристаллизованной платины. Что касается диабазового порфирита Лаи, в котором г-н Энгельгардт обнаружил маленькие крупинки платины, мы основательно изучили его прямо на месте; пока, однако, г-н Розе считает, что единственные вкрапления металла, которые мы смогли обнаружить в горах Лаи и в диабазе Белой горы, – это пирит. Этот феномен станет предметом последующих исследований. Труд г-на Энгельгардта об Урале заслуживает, на наш взгляд, высокой оценки. Есть также отдельные залежи осмия и иридия, они содержатся не в богатых платиной отложениях Нижне-Тагильска, но встречаются поблизости от Билимаевска^[135] [Билимбая] и Кыштымска^[136] [Кыштыма]. Я настоятельно обращаю внимание на геологические свойства, о которых свидетельствуют эти металлы, встречающиеся вместе с платиной в Чоко, в Бразилии и на Урале.

Розе

Левый берег Иртыша в этой местности открытый и имеет степной характер. На нем обитают кочевые киргизы Большой орды, которые, впрочем, кочуют и по правому берегу. Мы проезжали несколько их аулов, как называют их совместно кочующие сообщества, и поблизости их видели частично возделанные посевы. По большей части мы наблюдали сорго (*Holcus Sorgum*^[137]) – оно произрастает повсюду довольно хорошо, поскольку киргизы умеют успешно орошать поля через прокопанные везде небольшие канавки, по которым подводится вода с гор. Известно, что киргизы также выращивают в степи пшеницу.

Около часа мы прибыли на китайскую заставу; собственно, их две – одна на правом, другая на левом берегу Иртыша. Гарнизон живет в беспорядочно разбросанных шатрах, или киргизских юртах^[138]. В заставе на левом берегу монголы, на правом – китайцы, но и те, и

другие подчиняются китайским офицерам. На середине между обеими заставами на острове на Иртыше расположен под командой ротмистра (*есаула*) небольшой казачий пикет, для которого там построено несколько домов. Предназначение пикета – следить за ловлей рыбы казаками в близлежащих селах по китайскому Иртышу до озера Зайсан, распорядиться сбором в необходимом количестве соли и осетров, которые они должны передать за это на китайскую заставу, и в общем наблюдать за соблюдением доброго согласия между русскими и китайцами. Зимой, когда рыбной ловли нет, русский пикет уходит в ближайшую деревню Красноярск (Красные Ярки. – *Прим. ред.*), но и китайская застава не остается на своем месте, а уходит в Чугучак, город к югу от озера Зайсан.

Поскольку наш визит был объявлен заранее, казаки русского пикета разбили на правом берегу две киргизские юрты, в которых мы сначала и остановились, а затем нанесли визит командиру правой заставы. Он заранее вышел к нам навстречу из своего шатра с двумя следующими позади него сопровождающими. Это был высокий, поджарый и, сколько можно было судить, еще молодой человек в синем шелковом кафтане, который доставал ему по щиколотку, в известной островерхой шапке с отогнутыми внизу полями, в которую сзади были горизонтально воткнуты несколько павлиньих перьев, указывая на его ранг. Сопровождающие были одеты так же, но без павлиньих перьев в шапке. Он знаками пригласил нас последовать в его шатер, киргизскую юрту, в которой напротив и сбоку от двери стояло множество чемоданов и ящиков, накрытых коврами и подушками, а один ковер был расстелен на полу. Китайский командир занял место напротив двери, рядом с ним – г-н фон Гумбольдт, остальное общество разместилось частью на оставшихся ящиках или подушках, частью на земле. Мы привезли с собой переводчика из Бухтарминска, который, правда, говорил только по-монгольски, но китайский офицер его понимал. Таким образом, вопросы г-на Гумбольдта наши русские сопровождающие переводили для толмача по-русски, тот переводил их для китайского офицера на монгольский, и такой же путь проделывали ответы. Китайский командир предложил нам чаю, который китайцы пьют без молока и сахара, но мы, поблагодарив, отказались. После этого он осведомился о целях поездки г-на фон Гумбольдта, который велел в ответ сказать, что он

приехал посетить горные предприятия, о которых г-н офицер очевидно наслышан. Г-н фон Гумбольдт в ответ осведомился о том, откуда офицер родом. Тот ответил, что прислан сюда напрямую из Пекина, и рассказал, что путь сюда на лошади занял у него четыре месяца, что он прибыл недавно и что командиры заставы сменяются через каждые три года.

После краткого пребывания мы удалились и распорядились перевезти нас на другой берег, чтобы нанести визит и офицеру другой заставы. Он ожидал нас в своей юрте, перед дверью которой стояло множество шестов с повешенными на них кусками мяса, так что нам пришлось пробираться между ними. Он был одет так же, как и командир правой заставы, но старше летами и грязнее видом; тот же налет имела его юрта и все его окружение. Разговаривать с ним было еще более неудобно, так как сначала один из его подчиненных должен был переводить слова переводчика на китайский, – то ли потому, что сам командир по-монгольски не понимал, то ли потому, что считал более уместным для своего достоинства не говорить с переводчиком напрямую. Г-н фон Гумбольдт подарил командиру заставы отрез красного бархата, купленный нарочно с этой целью в Бухтарминске, принятый им с благодарностью. После чего тот предложил нам чай, от которого мы, однако, также вежливо отказались. Через некоторое время он повел нас в храм, стоявший на этой стороне Иртыша недалеко от реки. Это было небольшое четырехугольное деревянное сооружение с входом со стороны реки; внутри мы нашли его почти пустым, поскольку там не было ничего, кроме алтаря напротив двери и статуи идола буддийского культа на стене над алтарем. Вне здания напротив двери между храмом и рекой была возведена стена, немного большей ширины, чем храм, а между стеной и храмом воздвигнут другой алтарь, состоявший из кусков шифера, сверху покрытый большой шиферной плитой, на которой мы увидели все еще не потухшие угли.

После этого мы вернулись на другой берег и вскоре принимали ответный визит первого командира и двух его сопровождающих лиц. Г-н фон Гумбольдт встретил их и пригласил войти в нашу юрту, в которой, поскольку она была пуста, мы сели на расстеленные на полу циновки: г-н фон Гумбольдт в середине, слева от него генерал Литвинов и мы все остальные, справа – китайский командир со своими

спутниками. Простые монголы между тем толпились вокруг юрты и рассматривали нас из-за двери. Китайский командир и его спутники достали свои трубки и начали курить, пригласив нас сделать то же самое. Китайские головки курительных трубок, как известно, очень малы, и после нескольких затяжек их уже выкуривают, поэтому их необходимо беспрерывно набивать и раскуривать. Что и делали за офицера его сопровождающие. Тот попробовал также наш табак, предложенный им Ермоловым, который, судя по всему, китайцу понравился. Однако вскоре он отложил свою трубку, поскольку г-н фон Гумбольдт и бóльшая часть нашего общества не курили. Г-н фон Гумбольдт вручил китайскому командиру отрез тонкого синего сукна, но тот долго не решался его принять. Он выразил переводчику свои сомнения в возможности принять столь большой подарок, а затем и сам дал знаками это понять г-ну фон Гумбольдту, отодвинув отрез от себя. На что тот ответил через переводчика и показал знаками, что китаец должен его принять, снова пододвинув сукно китайцу. После того, как все это подталкивание туда и сюда повторилось несколько раз, командир наконец сдался, и, судя по всему, не без удовольствия. После чего он осведомился у переводчика, какой ответный подарок он может преподнести. Переводчик был на этот случай уже предупрежден, что г-на Гумбольдта ничто так не порадует, как несколько книг, которые мы видели в юрте китайского командира. Тот немедленно распорядился принести книги и передал их г-ну фон Гумбольдту, который принял их, радуясь столь ценному подарку, хотя и тоже лишь после множества расшаркиваний и экивоков.

Китайский командир обрадовался еще больше, когда г-н фон Гумбольдт рассказал, что у него есть брат, который много занимается китайским языком и которому он передаст эти книги. После этого г-н фон Гумбольдт попросил командира написать на книге свое имя, что он и сделал переданным ему карандашом, – при сем мы узнали, что его зовут Чин Фу. Карандаш был ему в новинку, он с удовольствием его рассматривал и поэтому с удовольствием принял его в качестве подарка. После этого из привезенной нами провизии мы предложили ему несколько угощений – мадеру, сухари, сахар. Последнего мы запасли очень много, поскольку слышали, что монголы, у которых его нет, и они должны менять его у русских, очень его любят. Однако Чин Фу лишь немного отпил мадеры и взял небольшой кусок сахара, да и

тот не отправил в рот. Вместе с принятым от нас сухарем он положил сахар и карандаш на голубое полотно и вместе с небольшим пакетом табаку, которым его удостоил Ермолов, распорядился позднее всё унести. Однако его спутники опустошили несколько стаканов вина, причем всегда одним залпом, при появлении сахара отложили свои трубки, брали и ели его в большом количестве. Оставшийся сахар мы раздали простым монголам, которые между тем уже протиснулись внутрь юрты и, как дети, жадно тянули за ним руки.

Через некоторое время Чин Фу поднялся и откланялся; все его поведение безусловно выдавало в нем хорошо воспитанного человека. Мы посидели еще некоторое время, рассматривая рядовых монголов, которые, снедаемые любопытством, прибывали со всех сторон, трогали и рассматривали нас, однако не обижались, если их останавливали рукой. На обеих заставах их было около восьмидесяти человек, одетых, как и командиры, в длинные кафтаны разного цвета, перепоясанные на бедрах кушаком, но все разодранные, грязные и без оружия. Они были чрезвычайно худы и потому не переставали удивляться корпулентности одного из наших спутников, обхватывая и трогая его живот. Из оружия мы видели у них только лук и стрелы, которые они предлагали купить или поменять вместе с прочими предметами – курительными трубками, фарфором, палочками, которые они используют при еде вместо ложек и т. п. Между их шатрами мы видели несколько верблюдов и стада коз и овец с курдюками, составлявших их скот. [...]

Мы между тем выказывали намерение уезжать: г-н фон Гумбольдт желал покинуть Баты как можно раньше, чтобы определить местоположение заставы, расположившись на некотором отдалении от нее на открытых солнцу возвышенностях. Он поостерегся делать это непосредственно на месте, поскольку опасался возбудить подозрения китайцев. Поэтому мы покинули Баты вскоре после 4 часов, расположившись некоторое время на подходящем для измерения месте, а затем без новой остановки той же дорогой, какой прибыли, вернулись в Красноярск, прибыв туда в 12 часов ночи. Г-н фон Гумбольдт и здесь не стал отдыхать, но той же ночью при ясном звездном небе провел несколько астрономических наблюдений.

19 августа мы снова продолжили нашу обратную поездку к Усть-Каменогорску, но на сей раз выбрали не утомительный сухопутный, а водный путь по Иртышу, которым обыкновенно пользуются для такой поездки из Бухтарминска. При скорости, с которой река устремляется в этой местности через горы, такой путь легко можно проделать в один день, в то время как вверх по реке требуются три–пять, а с нагруженными судами и все восемь–десять дней.

Для этой поездки нам приготовили два судна, каждое из которых состояло из трех челнов, связанных вместе, с положенными сверху досками, на которых был разбит войлочный шатер. С одной стороны, нам были обеспечены тем самым очень удобный лагерь и защита от дождливой погоды, случавшейся почти на весь день. Но в то же время из-за войлочных покрывал мы почти не имели возможности видеть реку, а из-за неповоротливости судна с таким большим трудом могли приставать к берегу и высаживаться на него, чтобы исследовать состав скал, что вынуждены были отказаться от частых повторений таких попыток.

Араго

Усть-Каменогорск, 8 (20) августа

Эти последние строки я пишу 20 августа. Неделю назад я отложил перо, чтобы определить расстояние до Луны, поскольку для определения географического местоположения этой южной части Сибири, в которой находятся истоки Оби и граница с китайской Монголией, требуется большая тщательность; на работе хронометра может сказаться уже скорость поездки. Между тем 13-го я посетил китайский пикет (форпост) в Джунгарии. Наши повозки мы оставили в Усть-Каменогорске и вместо них должны были воспользоваться, по ужасным дорогам, длинными сибирскими телегами [долгушами], в которые следует ложиться навзничь. Но прежде описания дня, проведенного нами в Поднебесной, я должен еще рассказать о продолжении нашей поездки. После того, как через Верхотурье и Богословск мы направились на Северный Урал, где измеряли азимуты, чтобы определить координаты северных горных вершин, и по осмотре

берилловых и топазовых шахт в Мурзинске 6 (18) июля мы выехали из Екатеринбургa в Тобольск, через Тюмень, где некогда была резиденция потомков хана Батыя. Изначально мы собирались затем ехать дальше прямо через Златоуст в Омск, но хорошая погода сподвигла нас расширить первоначальный замысел нашего маршрута за счет Алтая и верхнего Иртыша (три тысячи верст дополнительно). Генерал-губернатор Западной Сибири, генерал Вельяминов, распорядился, чтобы нас сопровождал один из его адъютантов, г-н Ермолов. Генерал Литвинов, командующий всей Киргизской линией, лично отправился из Томска в Колывань, чтобы встретить нас и препроводить до китайской заставы. Мы ехали через Каинск и Барабинскую степь, где комары ни в чем не уступят оринокским и где почти задыхаешься под маской из конского волоса; проезжали через прекрасные фабрики в Барнауле, романтическое озеро в Колывани, знаменитые шахты Змеиной горы (месторождение в порфире), Риддерска и Зыряновска, которые за год дают 40 тысяч фунтов золотосодержащего серебра. В Усть[-Каменогорске?] впервые можно видеть цепь Киргизских гор.

Предварительно к одной из китайских застав Монголии (Джунгарии) был послан курьер с вопросом, готовы ли они принять нас вместе с генералом Литвиновым. Разрешение было получено, вместе с сообщением, что китайский командир [заставы] Баты, несмотря на разницу чинов, ожидал, что, согласно китайскому этикету, мы посетим его сначала в собственном шатре, ибо в случае, если бы он оказался на русской территории, он поступил бы так же. Мы двинулись по дороге в Баты, которая проходит через небольшие крепости Бухтарминск и Красноярск, где всю ночь с 16 на 17 августа (нового стиля) провели за астрономическими наблюдениями и где я наблюдал примечательный феномен полярных полос перистых облаков (в этой связи хотел бы попросить тебя проверить свои магнитные реестры).

В Баты два китайских лагеря по обеим сторонам Иртыша; они представляют собой жалкие юрты, в которых живут монгольские или китайские солдаты. На голом холме стоит небольшой китайский храм. В долине пасутся двугорбые бактрийские верблюды. Оба командира, один из которых прибыл из Пекина всего неделю назад, — чистопородной китайской расы. Их сменяют каждые три года. Они были одеты в шелка, с красивым павлиньим пером на шапке, и

приняли нас с большой помпой, что не могло не повеселить. В обмен на пару локтей сукна и красный бархат мне подарили китайскую историческую книгу в пяти томах, которая, какой бы она ни была обычной, будет дорога как напоминание об этой небольшой экскурсии. По счастью, граница с Монголией оказалась и для г-на Эренберга богатым источником новых видов растений и насекомых.

Но что делает эту поездку по Алтаю для нас особенно важной, это тот факт, что нигде больше в мире в обоих полушариях гранит из грубого, обычного полевого шпата, без альбита, гнейса и слюдяного сланца (групп сланца) не являет таких эруптивных формаций и излияний, как на Алтае. Гранит выходит на поверхность в этих скалах не только в виде жил, которые теряются вверху в глинистом сланце, но и в виде изверженной породы поверх него, видимой и постоянно имеющей длину более чем две тысячи туазов, кроме того, в виде конусообразных холмов и небольших гранитных колоколов, наряду с куполами из трахитового порфира, затем доломит в граните, порфиновые жилы etc., etc.

Г-н Розе открыл на Северном Урале место, где расслаивающийся и частично шарообразный порфир из-за контакта с известняком превратился в яшму, разделившись на параллельные прослойки. Подобные полосы и силицификацию я видел и в Педраццо. Замечательна на Урале, кроме того, тесная связь между габбро (хлоритосодержащий змеевик) и диабазом с пироксеном, который, однако, содержит больше амфибола, чем пироксена. Я старался в местах, пропущенных гг. Ханстеном^[139] и Эрманом^[140], измерять температуру земли (она часто превышает 2°), а также магнитное склонение и интенсивность поля. Именно эти пункты подтверждают движение узлов с востока на запад, которое ты снова подчеркнул в твоём отчете о поездке г-на Фрейсине^[141]. Почта сейчас уходит, я не успеваю ни перечесть, ни переписать или исправить это сбивчивое письмо. Надеюсь, что смогу тебя обнять следующим летом. Тысяча приветов Гей-Люссаку^[142].

Розе

В Усть-Каменогорске мы покинули Алтай и возвращались по широким равнинам, которые проезжали уже на пути туда, на Урал. Из Усть-Каменогорска на Урал вначале есть всего одна дорога, идущая до Омска по правому берегу Иртыша. Однако мы здесь удалились от реки и двинулись по кратчайшему пути на запад напрямик через степь в сторону Урала. Этот путь в то же время отмечает границу Российской империи со Средней ордой киргизов, для защиты от их нападений его прикрывает система более или менее укрепленных мест, отстоящих на расстояние двадцати–тридцати верст друг от друга и населенных казаками, на которых лежит обязанность защищать эти границы. Меньшие из них именуются форпостами или редутами, более крупные – крепостями. Все они выстроены регулярным образом и окружены рядом рогаток; и лишь именуемые крепостями имеют в центре, подобно Усть-Каменогорску, более укрепленное пространство с валом и рвом, внутри которого помещаются дома коменданта и прочих чиновников, магазины и нередко также церковь. Как бы незначительны ни казались сами по себе эти средства обороны, они достаточны, чтобы выдержать нападение киргизов. Но и на верхнем, и на нижнем Иртыше они часто не поддерживаются в хорошем состоянии, поскольку киргизы Средней орды теперь по большей части усмирены и опасность вражеских нападений небольшая^[143]. Казаки, населяющие эти места, имеют совершенно военную организацию, но у них постоянное место жительства; они занимаются скотоводством и земледелием, их дома отличает большой порядок и чистота. В маленьких поселениях живут почти только казаки, в более крупных поселились и другие русские подданные, которые нередко составляют там большинство [...]

Наша поездка вдоль Иртышской линии по приказанию генерал-лейтенанта Вельяминова из Тобольска проходила со всей воинской пышностью. От одной станции до другой нас неизменно сопровождало целое подразделение казаков, которые частью ехали перед нашей колонной, частью позади нее. Прибывая на станцию, мы встречали весь выстроенный гарнизон поселения, который, как только запрягли наших лошадей, трогался в путь, сменяя гарнизон предыдущей станции. Благодаря этому наше передвижение по степи, зелень которой уже давно выжгло солнцем, имело весьма оживленный вид.

Розе

В Семипалатинске две тысячи жителей, крепость и меновой двор. Он имеет большое значение благодаря торговле со Средней Азией, которая, кроме него, ведется только в Петропавловске, Троицке и Оренбурге. Из Семипалатинска выходят караваны в китайские города Чугучак, Кульджу и Кашгар; кроме того, в Ташкент, Коканд и даже в Кашмир. Особенно оживленная торговля с Китаем не может, однако, вестись напрямую: русские караваны пропускают лишь как киргизские, их ведут сибирские татары или киргизы. Русские по большей части ввозят в Китай скот, особенно овец, которых они сами наменивают у киргизов и отдают затем за хлопчатобумажные и шелковые ткани.

Розе

Омск – центр администрации всей Иртышской линии, он состоит из города и крепости, которые оба тесно примыкают к Иртышу, но разделены друг от друга Омью, впадающей здесь в Иртыш. Задержанные случайными обстоятельствами, мы пробыли тут два дня и воспользовались временем, чтобы познакомиться в любезном сопровождении омского коменданта генерал-лейтенанта де Сент-Лорана^[144] с различными достопримечательностями Омска, как то: замечательно устроенное Казацкое училище, солдатская школа, Азиатская школа, лазарет и суконная фабрика.

Канкрину

Омск, 15 (27) августа 1829 г

Ваше превосходительство,

С благодарностью получил по моем возвращении с китайского форпоста (в Джунгарии) Ваши дорогие, чрезвычайно сердечные и любезные письма от 18 и 30 июня. При моем отъезде из Тобольска 12

(24) июля я был несколько обеспокоен, не будет ли с Вашей стороны нареканий по поводу моего решения осмотреть часть Алтая, все Кольванские рудники и романтическую местность у Бухтарминска. Это беспокойство имело основания и еще более возросло при известии, полученном нами в Каинске, что в Барабинской степи и на 300 верст далее до Барнаула сибирская язва в этом году особенно опасна для людей. По счастью все мы остались здоровыми и собрали чрезвычайно большой геологический, ботанический и зоологический урожай! Разумеется, некоторые трудности – комары, жара, пыль – имели место, но когда при благожелательной организации с Вашей стороны стремишься достичь большой научной цели, о подобных небольших тяготах, не идущих в сравнение с моральными, легко можно позабыть.

Ваше Превосходительство может себе вообразить испытанное мной облегчение, когда Ваше последнее письмо в Усть-Каменогорске успокоило меня сразу в двух отношениях: я убедился, что Вы одобряете мою поездку на Змеиную гору, и уверился, что мысли обо мне по-прежнему присутствуют среди всего Вашего замечательного дома. Вы пишете: «достойные уважения люди настаивают, чтобы я уговорил Вас посетить Кольванские рудники». Я внимательно осмотрел все важнейшие рудники – Змеиную гору, Риддерский и Зыряновский (упомягая лишь о главных). В моем возрасте нельзя откладывать на потом: когда постоянно находишься в трудах, под лучами солнца и на открытом воздухе, почти во всех [географических] зонах, ставя долг прежде своего здоровья, силы убывают раньше. Через Каинск, Бергск [Бердск] и Каинскую [Заимку] мы прибыли 21 июля в Барнаул, где провели три-четыре дня под попечением интенданта Фролова; затем Кольванское озеро, шлифовальная мельница с великолепной яшмой; три дня на Змеиной горе, геологическое положение рудного слоя которой до сих пор понималось неправильно; Риддерский рудник (где имеется вулканическая порода трахит, около Бутачихи); Усть-Каменогорск 1 (13) августа; поездка на сибирских тарантасах [долгушах], в неизменном сопровождении адъютанта генерала Вельяминова и генерала Литвинова из Томска, в Бухтарминск, Красноярск, Нарым к китайскому форпосту Баты (Хонимайле-ху), с его учтивым, одетым в шелка китайским офицером, окруженным толпой монгольских солдат-оборванцев в лохмотьях; по

воде из Бухтарминска в Усть-Каменогорск, где мы видели на берегу гранит, излившийся как эруптивная форма поверх глинистого сланца!., и затем вдоль Иртышской линии, через опрятные селения казаков, в Семипалатинск (там один день) и Омск. Здесь я имел развлечение в Казацкой школе, где меня приветствовали речами на русском, татарском, монгольском языках. Урал более важен, конечно, для горной добычи, но настоящую радость азиатского путешествия дали нам только Алтай, Колывань, Зырянский и Бухтарма. Любезные строки г-жи супруги министра, которая, к моему удивлению, прекрасно пишет по-немецки, будут сохранены для семейного архива. Мое следующее письмо из Златоуста, куда мы отправляемся сегодня, будет адресовано любезной г-же Канкриной; сегодня же я лишь прошу Ваше Превосходительство выразить супруге мою благодарную признательность. Мне не оставляют здесь времени писать столько, как я бы желал. О колыванском горном деле и об ужасной потере здесь серебра – после на словах! [...]

Благодаря пересылке берлинских газет Вы все еще доносите до нас дуновение воздуха отечества! Скучные описания придворных праздников, больных министров, которые не могут танцевать танец с факелами! Как я рад победам Вашего оружия!

Розе

Вскоре после полудня мы прибыли в Златоуст и остановились на квартире г-на обер-директора [горного начальника] Ахте [Арте]^[145], гостеприимно принявшего нас. Златоуст был ранее обыкновенным железоделательным заводом, в котором находились две доменных печи, несколько кричных горнов и прокатных станков. И лишь в последнее время он приобрел широкую известность благодаря своей фабрике холодного оружия, основанной берг-ратом Эверсманом^[146] с помощью оружейников из Золингена и Клингенталя, которых он по поручению правительства вызвал на Урал. Благодаря этим немецким переселенцам ранее маленькое местечко совершенно превратилось в немецкий фабричный городок, в котором мы повсюду слышали родную речь и видели родные порядки и нравы.

Графине Канкриной

Златоуст, [17] 29 августа по ст. стилю 1829 г

[...] Как лишить себя радости поблагодарить непосредственно Вас лично за Ваше милостивое дружеское памятование обо мне, за небольшое письмо, следовавшее за мной при возвращении из легендарной Поднебесной, с монголо-китайского пограничного форпоста Баты (Хонимайле-ху) в Усть-Каменогорск, в границы человеческой цивилизации. Письмецо стало для меня двойным сюрпризом: я не мог и надеяться, что среди развлечений имперской столицы в Вашей памяти могло столь живо сохраниться место для моей сибирской жизни на природе и для моих подземных разысканий. Лишь благодаря Вам и не без гордости за свое отечество я узнал, что немецкий язык не только звучит во всей чистоте и мягкости из Ваших уст, но что и на письме Вы умело преодолеваете все сложности нашего языка. Я сокращу выражение моих благодарных чувств, чтобы не ввести Вас в искушение считать, подобно нашим соседям по ту сторону Рейна, *немецкий* синонимом к *скучному*. Ваше любезное письмецо будет сохранено в семейном архиве в качестве воспоминания Вашей благожелательности, Вашего участия в неустанных и, может быть, сумасбродных сорокалетних предприятиях путешествий.

Доверяясь этому участию Вас и высокочтимого г-на министра, последнее любезное письмо которого от 19 (31) июля я получил только что, рассказываю Вам: как, покровительствуемые хорошей погодой, мы объехали всю Иртышскую казачью линию вдоль Киргизской степи от Нарыма и Краснояра (восточнее Бухтарминска) до Троицка; как в Семипалатной, Петропавловске и Троицке мы чувствовали себя среди ташкентцев, хивинцев и прочих жителей юрт совершенно перенесенными в глубины Азии; как за неделю с 22 августа по нынешнее число мы познакомились с прекрасными золотыми приисками близ Мияска [Миасса]^[147] и с промышленными заведениями Златоуста, как мы восходили на Таганай, где (говоря о падении, я не могу, конечно, продолжать нанизывать длинный немецкий период в единственном числе) где я, при падении в болото, повредил – к сожалению, не себя самого! – мой последний барометр;

как мы здесь, лишенные долгое время европейского образа питания, смогли удовлетворить нашу прозаическую потребность в еде у гостеприимного директора завода г-на фон Угте [Агте]; как в Мияске в лице гг. Гофмана^[148] и Гельмерсена^[149] мы нашли двух весьма и весьма образованных, скромных, приятных молодых путешественников, и, во имя науки, приносим благодарность замечательному министру, который доставил таким людям возможность исследовать геологически важную часть гор России... Завтра утром мы едем в Кыштым, а затем возвращаемся в Мияск, чтобы сразу после того отправиться в Оренбург, где мы надеемся быть 8 сент. (ст. стиля). Мое здоровье неизменно так же, как и мое удовольствие от дикой природы; и я только что возвратился (Вы не смогли бы отгадать, откуда) – с бала, данного нам здешними мастеровыми... [...]

Полагаю, у Вас нет сомнений в моей живой радости по поводу побед на Балканах и в Эрзеруме.

Розе

Для нашей экскурсии на Таганай мы вышли рано, но, к сожалению, погода едва ли нам благоприятствовала. Уже утро выдалось хмурым и туманным, не обещая ясного дня, притом что днем накануне погода была прекрасной. Нам следовало бы отложить экскурсию, но, поскольку все приготовления были уже сделаны, мы тем не менее выступили, надеясь, что погода прояснится. Однако по мере того, как мы продвигались к вершине, туман только сгущался; пока не пошел, наконец, настоящий дождь, не прекращаясь, если не считать небольшие перерывы, весь день. Таким образом, мы не могли с горы разглядеть ничего из окружающей местности и провели лишь немногие геологические наблюдения. При этом мы имели несчастье лишиться нашего последнего барометра, когда на пути туда г-н фон Гумбольдт оступился и упал, разбив трубку барометра. Таким образом, мы были лишены возможности измерить высоту горы, и экскурсия принесла мало результатов^[150].

Канкрину

Мияск, 3 (15) сентября 1829 г

Вчера я пережил здесь, на азиатской стороне Урала, мой 60-й день рождения, – важная веха, поворотный пункт жизни, с которого приходится раскаиваться, что многое не удалось сделать раньше того времени, когда старость отнимает силы. Тридцать <лет> тому назад я был в лесах Ориноко и на Кордильерах. Вам обязан я, что нынешний год, благодаря массе новых идей, собранных на обширном пространстве (мы проехали уже более девяти тысяч верст от Петербурга), стал для меня важнейшим годом моей беспокойной жизни. А какие еще могут найтись минералогические и геологические ценности, когда мы с проф. Розе в Берлине окажемся в окружении коллекций с Урала и Алтая?

Мой день рождения самым дружеским образом был отпразднован здешними и приехавшими из Златоуста горными чиновниками. Благодарность за подаренную прекрасную саблю с дамасским клинком я, полагаю, должен выразить Вашему Превосходительству! Хотя от Мияска до Богословска мы изучили уже более 90 золотоносных отложений, тем не менее Мияские россыпи (где заслуживает чрезвычайной похвалы осушение болота Ташкутарган в долине Миасса (Miästa^[151])) дали нам много материала. На Соймоновских и Каслинских приисках, которые с 1822 г. дали уже 243 пуда золота (ровно столько же, как и за то же время Мияск), были, однако, найдены окатанные обломки змеевика с золотыми прожилками, а в геологической связи между золотом и платиной со змеевиком, тальковым сланцем и диабазом (все три составляют на Урале одну формацию, но все время разного залегания!) можно не сомневаться. Вашему Превосходительству, несомненно, будет приятно узнать, что наша поездка дала уверенность в наличии на Урале олова. Ископаемое, найденное на прошлой неделе в виде больших кристаллов в Ильменских горах здесь неподалеку от Мияска и принятое за рutil, является (согласно химическому анализу проф. Розе) касситеритом / оловянным камнем. Он выделил из него с помощью паяльной трубки олово. Возможно, олово вскоре будет найдено в больших количествах;

всегда полезно обратить на это внимание. Настоящие рутилы и рубины (которые принимали за гиацинты) были присланы нам из Екатеринбурга замечательным г-ном Осиповым^[152].

[...] Урал – настоящее Дорадо, и я твердо стою на том (все аналогии с Бразилией позволяют мне уже два года это утверждать), что еще в Ваше министерство в золотых и платиновых россыпях Урала будут открыты алмазы. Я дал уверение в этом императрице при прощании, и если мои друзья и я сами не сделаем этого открытия, то наше путешествие все же послужит к тому, чтобы решительно убеждать действовать других.

О Кольванских рудниках все на словах. Г-н Фролов – талантливый и образованный человек. В том, что подземные разработки и там искривленные, следует обвинять только предшественников. В Зыряновском, который один дает 400 пудов серебра (Змеиногорский упал до 72 пудов), очень хорошо устроенная подземная разработка. Устройство Барнаульского завода следует похвалить, но главное зло заключается в потере серебра до 27%. С 1826 по 1828 гг., за три года, добытая порода составляла 3743 пуда, а серебра получено только 2726 пудов. На некоторых шахтах потеря составляет 50%. Тонкое вкрапление и слишком тонкое распределение металла по роговому камню жильной породы очевидны, но сомневаюсь, что потери являются неизбежной болезнью. Здесь в Мияске и Златоусте на золотых приисках и оружейной фабрике под Вашим руководством царствуют порядок и любовь к своему делу. Г-н фон Агте, г-н Поросов^[153] и г-н Аносов^[154], ответственный за рафинирование стали, внушили мне глубокое уважение. Повторюсь также, что молодежь горного корпуса должна Вас порадовать. С удовольствием упоминаю тех, кто отличается знаниями и практической деятельностью в отношении гор, здесь это г-н Лисенко^[155] из Малороссии [...]

Гг. Гофман и Гельмерсен, сопровождающие нас до Кыштыма, – очень приятные и образованные молодые люди, сообщившие нам многое о геологическом строении южного Урала. Наша Кольванская геологическая коллекция будет неспешно отправлена весной с караваном. Екатеринбургская коллекция должна, вероятно, скоро прийти на адрес Берг-коллегии^[156]. Она включает ящик с обещанными подписанными образцами горных пород для Вашего публичного

кабинета. Отсюда мы высылаем сегодня последнюю коллекцию из восьми ящиков на адрес Вашего Превосходительства для последующей доставки в Пермь. Я уверен, что стоимость пересылки этих коллекций из Екатеринбурга и Мияска превышает 1000 рублей, и прошу Ваше Превосходительство, поскольку все это предназначено для Королевского музея в Берлине (у проф. Розе и у меня никогда не было собственных собраний), позволить мне возместить эти 1000 рублей при моем возвращении в Петербург.

Розе

Г-н фон Гумбольдт [...] дабы не терять времени [...] продолжил поездку в Оренбург уже с наступлением ночи, а я остался на ночь в Орске, чтобы иметь возможность наблюдать за переездом через Урал утром следующего дня. Вместе со мной остался также г-н Гофман, который снова выказал самую любезную готовность быть моим спутником и проводником на этой экскурсии.

Итак, мы выехали утром 20 сентября, насколько возможно рано, выслав нашу повозку по большой дороге, которая идет на большем отдалении от реки Урал, в Хабарное, следующую, удаленную от Орска на 26 верст станцию, а сами верхами в сопровождении нескольких казаков^[157], которые должны были охранять нас от возможных нападений киргизов^[158], двинулись по пешеходной тропе, идущей вплотную к реке по ее правому берегу.

Розе

С наступлением ночи мы прибыли в Ильинскую, четвертую станцию от Орска. Здесь мы получили конвой из троих башкир, вооруженных луком и стрелами, в остроконечных шапках, которые некоторое время сопровождали нас, но затем исчезли в темноте ночи. На следующей станции мы не получили нового конвоя и большую часть ночи таким образом оставались без прикрытия, но, несмотря на это, никаких несчастий не произошло; утром 21 сентября мы

благополучно достигли Красноярска^[159], а к обеду в 9 часов – Оренбурга.

Розе

Мы остановились в Оренбурге в доме г-на полковника Тимашева^[160], где нашел гостеприимный кров и г-н Гумбольдт, прибывший уже утром.

Оренбург – столица губернии, главная крепость Оренбургской линии и главный центр азиатской караванной торговли. Город значительный, с широкими, но немощеными улицами, с отдельно стоящими домами, среди которых встречается несколько импозантных каменных строений. Он находится непосредственно на правом берегу реки Урал, в трех верстах выше места впадения в Урал реки Сакмара, в высокой сухой степи, через которую Урал протекает, окруженный берегами высотой в десять–пятнадцать лахтеров; здесь можно видеть залегание горизонтальных пластов красного мелкозернистого известняка. При степном характере природы окружающей местности тем более удивляет и радует большой красивый парк на острове на Урале, точнее, между старым и новым руслом Урала, с высокими черными и серебристыми тополями и ивами. Для обширной торговли с киргизами, бухарцами и хивинцами на южной стороне Урала, в двух верстах от города, выстроен Азиатский Меновой двор. Он окружен большой каменной стеной в форме квадрата, каждая сторона которого составляет 100 сажень, с двумя входами – один для европейских, другой для азиатских купцов. Я видел его только издали, так как еще в тот же день г-н фон Гумбольдт посещал его вместе с начальником таможни Сушковым^[161].

Мы останавливались в Оренбурге на несколько дней, надеясь таким образом завести интереснейшие знакомства в этом главном центре сношений с Внутренней Азией. К сожалению, в отношении первого человека в губернии, генерал-губернатора Эссена^[162], эта надежда обманула нас: Эссен покинул Оренбург за несколько дней до нашего приезда ради инспекционной поездки по Оренбургской линии, где мы и увиделись с ним на несколько минут рано утром 18 сентября в Сыртинском редуте. Так как со всех сторон, и особенно от наших

сопровождающих Гофмана и Гельмерсена, он был представлен нам как человек с умом и сердцем, который со всей энергией готов был бы поддержать любое научное начинание, мы тем более должны были сожалеть, что служебные обязанности заставили его покинуть Оренбург во время нашего пребывания там.

Но тем более счастливы мы были познакомиться с другим человеком, генерал-майором Генсом^[163], который внушил всем нам, и особенно г-ну фон Гумбольдту, большой интерес благодаря своим познаниям географии и политических отношений Средней Азии, которой он много занимался по собственному почину и благодаря своей должности председателя Азиатской Пограничной комиссии. От караванов, которые часто прибывают в Оренбург из Бухары, Ташкента, Коканда и Киргизской степи, он почерпнул много сведений об этих и граничащих с ними государствах. Они тем более ценны, что при труднодоступности этих государств для европейцев получить таковые прямым путем невозможно или очень тяжело. Он также собрал в большом количестве сведения о маршрутах караванов, сообщив их г-ну фон Гумбольдту, и здесь, как и в остальном, научился благодаря опыту и сравнению разных высказываний распознавать часто намеренно искаженную информацию, отделяя истинное от ложного. Кроме того, он сообщил нам много сведений о дарах природы из Киргизской степи и даже смог показать нам некоторые из них живьем: он держит у себя в конюшнях киргизского козла с длинной и мягкой шерстью, замечательного туркменского жеребца и т. п. Так как генерал Генс совершенно владеет немецким, беседы с ним были нам тем более приятны и содержательны.

Розе

Генерал Генс желал предоставить г-ну фон Гумбольдту возможность ближе познакомиться с киргизами приграничной степи и поэтому послал к ближним султанам курьеров с распоряжением подойти вместе со своими подданными в окрестности Оренбурга и устроить соревнования и игры. В результате этого распоряжения действительно подошло большое количество киргизов, они разбили свои юрты в нескольких верстах от Оренбурга в степи по дороге на

Илецк, а около полудня 25 сентября их султаны лично явились к генералу Генсу, чтобы сопровождать его и г-на фон Гумбольдта на эти игры. Мы также немедленно выехали в их сопровождении к юртам и уже по дороге имели возможность любоваться их искусной ездой, так как многие киргизы из свиты султана скакали карьером вокруг наших повозок, опираясь руками на седло, головой вниз и вытянув ноги вверх.

Прибыв к их шатрам, мы были отведены сначала к султанским женам, которые выстроились в ряд в одной из больших юрт напротив входа; так как все они были без покрыва, мы могли увидеть среди них лица хорошенькие в своем роде, со свежими румяными щеками. После короткого приветствия, заключающегося в том, что мы по очереди подавали им руку, сразу начались состязания. Сначала нам представились киргизы, которые хотели участвовать в конных состязаниях: они проехали перед нами и неспешно отправились на рысях в место за семь верст отсюда, откуда должны были примчаться к нам. Между тем устраивались прочие игры: в образованный зрителями круг вышли два киргиза, которые, сбросив верхнюю одежду, захватили своими кожаными ремнями за спину друг друга и старались каждый повергнуть противника на землю – совершенно так же, как мы видели в поединках татар на праздник Сабан у Казани. Здесь победитель также оставался в круге, пока не был побежден. Как правило, это случалось уже в следующем бою, однако нашелся среди бойцов один, который положил на землю одного за другим пятерых и потерпел поражение лишь от шестого. Интерес, который остальные киргизы проявляли к этим играм, был так велик, что они напирали со всех сторон и круг становился все более узким; поэтому присматривавшие за порядком время от времени отгоняли их ударами бича. Как ни казалось нам это жестоким, никто ни разу не обиделся, все протекало в полном согласии. Жены султанов также вышли из своей юрты и, сгрудившись в кучу, смотрели на игры.

Бои продолжались довольно долго, после этого принесли большой железный котел, который был до половины наполнен сваренной кашей. Генерал Генс бросил в нее серебряный рубль и пригласил киргизов выловить его без помощи рук. Дышать в каше невозможно, поэтому попытка не могла быть долгой, к тому же ухватить зубами монету в гладком котле тяжело; у многих попытка не удалась, а вторую

одному и тому же человеку не разрешали; под громкий смех присутствующих они вытаскивали голову, всю белую до плеч от приставшей каши, не достигнув цели. Было очень забавно наблюдать за усилиями, которые каждый прилагал, чтобы добиться успеха; наконец одному удалось подвинуть рубль ртом на край котла и там ухватить его зубами; другому удалось схватить следующий брошенный рубль зубами прямо на дне и успешно вытащить его; так игра продолжалась еще некоторое время с новыми рублями.

Потом в круг выступили два музыканта, старый и молодой, которые сели на корточки один против другого и извлекали из похожего на кларнет инструмента жалобные звуки, иногда поодиночке один за другим, иногда оба вместе. Судя по всему, особым искусством им представлялось извлекать долго звучащие звуки и при этом строить ужасные рожи. Особенно преуспел в этом старый, который явно очень гордился своим умением. Во всей их игре не слышалось и следа мелодии, но оба они пребывали в таком восторге, что их было трудно остановить, и они все время начинали сначала. Мы же хотели послушать и женщин, одна из которых, наконец, вошла под покрывалом в круг, села так же, как и мужчины, и начала петь, издавая такие же протяжные минорные звуки. После нее спели дуэтом две девушки: они сели близко, лицом друг к другу, подняв свои покрывала так, что они могли видеть друг друга; зрители же могли смотреть на них со стороны, но, очевидно, им это не мешало. Их пение прервало известие, что показались приближающиеся всадники. После чего они встали, а остальные зрители, постоянно понукаемые бичами надсмотрщиков, зашли за нас, чтобы дать возможность нам и женам увидеть приближавшихся всадников. Первым среди всех пришел мальчик; он выиграл приз, заключающийся в верхней одежде, расшитой серебром, но и остальные пришедшие за ним получили по небольшому подарку.

После скачек под конец был еще устроен забег. Соперники удалились на расстояние полутора верст, откуда бежали к нам. Здесь первый приз – серебряный рубль – достался юному, но уже взрослому киргизу, остальные получили отрезки хлопчатобумажной ткани и другие небольшие подарки. Пришедший первым бегун преодолел дистанцию в полторы версты, то есть пятую часть немецкой мили, всего лишь за три минуты: мы были в состоянии определить это точно,

так как могли ясно видеть, когда противники начали бежать, а в расстоянии не было сомнений, поскольку оно определялось по верстовым столбам, поставленным, как везде по почтовым трактам, и на дороге из Оренбурга в Илецк.

На этом игры, сопровождавшиеся безмятежной и прекрасной погодой, закончились. Они доставили нам большое удовольствие, которым мы были обязаны предупредительности генерала Генса. Было уже 6 часов вечера, и мы поспешили вернуться на квартиру, чтобы сделать приготовления для отъезда на следующее утро.

Канкрину

Оренбург, 14 (26) сентября 1829 г

Вместе с двумя скромными и интересными путешественниками, Гофманом и Гельмерсеном, мы осмотрели южную часть Урала до выхода на равнину реки Урал около Орска с замечательными каменоломнями яшмы в диабазе и до Губерлинских возвышенностей. Прекрасные исследования и карты полковника Генса дали мне ясное представление о последних ответвлениях большого горного пояса, идущих через Джанбук-Караган, Кара-Айгур и Мугоджары к плато между Аральским озером и Каспийским морем. На наших русских картах ничего из этого еще не обозначено, а то, что на них (например, на большой карте Внутренней Азии Генерального Штаба) показано в виде горных цепей между Уралом и Алтаем, поперек степи, оказалось фантазией охочих до гор топографов. Очень низкую цепь Джанбук-Караган следует рассматривать как продолжение восточных Кордильер Урала, Ильменской цепи Мияска, где проф. Розе открыл оловянную руду. По крайней мере, золотоносные пески там, очевидно, прерываются, содержание золота падает до 1,5 зол[отника] (не больше!) до Верхне-Уральска (у татарской деревни Мансурово) и до Юлузской^[164]. Возможно, если когда-нибудь будет занята Хива (и исправлены нравы тамошних кочевников!), то откроется, что золотоносные отложения начинаются вновь далее на юг, там, где намывают золото хивинцы. Ваше Превосходительство сами

совершенно справедливо предполагали такое продолжение в направлении Персии. Перерывы в зоне отложений встречаются и на самом российском Урале, где прииски сконцентрированы группами и где все, с моей точки зрения, обещает долгий срок для золотодобычи!

Мы провели время самым продуктивным образом здесь и в Илецкой Защите, среди карт и рукописей полковника Генса; в приятном гостеприимном доме директора таможни Сушкова; среди коллекций одного молодого казака, Ивана Иванова сына Карина, бедного, но талантливого молодого человека, который приобрел себе книги Кювье [...] и Латрея^[165] и самостоятельно совершенно правильно определяет растения и насекомых^[166]; на Вашем прекрасном Меновом дворе; на киргизском празднике со скачкой и борьбой (а также, увы! с вокальной музыкой татарских султанш). Илецкая (и я очень рад уверить в этом Ваше Превосходительство!) находится в замечательном порядке. Я видел много открытых разработок каменной соли, но никогда устройство выработок не было таким отлаженным, как здесь. Статский советник Струков^[167] заслуживает поэтому величайшего одобрения: мне также понравились устройства для вывоза; это не только примечательный, но и искусно вырабатываемый соляной пласт. Я высказался бы и за подземную выработку, если бы требовалось добывать больше соли. Однако о плюсах и минусах такого расширенного производства может правильно судить только Ваше Превосходительство как государственный человек, поскольку оно зависит от других связанных комбинаций – пермских контрактов, петербургской торговли, долгой транспортировки (Илецкая соль должна была бы стоить в северной России 1 руб. 40 коп. за пуд). При сем случае рекомендую Вам, досточтимый друг, предложения г-на Гельмса [Гельма] (из Екатеринбурга) по эксплуатации натриевых соленых озер, он очень знающий химик.

Со вчерашнего вечера опьянен радостью, получив известие о взятии Адрианополя. Это великое историческое событие должно навсегда прославить царствование Вашего замечательного монарха и привести вскоре к славному миру. Не сердитесь на меня, если я широко воспользуюсь Вашим разрешением и поеду обратно через Астрахань (наполненную азиатскими народностями, с некоторыми интересными заводами и видами рыб для Эренберга). Мы выезжаем

сегодня утром через Уральск, Бузулук, Саратов и немецкие колонии. Не могу насытиться Вашей империей, не могу умереть, не повидав Каспийского моря! [...]

Простите за не-министерскую форму моих писем. Вы по духу выше этого.

Розе

Уральск, расположенный при впадении Чагана в Урал, там, где последний уже начинает течь в южном направлении, – один из самых красивых городов, виденных нами после Москвы. Главная улица достаточно большая, по бокам ее много красивых и даже роскошных каменных зданий, свидетельствующих о зажиточности местных жителей. Один из самых красивых – дом атамана Бородина^[168], который предоставил нам кров; и внутри он обставлен чрезвычайно элегантно. Несколько пожаров поочередно, и в особенности последний, 1821 года, весьма способствовали украшению города.

Розе

В Вольске мы встретились с губернатором Саратовской губернии, кн. Голицыным^[169], который приехал сюда навстречу г-ну фон Гумбольдту, чтобы убедить его продолжить путешествие до Саратова по левому берегу Волги, где расположены важнейшие немецкие колонии, и предложил себя самого в качестве сопровождающего. Несмотря на спешку, какую требовало для нашей поездки скорое приближение зимы, и хотя мы намеревались посмотреть часть немецких колоний на правом берегу Волги ниже Саратова, г-н фон Гумбольдт не счел себя вправе отказаться от предложения, сделанного с таким расположением к нам. При сопровождении князя оно означало минимальные затраты времени и в то же время давало нам возможность сравнить состояние немецких колоний на луговой левой стороне Волги с колониями на подгорной правой стороне.

Рано утром 3 октября наши повозки перевезли на пароме через Волгу, тогда как сами мы переплыли на лодке вместе с князем и гг. статскими советниками Штутцем и Эрнстом из Конторы опекунства^[170] немецких колоний, для чего нам потребовалось три четверти часа. Немецкие колонии начинаются сразу напротив Вольска с колонии Шафгаузен^[171] и тянутся по левому берегу Волги на некотором расстоянии от нее до колонии Красный Яр, расположенной в 25 верстах от русской деревни Покровская с переправой в Саратов. Кроме того, они располагаются вдоль по течению Большого и Малого Карамана, двух рек, протекающих неподалеку друг от друга и впадающих в Волгу еще до Красного Яра. Колонии, как правило, располагаются рядом друг с другом, как можно видеть из нижеследующего перечня, содержащего только названия и расстояния друг от друга колоний, мимо которых лежал наш путь.

1. Шафгаузен	
2. Баратаевка	4 верст
3. Базель	4 -//-
4. Цюрих	2 -//-
5. Золотурн	1 -//-
6. Панинское	5 -//-
7. Люцерн	5 -//-
8. Унтервальден	1 -//-
9. Суссаненталь	1 -//-
10. Баскаковка	1 -//-
11. Резановка	1 -//-
12. Орловское	4 -//-
13. Обермонжу	5 -//-
14. Екатериненштадт	7 -//-
15. Куно	5 -//-
16. Филиппсфельд	2 -//-
17. Нидермонжу	9 -//-
18. Звонаревка	7 -//-
19. Подстепное	6 -//-
20. Красный Яр	5 -//-

Колонисты по большей части занимаются земледелием; они выращивают все виды зерновых, картофель, горох, чечевицу, просо, горчицу и лен, но прежде всего пшеницу и табак, – и то и другое отличного качества и очень востребованное. Особенно большой спрос у киргизов и калмыков прилегающих степей на табак, его выращивают только колонисты на луговой стороне, производимый объем оценивается в 250 тысяч пудов ежегодно. Почва черная, жирная и такая плодородная, что удобрять ее надо только для табака. Это тем более удобно, что за неимением другого горючего материала навоз приходится использовать как топливо. Однако воздух очень сухой, из-за часто засушливого лета случаются нередко более или менее серьезные неурожаи. Сделаны также первые шаги по развитию шелководства, оно практикуется преимущественно в центре колонистов Екатериненштадт^[172] и в Шафгаузене. Но культивирование тутовых деревьев все еще сталкивается с трудностями; все, которые мы видели, были кустообразными, зимой их закрывают похожими на короб плетеными конструкциями, как посадки на большой дороге в Бузулуке. Помимо земледельцев, многие среди колонистов – ремесленники, проживающие в основном в Екатериненштадте, и таким образом, удовлетворяются все потребности. Колонисты частично протестанты, частично католики. Большинство, однако, протестантское: среди посещенных нами колоний католическими были только Золотурн, Панинское, Люцерн и Обермонжу, все остальные протестантские. У каждого из колонистов за домом сад; все виденные нами дома опрятные и чистые, свидетельствуют о благосостоянии жителей. Они выгодно отличаются этим от жилищ многих русских крестьян, притом что в целом колонисты уравнины по своему положению с государственными крестьянами и платят те же подати, с единственной разницей в том, что они лично свободные подданные, свободно распоряжаются собой, своей собственностью, имеют свою юрисдикцию и освобождены от воинской службы.

Нами овладело радостное и трогательное чувство, когда так далеко от родины и на таком большом протяжении мы слышали только родную речь и видели отечественные порядки и обычаи; мы были рады найти жителей этих колоний, благодаря заботам о них либерального и доброжелательного правительства, счастливыми и

довольными их судьбой. Поэтому мы не могли не благодарить кн. Голицына, подвигнувшего нас к этой поездке, которая благодаря предпринятым им любезным мерам была равно и приятной, и полезной. Нынешние поколения пожинают плоды предыдущих, которые должны были столкнуться с трудностями первопоселенцев. Переселенцы прибыли в Россию в правление императрицы Екатерины II из разных частей Германии, в основном Вюртемберга, Гессена и Саксонии, однако это были по большей части фабричные или ремесленники, незнакомые с земледелием. Они были вынуждены вести совершенно иной, чем прежде, образ жизни и пользоваться землей, свойства которой им были совершенно неизвестны. Итак, первое поколение, несмотря на большие льготы, предоставленные им на первое время поселения, сошло в могилу под грузом тягот и забот, тоски по потерянной родине, работая на благо следующих поколений, родившихся и выросших в стране, которые знали ее особенности и преимущества и научились ими пользоваться.

Розе

Было 11 часов, когда мы приехали в Покровскую; в ту же ночь мы переправились в губернский город Саратов. Первоначально г-н фон Гумбольдт намеревался провести здесь лишь остаток ночи и несколько часов на следующий день, чтобы определить склонение магнитной стрелки, но любезное гостеприимство князя сподвигло нас остаться в Саратове и на оставшуюся часть дня [...] Мы выехали из Саратова утром 5 октября [...] До второй колонии и третьей станции от Саратова, Усть-Салиха, мы добрались лишь на закате, через остальные проезжали ночью [...]

Дубовка лежит вплотную к Волге на склоне возвышенностей, которые тут ниже остальных. Это оживленное место с развитой торговлей благодаря близости к Дону, который здесь приближается к Волге на расстояние 60 верст. Поэтому товары из Казани, Астрахани и с Урала перевозят тут на телегах к Дону, а по нему доставляют в гавани на Азовском море и далее в остальную Европу [...]

В Дубовке мы узнали, что лошади, которые по приказу губернатора должны были перевозить нас от озера Эльтон^[173] в

Дубовку, действительно приготовлены на разных станциях на этом пути. Поскольку мы могли попасть на них к озеру Эльтон, то, получив это известие, г-н фон Гумбольдт принял решение [...] устроить экскурсию на озеро, для чего немедленно были сделаны приготовления [...]

Наконец, в 2 часа ночи мы достигли озера Эльтон, где нас, разумеется, никто не встречал и лишь с трудом впустили в одно из находящихся тут зданий на западной стороне озера. Зимой, когда работы не ведутся, на месте остается только один чиновник, который вместе с казачьим офицером и несколькими казаками следит за зданием и складом соли.

Розе

Способ, которым ломают соль, чрезвычайно прост. Рабочие в больших яловых сапогах двигаются в лодках до того места, где им назначено колоть, вылезают в воду и, стоя парами рядом друг с другом, откалывают деревянными шестами, снабженными на конце железным наконечником, куски от соляной корки на дне озера, которые они затем разбивают, собирают в кучи, смывают соляным раствором грязь и грузят в лодки. Откалывают только верхнюю корку в пять дюймов толщиной; лежащие ниже наслоения не используются как слишком загрязненные. Соль на лодках доставляют к берегу, выгружают и собирают в большие призматические кучи, которые оставляют, не закрывая, пока их не увозят дальше, на склады в Николаевскую и Покровскую против Камышина и Саратова. Ямы, возникающие в соляной корке дна после ломки, вскоре быстро заполняются новым осадком, так что уменьшения не заметно, и массу находящейся в озере Эльтон соли можно назвать неисчерпаемой.

Ломкой соли занимаются свободные работники, которых нанимает правительство, работы продолжают с начала мая до середины сентября.

Розе

Первую половину дня 8 октября мы провели за осмотром озера. В сопровождении нескольких людей мы проплыли по каналам в озере, где нам продемонстрировали добычу соли. Люди вылезли босиком в озеро, наполнили солевым раствором, имевшим температуру 9,3° R, бутылку для анализа, запечатав ее хорошо притертой пробкой, и собрали пробы соли. После чего мы прошлись по берегам озера, чтобы познакомиться и с ними. По берегам озера огромное количество жуков и насекомых, особенно саранчи, которых сдувает порывами ветра в озеро, где они сохраняются совершенно целыми. Тут была налицо почти вся степная фауна, и проф. Эренберг собрал среди этих погибших в озере жуков и насекомых почти 200 видов.

Розе

На последней станции случилось небольшое происшествие: внезапно загорелись колесо и деревянная ось повозки, в которой ехал г-н фон Гумбольдт. К счастью, это произошло недалеко от колодца, так что огонь вскоре был потушен, а ось с колесом повреждены не настолько, чтобы после того, как их вновь просмолили, нельзя было их использовать до Волги, до которой к тому же оставалось уже недалеко.

Розе

В Дубовке мы остановились лишь на время, необходимое, чтобы привести в порядок наши вещи, после чего немедленно продолжили наш путь.

Розе

Чем печальнее в общем картина, которую осенью являет степь, когда тюльпаны и ирисы, очаровательное украшение весенней флоры, давно спалены всеразрушающей жарой и засухой лета, а землю покрывает с печальной монотонностью серая полынь, тем более неожиданно начало степи с этой стороны; ибо здесь, еще по ту сторону

реки Сарпа, у подножия Сарпинской возвышенности, располагается милый городок Сарепта, последняя немецкая колония на этом пути. Это поселение моравских братьев, того же рода, что и повсюду в Германии, но немецкая манера постройки домов, прямые, чистые и обсаженные пирамидальным тополем улицы, приветливая рыночная площадь в центре города с фонтаном и церковью на ней, – все это произвело на нас глубокое и приятное впечатление после того, как мы долго ехали по почти безлесным возвышенностям Волги и видели лишь лишенные деревьев русские деревни и города или и вовсе никаких. Мы снова слышали немецкий язык, видели везде немецкую обстановку и чувствовали себя снова среди соотечественников. А также нашли здесь хороший, опрятный постоялый двор, и в нем комфорт, которого давно уже были лишены.

Мы прибыли сюда около четырех часов пополудни и уже встретились с надворным советником Энгельке^[174], который не участвовал в поездке на озеро Эльтон и предварил нас в Сарепте. Он познакомил нас со старшинами общины Лангерфельдом и Цвикком^[175], которые обедали с нами и провели остаток вечера, знакомя нас с состоянием и учреждениями колонии. Колонисты занимались по большей части производством тканей разного рода, нюхательного табака, горчицы, настоек – товаров, обширную торговлю которыми они развернули вплоть до калмыков и донских казаков и имеют представительства в Саратове, Москве и прочих крупных городах. Кроме того, они занимаются скотоводством; в меньшей степени земледелием, которому не благоприятствуют засоленность почв и засушливость климата. Но у всех за домами есть сады разного размера, в которых они выращивают табак, фрукты и виноград, а из последнего делают довольно приличное вино.

Колония была заложена по специальному приглашению императрицы Екатерины II 1775 года общинам немецких гернгутеров селиться на Волге, при особых привилегиях и льготах. И уже вскоре благодаря этому, а также хорошему управлению старейшин и производству большого количества товаров, еще неизвестных или малодоступных в этой части России, а также торговле с приграничными калмыками, достигла цветущего состояния. В последнее время сбыт их продуктов, а с ним и один из главных источников доходов сильно сократился: товары, которые раньше

производили только в этой общине, стали делать в Саратове, Астрахани и других местах. Вследствие этого, как и из-за других прямых потерь, из-за банкротства торговых домов, в которые они вложили свое состояние, в результате неоднократных больших пожаров, последний из которых случился в 1823 г. и следы которого мы все еще могли видеть во многих разрушенных зданиях, благосостояние колонии чрезвычайно упало. При сложностях, с которыми постоянно должны сталкиваться колонисты из-за особенностей почв и климата, а также отдаленности от остального цивилизованного мира, это привело к удрученному состоянию духа среди них, которое мы часто могли заметить и в сегодняшний, и в последующие дни.

За эти следующие дни мы познакомились также с прочими должностными лицами колонии: г-ном пастором Ничманном, г-ном аптекарем Вундерлихом^[176] и с городским старостой (полицмейстером) г-ном Гамелем^[177]. Старейшины показали нам молитвенный дом, богадельню для мужчин и женщин, пакгауз для товаров и аптеку, мы увидели учреждения колонии, такого же рода, как у остальных гернгутеров.

Очень интересными для нас оказались замечательные местные частные коллекции г-на Цвикка, который любезно согласился показать и рассказать нам о них. Они касаются степи и ее обитателей, калмыков, у которых г-н Цвикк долгое время провел в качестве миссионера – последний раз он совершил к ним поездку в 1823 г. по поручению Российского Библейского общества. При частых путешествиях, зная в совершенстве язык и обычаи калмыков, г-н Цвикк имел возможность собрать много предметов, которые служат важным вкладом в изучение этого замечательного народа. Мы увидели тут полное собрание всех предметов, употребляющихся при богослужениях, – бурханов, записанных молитв и прочих диковинок. Бурханы вылиты из меди и позолочены, обычно небольшого размера, редко больше фута длиной, они достаточно известны из описаний и рисунков Палласа. Все молитвы записаны на тибетском языке, поскольку священники используют только этот язык на богослужениях, хотя рядовые калмыки, а часто и сами священники, его совершенно не понимают. Обыкновенно их пишут на длинных полосах хлопчатобумажной ткани и помещают на высокие шесты,

чтобы их сильно вращал ветер. При богослужениях калмыцкие священники не читают и не произносят их, но, как говорилось, оставляют на ветру подобно тому, как развеваются флаги. Калмыки полагают, что движение написанных молитв столь же действенно, как их произнесение. Большинство упомянутых вещей сложно приобрести: их получают не обменом или куплей-продажей, а в качестве подарка, а калмыки в этом отношении отнюдь не щедры. Однако при путешествии по степи часто предоставляется возможность собрать писанные молитвы, так как калмыки оставляют их в большом количестве в часовнях («цаца»), которые они сооружают посреди степи после смерти для своих лам – верховных священников, которых при жизни отличала особая святость.

Эти цацы небольшие, четырехугольные, построены из кирпичей, в связывающий раствор добавлен прах сожженного тела ламы; на некотором расстоянии от земли находится небольшое отверстие, куда при необходимости можно залезть. Калмыки оставляют нетронутыми положенные там молитвы, которые тут же и истлевают, если их кто-нибудь не заберет.

Кроме калмыцких редкостей, у г-на Цвикка есть еще собрание восточных монет, большая часть которых найдена в руинах на левой стороне Ахтубы^[178], а также замечательные зоологические и ботанические коллекции, которые познакомили нас с флорой и фауной степи. Самая богатая коллекция – энтомологическая, в которой г-н Цвикк, имеющий очень основательные сведения по естественной истории, указал нам среди прочего ядовитых степных скорпионов, малоизвестный чрезвычайно ядовитый вид паука, которого калмыки называют черной вдовой и чрезвычайно боятся его укусов, и саранчу, ужасный бич степей, чьи затмевающие солнце рои опустошают всё, куда они попадают.

Розе

Утром 12 октября мы проехали мимо множества калмыцких кибиток, нам постоянно встречались толпы калмыков со своими лошадьми, овцами и верблюдами. Наш путь пролегал и мимо стоявшего почти одиноко, в окружении лишь нескольких кибиток,

калмыцкого храма. Это было небольшое вытянутое в длину четырехугольное деревянное здание, на узкой стороне которого была дверь, на широкой – окна, при входе же стоял длинный шест, чтобы прикреплять к нему рукописные молитвы. Развешивающиеся на этом шесте молитвы и громкая музыка, доносившаяся до нас из храма, подсказывали, что там совершалось богослужение. Нам было любопытно посмотреть на него, поэтому мы охотно последовали приглашению г-на Странака^[179] войти в храм, тем более что стоявшие перед ним калмыки нам никак в этом не препятствовали. Внутри здания у стены напротив входа размещался алтарь, который состоял из стола со ступенчатой надставкой, на ней фигуры истуканов из позолоченной латуни. Другие нарисованные кричащими цветами картины с божками были развешаны на остальных стенах справа и слева. Рядом с надставкой на столе стояло множество мисочек с фруктами, водой, вяленным мясом, сыром и разными прочими жертвоприношениями. Между дверью и алтарем на земле со скрещенными ногами сидели шесть священнослужителей в два ряда напротив друг друга: вверху справа от алтаря лама, или верховный служитель, на остальных местах гелонги^[180] или служители. Они играли на разных инструментах громкую музыку, которую мы и слышали еще издалека. Лама использовал колокольчик, сидящий напротив него гелонг – две тарелки, которыми он энергично гремел друг о друга, третий и сидящий против него четвертый служитель – что-то вроде трубы, пятый – литавры, в которые он ударял изогнутыми, подбитыми мягким палочками, а шестой – раковину типа стромбус. Музыка этих инструментов, если можно так назвать ужасный шум, чередовалась с такими же песнопениями. После того, как то и другое продолжалось некоторое время, лама поднялся, и музыка прекратилась. До сих пор, подобно остальным, он не обращал на нас никакого внимания, теперь же подошел и приветствовал нас. Г-н Странак обратился к нему на русском языке, который он понимал, и представил г-на фон Гумбольдта; тот в ответ спросил, может ли предложить нам чаю, но г-н фон Гумбольдт вежливо отказался и вслед за тем отбыл вместе с нами.

Около Астрахани дорога становится оживленнее. Мы проезжали несколько лежащих справа и слева от дороги мыз и виноградников, в которых выращивается отличный астраханский виноград, и добрались до татарской деревни, которая тянется вдоль этого берега Волги, составляя своего рода предместье Астрахани, пока, наконец, перед нами не открылся на том берегу могучей реки сам город, почти заслоняемый мачтами стоящих перед ним судов, над которыми высоко сиял белый собор.

Розе

Жителей в Астрахани немного: число обитателей не превышает 40 тысяч^[181], еще меньше, чем в Казани. Однако редко где найдешь город со столь смешанным населением, привлеченным сюда торговыми интересами из самых отдаленных концов Европы и Азии. Ибо помимо русских, которые, похоже, составляют меньшинство жителей Астрахани, казаков и прочих проживающих тут европейцев, здесь представлены еще армяне, татары, грузины, бухарцы, хивинцы, туркмены, персы, индусы, киргизы и калмыки, – и соответственно, приверженцы различных религий – христиане, мусульмане, брамаисты [брахманы] и буддаисты [буддисты]^[182].

С этой пестрой смесью народностей мы смогли познакомиться уже утром 13 октября, когда представители большинства из них пришли в нашу квартиру засвидетельствовать свое почтение г-ну фон Гумбольдту и были по очереди представлены г-ном генерал-губернатором. Вначале появился бургомистр [городской голова] с купеческими старейшинами, которые по русскому обычаю оказали знаки почтения, но не хлебом и солью, как обычно, – здесь это был кекс, украшенный великолепными астраханскими фруктами – виноградом, крупными яичными сливами, грушами и яблоками, с солью. Затем появилось дворянство, офицеры гарнизона, а за ними представители армян, персов, индусов, татар и т. п. Самые многочисленные среди азиатских жителей Астрахани армяне, имеющие характерные национальные черты – овальное лицо, черные глаза и волосы, горбатый нос. Они носят тесно подогнанные сюртуки и сверху кафтаны с разрезными рукавами, белые штаны, узкие сапоги

и высокие меховые шапки. Персы почти все высокие и поджарые, с узкими лицами и черными бородами. Они носят два кафтана один поверх другого, открытые спереди и схваченные кушаком. Нижний из цветастого ситца, верхний из однотонной материи, обычно синего сукна; рукава длинные, на нижнем кафтане обтягивающие, на верхнем разрезные, висящие вдоль тела. На ногах они носят короткие чулки из цветной шерсти с кожаными тапками, на голове – высокие меховые шапки. Индусы тоже высокие и поджарые, узнаваемые по их коричневой коже, одетые в длинные белые кафтаны и с белыми тюрбанами; татары не отличаются от прочих татар, живущих в России. Это основные собственно проживающие в Астрахани народности; поскольку казаки из станиц по дороге в Астрахань и калмыки с киргизами из степи хотя и часто встречаются на улицах города, но они бывают тут лишь по случаю, как и бухарцы, хивинцы и туркмены [...]

После поездки по улицам, составив себе представление о внешнем виде города, мы поехали за город к одному из крупнейших виноградников, чтобы познакомиться со здешним виноградарством, составляющим столь важную пищевую отрасль в городе. В этом, как и в прочих местных виноградниках, лозы опираются не на отдельные шесты, а на шпалеры, стоящие рядами друг с другом. Летом из-за большой сухости лозы поливают, зимой прикапывают. Для полива требуется очень много прилежания. Везде в виноградниках встречаются похожие на наши ветряные мельницы башни, которые построены над бассейнами, обычно обложенными камнем. Из них ведра, приводящиеся в движение колесами, поднимаются наверх и выливают воду в резервуар, из которого она затем по деревянным трубам поступает во все части сада, где это требуется, и через перекрываемые отверстия попадает в канавки, в которых растут лозы. В виноградниках выращивают разные сорта, но почти у всех крупные и сочные ягоды. Больше всего распространен сорт ягод с толстой кожей, но очень сладких и приятных на вкус, по виду и вкусу сравнимых с малагой. Кроме того, часто выращивается так называемый кишмиш, сорт винограда без косточек. Астраханский виноград по большей части употребляется в натуральном виде; он рассылается повсюду, обычно в небольших бочках, пересыпанный просом. Так они попадают в удаленный на 2142 версты Петербург, где без них не обходится стол ни одного значимого лица России, а также в

другие русские города, куда только возможна перевозка водным путем. В меньшей степени виноград в Астрахани используют для отжима на вино, так как, по мнению Палласа, он слишком водянистый из-за полива и не дает крепости. И действительно, местное вино, во всяком случае то, которое мы имели в Астрахани случай попробовать, не очень хорошее; самым приятным по вкусу из делающихся в южной России вин мы нашли производимое в Кизляре на Тереке, южнее Астрахани, недалеко от Каспийского моря, которое, пожалуй, близко к некоторым французским винам.

Розе

Интересны гостиные дворы различных живущих в Астрахани народностей, которые в основном находятся в Белом городе. Здесь расположены несколько русских, армянский, татарский, а также персидский и индийский гостиные дворы. Все они обыкновенно состоят из четырехугольного здания с выходящими на улицу лавками и внутренним двором, в который можно попасть извне через ворота. Персидский гостиный двор – это каменное здание, у которого на втором этаже расположены квартиры, где живет большая часть персов, так как они преимущественно торговцы [...]

Недалеко от персидского расположен индийский гостиный двор, он выстроен только из дерева. Индусов в Астрахани живет немного, по сведениям Эрдмана^[183] – семьдесят человек. Они из местности Мултан^[184] на Инде, частично занимаются торговыми операциями, частично ссужают деньги под высокие проценты (12–36%), чем и обогащаются, так как сами живут очень умеренно. Они также не женаты и поэтому берут к себе молодых людей из родственников и друзей, которым затем иногда передают роль помощников и компаньонов в своей торговле. В общем они славятся добродушием и честностью, как это видно и по внешнему облику, выгодно отличаясь этим от армян, у которых еще Гмелин^[185] яркими красками описал отсутствие характера. Индусы также живут на своем гостинином дворе и отправляют там богослужения. Мы пожелали увидеть такое богослужение, и поэтому в один из дней к вечеру губернатор привез нас к индусам, – их молитвы всегда начинаются с закатом солнца.

Место, где индусы совершали богослужение, представляло собой низкую средних размеров комнату с двумя окнами, напротив которых располагался вход. За исключением небольшого пространства у входа, пол здесь был приподнятый и застелен коврами, к нему вела пара ступеней. Справа в углу у окна стоял убранный шелковыми тканями стол, а на нем пагода – надставка примерно полутора футов в длину и в ширину, со ступенчатым тронем и балдахином на четырех небольших деревянных, выкрашенных красным столбах. На троне и рядом с ним были поставлены их боги, бесформенные человеческие фигуры от шести до двенадцати дюймов в высоту, отлитые из меди и позолоченные, некоторые с надетыми на них синими и красными шелковыми покрывалами, похожие на детские куклы. Перед ними помещался Селигран, черный бесформенный камень примерно двух дюймов в высоту и четырех в длину, который воплощает собой Вишну и который каждый раз при начале богослужения раскрашивается. Остальную часть стола украшают свежие цветы. В окне также стоял большой сальный светильник с двумя фитилями, который постоянно горел.

Когда мы вошли, брамин был занят раскрашиванием Селиграна. Он был обращен лицом к пагоде и продолжал свое занятие, не обращая на нас внимания; за ним стоял второй священник, также повернувшись к пагоде, а справа от него, лицом к окну – третий. У второго в каждой руке было по тарелке, третий держал правой рукой шнур, с помощью которого мог звонить в пару колоколов, висевших наверху стены. Вокруг этих священников в некотором отдалении от них со снятыми тапками стояли остальные индусы, числом около тридцати, здесь же встали и мы. После того, как первый брамин закончил свое дело, он положил Селигран перед собой, наполнил раковину водой из стоявшей справа чаши, вслед за тем левой рукой взялся за звонок и звонил ей, одновременно описывая правой рукой с раковиной круги вокруг фигур богов, время от времени отливая немного воды в чашу, пока раковина не опустела. После этого вместе со стоявшими за ним и рядом с ним священнослужителями он начал монотонное пение, все так же звоня, тогда как второй священнослужитель ударял в тарелки, а третий ритмично раскачивал шнуром колокола. Все это в небольшой комнате производило порядочный шум. Такое монотонное пение продолжалось несколько времени; закончив, первый священнослужитель взял

немного хлеба и ел его, затем довольно большой ложкой черпал воду из чаши, пригубил ее, а затем дал отпить обоим другим священнослужителям и всем остальным индусам. Затем взял светильник с пятью маленькими восковыми свечами, зажег их от лампы и приближал горящий светильник к каждому из индусов, которые каждый благоговейно держали некоторое время над ним обе руки, а затем этими разогретыми руками касались глаз. На этом ритуал, который не мог не напоминать чем-то ритуалы христианской церкви, закончился. По окончании богослужения часть индусов разошлась, а нас брамины в той же комнате стали угощать виноградом, фруктами, финиками, абрикосами, фисташками, изюмом, леденцовым сахаром и прочими сладостями, от чего мы не могли отказаться.

Внутри гостиного двора стояло еще несколько деревянных зданий и был разбит небольшой сад, в котором выращивали цветы для украшения храма. Рядом с деревянными зданиями стояла еще загородка, там на дырявом деревянном полу, совершенно скорчившись и уткнувшись подбородком в колени, между которыми до земли спускалась длинная белая борода, сидел *факир* (*аскет, бродячий монах*). Он был совершенно нагой, слегка прикрытый лишь овечьей шкурой, и при этом, по рассказам, он просидел на этом месте, не сходя с него, уже пятнадцать лет. Поразительно, как он смог выдержать суровую зимнюю стужу в Астрахани, столь жестокую, что широкая Волга месяцами покрыта льдом. Он уже старый и слепой, ногти у него, говорят, длиной в дюйм. Его содержат остальные индусы, которые время от времени подают ему еду; деньги он не берет, но, по рассказам, с удовольствием нюхает табак.

Армяне, как уже говорилось, составляют наряду с русскими наиболее значительную часть населения Астрахани. В большинстве своем они купцы, так как их дворян русское правительство не признаёт, однако они могут получить русское дворянство на государственной службе. Среди них встречаются очень богатые люди. Так, мы познакомились поближе с армянином Семеном Юрьевичем Ивановым, который в своем роскошно обставленном доме давал пышный обед в честь г-на фон Гумбольдта, а вечером – блестящий бал. Интересно было наблюдать на этом балу пестрое смешение разных наций: наряду с европейцами, везде одинаковыми, тюрбаны армян, длинные фигуры персов в их синих кафтанах с разрезными

рукавами и коричневые лица индусов с выбритыми посередине волосами. Точно так же контрастировали между собой французские моды русских дам с национальными нарядами армянок, которые нам особенно интересно было увидеть здесь, так как, появляясь на улице, армянки закутываются с ног до головы большим белым покрывалом и оставляют видимой лишь небольшую часть лица. На макушке они носят белый капор, на лбу и на затылке черную повязку, от которой от подбородка и на затылке углом вниз спускается белый шелковый платок, затем тяжелые шелковые платья темных цветов, реже белые; на шее толстые золотые цепи, часто с одной или несколькими золотыми медалями. Девушки отличаются от женщин тем, что у первых их черные волосы спадают косами из-под платка, тогда как у вторых волосы сплетены на голове. Столь же, как наряды, своеобразны их танцы, которые всегда танцует только одна пара и которые состоят единственно в том, что кавалер и дама с полуподнятыми руками по очереди мелкими шагами приближаются и отдаляются друг от друга. Как бы этот танец ни был прост, но он исполнялся армянками, у многих из которых при горящих черных глазах тонкие черты лица, с такой грацией, что смотреть на него было приятно. Помимо этих танцев исполнялись также обыкновенные полонезы, экосезы, вальсы и контрдансы, как в Берлине. Многие из знатных армянок между тем были не в своих национальных одеждах, а в европейских платьях.

Что же, наконец, до татар, то они потомки прежних обитателей города и страны, многочисленные и по сей день. Они схожи с казанскими татарами; как в Астрахани, так и в Казани они основные заводчики – прежде всего красильщики, кожевенники и мыловары. Широко известна Астраханская краповая красильня; я осматривал таковую не у татарина, а у армянина по имени Сахаров, к которому меня отвел г-н Странак. Армянин очень любезно продемонстрировал мне весь процесс, рассказав о нем то же, что описано у Палласа, поэтому не воспроизвожу это здесь. Он жаловался на плохие времена, когда он окрашивает всего лишь 200–250 пудов хлопчатобумажной пряжи, тогда как окрашивал 2000 пудов. Крап он получает из Дербента, а окрашенную пряжу везет в основном на Нижегородскую ярмарку. После чего он отвел меня еще к одному красильщику, который окрашивает шелк индиго и серпухой в синий, зеленый и

желтый цвета; серпуху для окрашивания в желтый он получает из Саратова, где ее выращивают.

Шёлеру

Астрахань, 1 (13) октября 1829 г

Наш путь здесь только что перевалил за 12 тысяч верст от Петербурга, и, соответственно этому, 48 тысяч толчков (я скромно считаю по четыре тряских переезда через мосты на одну версту) пошли моему брюшку на пользу. Мне кажется, что я меньше стал мучиться животом, хотя жирные сибирские соусы и фруктовые настойки, которые именуются вином, вполне можно назвать отравой. Почти никогда больше в своей беспокойной жизни за такое короткое время (шесть месяцев) и одновременно на таком огромном пространственном протяжении я не собирал подобной массы наблюдений и идей. Я также воспользовался возможностями (щедростью императора, постоянной прекрасной погодой) так, что смог расширить свое путешествие за счет Алтая и Каспийского моря. Самые приятные воспоминания у нас оставили: пространство на юго-восток от Тобольска между Томском, Колыванью и Усть-Каменогорском; великолепная местная Швейцария у Зыряновских снеговых гор Алтая; визит на китайский форпост Хонимайле-ху в китайской Джунгарии; путешествие вдоль казачьей линии от Нарыма, через Семипалатинск, Омск, Петропавловск, Троицк, Оренбург и Уральск; озерный край южной части Уральских гор вокруг Златоуста и Мияска.

На едином протяжении более чем в 700 немецких миль мы видели все казачьи колонии Иртыша, Тобола, Яика, башкир, Оренбурга и Астрахани (в обильных верблюдами степях между Доном и Волгой) и были приятно впечатлены их нравами и порядком. Для военного такая двухмесячная поездка вдоль линии многое бы дала. В качестве ярких моментов и приятных воспоминаний я бы также назвал скачки и музыкальный (!) киргизский праздник в степи под Оренбургом; поездку с кн. Голицыным (саратовским губернатором) по замечательно благоденствующим немецким колониям на Волге; нашу экскурсию на

соленое озеро Эльтон из Царицына; пребывание в небольшой общине гернгутеров в Сарепте. Наше пребывание здесь украшено великолепными плодами и азиатскими впечатлениями (ты знаком со здешними обычаями гостеприимства); сегодня в моем салоне выстраивались шеренгами одновременно и офицеры астраханского гарнизона, и делегации армянских, бухарских, узбекских, персидских, индийских, татарско-туркоманских и калмыцких купцов, в своих пестрых национальных одеждах. Сегодня утром на казенном пароходе мы выходим в дельту Волги и будем заниматься определением высот на Каспийском море и сбором морских обитателей восемь дней до 9 октября ст. стилия, затем через Воронеж и Тулу поедem в Москву, так что надеемся между 28 и 30 октября ст. стилия быть в Петербурге. С большой радостью и искренней благодарностью принимаю твое дружеское приглашение остановиться у тебя и на обратном пути. Возможность быть в непосредственной близости от тебя представляется мне удовольствием и большим облегчением в жизни, одна лишь просьба: могу ли я разместиться вместе с обоими моими спутниками в маленьком примыкающем здании? Там достаточно места, и в этом случае я, мой дорогой генерал, тебя менее бы стеснил.

Ал. Гумбольдт

[...] Несмотря на то, что я настолько продлил свое путешествие, до Колыванских гор (Алтая) и Каспийского моря, и должен был угощать множество людей, которые сопровождали нас из вежливости от одного губернатора к другому, я все же надеюсь из данных мне 20 тысяч рублей выплатить обратно почти половину.

Вильгельму

Астрахань, 2 (14) октября 1829 г

Моему брату

Еще раз посылаю эти строки нашему замечательному Гедеману, хотя мне представляется более чем вероятным, что, подкрепленный ваннами, ты снова пребываешь в Тегельском одиночестве. О, это

одинокость! Не могу насладиться им ни на один день, мою жизнь я провожу «представительно». Только сегодня утром в великолепном помещении я принимал весь офицерский корпус Астрахани, делегации от армянских купцов, бухарцев из Бухары, узбеков из Хивы, калмыков, индусов из Бомбея (почти все огнепоклонники), персов, татар, туркмен, выстроившихся в разнообразнейших костюмах. Я не жалею на это представительство, поскольку оно обогащает мир моих представлений многими новыми идеями. Ты должен был узнать из моего оренбургского письма, драгоценный друг, что хороший сезон и близость Каспийского моря (1800 верст) манили нас посетить Астрахань. Увидеть своими глазами это внутреннее море и собрать из него образцы стало одним из лучших моментов в моей жизни. Это настолько же значимо, как и выехать 80 в.[ерст] за сибирскую границу в китайскую Джунгарию. Первоначально я хотел спуститься по Яику, ныне называемому Уралом, до Гурьева на Каспийском море, а оттуда на корабле до дельты Волги. Однако плавание на корабле было невозможно, поскольку мы путешествуем на трех повозках, и потому, что ветры в это время дуют с юго-западных возвышенностей Персии. Поэтому нам пришлось делать большой крюк, ибо если путешествовать через резиденцию хана Внутренней киргизской орды (очень оригинальный хан, или князь, который живет летом в юрте, а зимой в прекрасном доме; у которого есть при себе инженер, г-н Карели[н], князь успешно учится у него математике; женат на дочери верховного муфтия казанских татар; говорит по-французски и к большому негодованию своих подданных играет в юрте на пианино), так вот, если путешествовать через резиденцию хана Внутренней орды, то необходимо проехать 500 верст вне деревень и населенных мест. Так что мы предпочли путешествовать через Уральск, столицу уральских казаков, где восхищались ночной ловлей рыб (казаки, ныряя, достают из воды осетров, рыбин по 5,5 футов длиной). Из Уральска, где атаман Бородин живет на прекрасной вилле в парижском стиле, мы пересекли Киргизскую степь до Вольска, оттуда в Саратов (чрезвычайно плодородная земля), немецкие поволжские колонии, где на дистанции в 180 верст кучера говорят только по-немецки («Боже милостивый, у меня голова кругом от этих калмыцких лошадей!»). Прекрасная колония гернгутеров Сарепта, где есть тибетские рукописи, купленные калмыцкими буддийскими ламами; оттуда через

Калмыцкую степь в Астрахань, где сказочные фрукты, где мемельскую зиму сменяет неаполитанское лето. Мы уже приняли участие в шумном буддийском богослужении, священные тибетские книги лежали на алтаре, украшенном индийскими божками. Сегодня утром отплываем на пароходе к устью Волги и совершим поездку по Каспийскому морю. Мы останемся в этой восхитительной местности на восемь дней. 9 октября ([старого] стиля) уезжаем отсюда и думаем через Тулу и Москву быть 28–30-го в Санкт-Петербурге, где нас снова примет у себя Шёлер, а 2 (14) декабря (?) – в Берлине. Состояние моего здоровья улучшилось, вероятно, благодаря толчкам в экипаже. От Петербурга мы уже проделали двенадцать тысяч верст. Из 20 тысяч рублей, предоставленных в мое распоряжение правительством при приезде в Петербург, я смогу, вероятно, вернуть больше половины. Я только устрою так, чтобы не нести расходов на обратную поездку в Берлин. Поступать так необходимо, чтобы делать честь имени, которое мы носим. Прощай, дорогой друг, какое счастье, что через восемь недель я снова тебя увижу! Я завершаю замечательное путешествие, которое опишу в небольшом сочинении, при этом опубликую исключительно касающееся неорганической природы. «Путешествие иждивением Е. И. В. императора Р. в Уральские и Кольванские горы, на границу китайской Джунгарии и побережье Каспийского моря; с изложением геологических, магнитных и астрономических наблюдений». Я опубликую ее на французском языке, Розе позднее напишет толстый немецкий том. Должен выразить самую высокую похвалу двум своим спутникам. Розе эрудированный и добродушный; Эренб.[ерг] умнее, чем полагают, но всё меряет аршином египтян и арабов. Тысяча нежных приветов дорогому Гедеману и прочим своим, особенно Каролинхен.

А. Гумбольдт.

Астрахань, 2 (14) октября, при 18° R. 1829 г.

Его Превосходительству г-ну барону фон Гумбольдту,
государственному министру, в Берлин.

При его отсутствии вскрыть г-ну полковнику фон Гедеману.

Розе

Г-н фон Гумбольдт нанял для нашей поездки большой пароход Евреинова^[186] с двумя паровыми машинами, каждая на 30 л. с., и 30-дюймовым паровым цилиндром. Мы собирались отплыть на нем уже утром, но разные необходимые починки и сильный ветер с вест-зюйд-веста отсрочили наше отправление на после полудня. Наконец, в 4 часа мы выбрали якорь и теперь уже быстро двинулись вперед. Погода стояла исключительно приятная, небо ясное, температура воздуха 12° R. Мы прошли мимо судовой верфи и многочисленных волжских кораблей, стоящих на якоре перед Астраханью, и еще долго видели высокий собор и прочие многочисленные башни города, пока около 5:30 солнце не село и наступившая темнота не скрыла вида. Всю ночь мы шли по широкой Волге, на ее заболоченном заросшем камышами берегу нашего внимания ничто не привлекало; в 7 утра мы добрались до небольшого острова Бирючья коса с правой стороны в устье Волги на расстоянии 85 верст от Астрахани. Мы прибыли бы сюда раньше, но ночью попали на мелководье и простояли до рассвета, чтобы ночью опять не попасть на такое же.

Розе

Собрав образцы этого (оставленного кораблями в качестве ненужного балласта на Бирючьей косе. – *Прим. ред.*) известняка, мы вместе с г-ном Странаком переправились на лодке через залив на более высокую часть острова, на которой немного далее слева стояла рыбная ватага (рыбацкая деревня) грека Варваца^[187], а справа несколько калмыцких кибиток. Последние по большей части были закрыты, их обитатели отсутствовали. Лишь одну мы обнаружили открытой, там сидела молодая калмычка, занятая чесанием шерсти. Она была довольно симпатичная, с румяными щеками, черные волосы спускались толстыми косами на спину в знак того, что она еще девица; но при крайней нечистоплотности, отличающей калмыцкую кибитку, мы посчитали за лучшее не задерживаться^[188]. Кстати, эта возвышенная часть острова кишела змеями (*Coluber scutatus* и *Dione*^[189]), которые спокойно грелись на солнце; нескольких из них чрезвычайно ловко отловил проф. Эренберг. Под кустарником обнаруживалось много ящериц, исчезавших при нашем приближении,

а в песке мы часто видели маленькие воронкообразные углубления, из которых виднелись лапки тарантула (*Lycosa Tarantula?*^[190]). Помимо растущего там и сям кустарника, состоящего в основном только из *Arctium Lappa*^[191], одного из видов *Atriplex*^[192], одной из *Artemisia*^[193], *Urtica dioica*^[194] и *Rubus fruticosus*^[195], остров был голый и песчаный.

Когда г-н фон Гумбольдт закончил свои наблюдения, как раз прибыл казенный пароход, стоявший неподалеку, и после обеда мы сели на него, чтобы совершить поездку далее по Каспийскому морю [...] За Бирючьей косой мы вышли в открытое море; по левому борту земля исчезла из вида, лишь по правому мы еще прошли несколько камышовых островов, которые тянутся вдоль северо-западного побережья Каспийского моря, пока за островом Четыре бугра не исчезли и они [...] Был теплый прекрасный вечер, который еще надолго задержал на палубе, пока мы, наконец, не разошлись по каютам.

Розе

Мы пристали поблизости от красивого здания, которое г-н Сапожников^[196] распорядился выстроить по случаю поездки императора Александра I на Урал в 1824 г. в надежде, что император посетит Астрахань и будет осматривать рыбные ловли, чего, однако, не случилось. Извещенный еще до нашего приезда, г-н Сапожников оказал нам радушный прием и сразу после завтрака отвел к ловцам. Рыба здесь, как и на других рыбных ловлях Волги, – та же, которая встречается и в реке Урал [...] Для своего передвижения она предпочитает использовать одни и те же пути, выбирая преимущественно определенные рукава Волги, которые уже точно известны и на которых по преимуществу и закладываются рыбные ловли. Чаган – один из самых богатых рыбой рукавов дельты, может быть, из-за особенно густо поросшего камышом берега. Здесь, как и на Урале, мы видели учуг – плетеную перегородку, которая идет зигзагом с тупым углом через всю реку. На входящих углах учуга, если идти вверх по течению, были сделаны отверстия, которые на внешней стороне на некотором расстоянии закрывались плетеными конструкциями полуциркульной формы, достававшими до дна.

Большие белуги и осетры плывут вверх по течению через отверстие учуга в камеры, окруженные плетенкой, из которых уже не могут выбраться из-за неудобства повернуть назад, и время от времени их вытаскивают багром.

Розе

Потом перешли к изготовлению икры, которое состоит лишь в следующем: чтобы отделить икру от сопутствующего жира и клетчатки, ее руками пропускают через грубое сито, стоящее на большом, открытом сверху ящике, а затем пропущенные через сито икринки солят. Количество соли зависит от того, какое по длительности время должна храниться икра. Для краткосрочного хранения добавляют лишь немного соли, для долгосрочного же икру помещают в очень сильно посоленную воду и перемешивают там. Затем ее раскладывают в льняные мешки, отжимают – сначала руками, потом специальными прессами – и упаковывают в определенные для пересылки бочки, где заливают сверху рыбьим жиром. Остающиеся в сите жир и клетчатку не выбрасывают, но вместе с внутренностями используют для ворвани.

Количество икры, содержащееся в этих рыбах, невероятно. Большие белуги, согласно Палласу, дают до пяти пудов икры; а так как согласно тому же естествоиспытателю пять икринок белуги весят один гран, то в таких белугах должно быть до семи миллионов икринок, чем объясняется их необычайное размножение. У осетров и севрюг икры меньше: первые, по Палласу, дают не более тридцати, вторые не более десяти–двенадцати фунтов икры. Икринки этих осетровых мельче, гран составляет семь икринок. В то же время осетровая, севрюжья и особенно стерляжья икра считается лучше по вкусу и продается дороже, чем белужья, которая из-за большого количества слизи составляет низший сорт.

Для приготовления белужьего клея плавательные пузыри разрезают, промывают и оставляют на некоторое время на воздухе; затем, пока они еще влажные, внутреннюю белую кожу, которая только и идет в дело, отделяют от внешней, сушат, обычные сорта без дополнительных операций, лучшие же после того, как их сплетают и

определенным способом выгибают лиро- или подковообразно [...] Спинной хрящ разрезают в длину, сушат на воздухе и продают под названием *вязига*; в России ее употребляют для супов и соусов, чтобы сделать их более густыми благодаря содержащемуся в вязиге желатину; или добавляя мелко нарезанные куски в домашнюю выпечку, которую в России очень часто вместо хлеба едят с супом и называют *пирог*.

Разделанных рыб разрезают еще на несколько кусков, держат пару дней в соленой воде, а затем в специальных емкостях со слоями соли. Эти емкости лежат в своего рода подвалах, которые выкопаны на склоне возвышенного берега Волги так, что крыша находится вровень с землей, а передняя сторона на одном уровне со склоном высокого берега. В плане они прямоугольные; в центре передней узкой стороны подвала находится вход, и от него по всей длине подвала идет коридор, справа и слева от которого находятся емкости, по три больших углубленных четырехугольных ящика с каждой стороны, в которых слои разделанной рыбы чередуются со слоями соли. Сверху над центральным коридором сделано несколько люков, через которые в подвал проникает свет; чтобы сохранять в подвале холод, три его внешних стены под землей обложены толстым слоем льда в 2,5 сажени толщиной и 19 футов высотой. Этот слой тает летом до четверти своей первоначальной толщины и каждую зиму обновляется вновь.

Хотя белужье мясо более вкусное, но так как оно хуже усваивается, чем осетрина и севрюжина, то его ставят ниже их, во всяком случае осетрины. Больше всего среди осетровых ценится мясо стерлядей, поэтому их перевозят при больших затратах живьем из Астрахани и верхней Волги, а также ее притоков Камы и Оки, где они еще водятся во множестве, вплоть до Петербурга и там продают в тридорога.

Кроме рыбной ловли г-на Сапожникова, в других местах рукавов Волги есть и другие; лучшие принадлежат уже упомянутому греку, майору Варваци. Хотя император Александр и объявил рыболовство на Волге свободным, оно все еще, как и раньше, остается монополией отдельных лиц, поскольку лучшие места, где предпочтительно ходит рыба, некогда уже были отданы в собственность, и богатые владельцы имеющих рыбных ловлей употребляют все средства, чтобы не допустить новых.

Г-н Сапожников лишь берет свои ловли в аренду, выплачивая за них владельцам кн. Куракину, гр. Безбородко и Всеволожскому ежегодную плату – соответственно 500, 175 и 300 тысяч рублей^[197]. Учитывая, каких расходов требует, кроме того, содержание оборудования и большого количества занятых при этом людей, можно составить себе представление о значении этих ловлей для Астрахани. Согласно Палласу, они намного превосходят прочие ловли не только в России, но и, исключая Ньюфаундленд, за границей. Их значение для России тем больше, что они дают основное питание для русского населения на время предписанных греческой церковью постов, составляющих более чем треть года.

Вильгельму

Астрахань, 9 (21) октября 1829 г

Дорогой мой брат, у меня есть лишь время сообщить тебе, что сегодня, 9 (21) октября, мы уезжаем из Астрахани, после восьми дней, проведенных в открытом море, на Волге и в городе. Это было сплошное наслаждение. Я приобрел прекрасные персидские и арабские рукописи. Теперь мы возвращаемся напрямую через Тулу и Москву. Погода мягкая, +8° R. Пожалуйста, помести небольшое объявление в «Штатс-цайтунг». Первую часть я послал дорогому Гедеману. Нежно обнимаю всех твоих и тебя.

А. Гумбольдт.

Мы даже обнаружили тут кающегося индийского факира, который нагим (лишь накрытый овчиной) лежит и зимой и летом во дворе индийского храма. Он из Лукнора^[198].

Канкрину

Астрахань, 9 (21) октября 1829 г

Ваше Превосходительство,

Передаю Вам сегодня мое самое сердечное поздравление с миром, безусловно славным, поскольку он заключен перед воротами Константинополя^[199]. Все остальное меркнет по сравнению с интересом к этому событию. Россия должна с благодарностью признать, насколько этому счастливому событию способствовали Вы и Ваша замечательная финансовая система, в остальной Европе это и так широко известно. Радуюсь Вашей радости!

О себе и своих приятелях сообщу Вашему Превосходительству сегодня лишь то, что мы провели здесь, в Астрахани, четыре дня и ночи на Каспийском море, в устье Волги и на небольших островах Каспийского моря, на замечательных виноградниках, в татарских красильнях, в небольших храмах Брахмы и Будды и на балу армян самое счастливое и приятное время, при постоянно державшейся хорошей погоде. Сегодня утром мы начинаем обратный путь через Сарепту, Тулу и Москву.

Розе

Итак, мы осмотрели самые достопримечательные предметы в Астрахани и ее округе, и нам хотелось лишь познакомиться с калмыками и особенно с их замечательным князем Серед-Джабом^[200], выделяющимся среди прочих калмыцких князей своим образованием и научными познаниями. Он князь Хошоутовского улуса, кочующего по богатым лугам между Волгой и Ахтубой. Туда же он прибыл из западной степи лишь после великого побега калмыков восточной степи 1770 г. с разрешения правительства. В качестве предводителя калмыков не только своего улуса, но и улусов западной степи князь Серед-Джаб принимал участие в последних войнах русских с французами, побывал в Париже, сделался русским полковником и кавалером нескольких орденов. После его возвращения недалеко от берега Волги русские мастеровые возвели для него великолепный деревянный дом, в котором он по меньшей мере проводит зиму, хотя и, следуя обычаям своего народа, кочует летом в степи. Кроме того, неподалеку он распорядился своим священникам возвести каменный храм, который разрешалось строить им одним.

Так как дом князя Серед-Джаба находится недалеко от Волги вблизи Семеновской, третьей станции от Астрахани по дороге в Сарепту, было решено посетить его на обратном пути отсюда, так как ехать по левому берегу Волги невозможно из-за множества каналов и рек между Волгой и Ахтубой. Итак, мы покинули Астрахань 21 октября, рано утром в сопровождении г-на Осипова^[201] переправились на маленькой лодке через Волгу и ждали на том берегу в расположенном здесь доме г-жи Заварыкиной (?) прибытия наших экипажей, которым требовалось больше времени на переправу, так как их требовалось погрузить на более крупные лодки. К 10 часам и это было закончено, после чего мы попрощались с г-ном Осиповым, сердечно поблагодарив за все оказанное нам внимание, и по уже знакомому пути выехали в обратный путь.

При песчаном характере первой части пути мы прибыли в Семеновскую, в 66 верстах от Астрахани, лишь вечером. Так как мы должны были переправляться отсюда в Тюменевку, резиденцию кн. Серед-Джаба, то остались тут на ночь. Но в тот же вечер прибыл младший брат князя Серен-Норва, которого извещенный о нашем приезде князь послал навстречу, чтобы объявить, что князь ожидает нас на следующий день. Это был молодой человек, одетый на черкесский манер в короткий синий с серебряным позументом сюртук с газырями с двух сторон. Он остался с нами на ночь в Семеновской, а на следующее утро на своей лодке с 12 крепкими калмыцкими гребцами перевез нас через Волгу.

Ночь была довольно холодной, и теперь, утром в 9 часов, при нашей переправе температура воздуха составляла всего 3° R. Намного меньше остыла вода в Волге, ее температура составляла все еще 7,5° R. Из-за нагревания находящегося над ней слоя воздуха возникали миражи настолько замечательные, какие мы видели разве что в середине лета в алтайских степях. Возвышенные предметы на противоположном берегу казались нам приподнятыми и искаженными внизу, как бывает, когда предметы отражаются в воде. Мы проплыли несколько поросших тополями и ивами островов и остановились наконец на некотором расстоянии от противоположного берега, поскольку на сам берег мы не могли попасть на лодке из-за мелководья на месте причаливания. Наши гребцы-калмыки прыгнули поэтому в воду и вынесли нас по двое на руках, образуя из них сиденье, на берег.

Здесь нас уже ожидали кареты, запряженные четверкой и парой лошадей, а также большое количество верховых: кн. Серед-Джаб выслал нам их навстречу в ожидании того, что г-н фон Гумбольдт прибудет с гораздо более многочисленной свитой.

Тюменевка, резиденция князя, находится еще в 12 верстах от места нашей высадки далее вверх по Волге. Она уже достаточно похожа на русскую деревню и состоит из большого количества беспорядочно расположенных деревянных изб и кибиток, среди которых возвышается деревянная усадьба князя. Это здание в два этажа около 30 шагов в длину, второй этаж несколько отступает назад и окружен перилами, а в середине накрыт стеклянным куполом. В окружающих кибитках живут калмыки, в избах же преимущественно русские, осевшие у князя и несущие у него службу.

Князь Серед-Джаб встретил нас у дверей своего дома. Это был мужчина средних лет, одетый в темно-зеленую куртку русского полковника, со всеми своими орденами. Его сопровождал третий брат Серен-Дандук в черкесском наряде, похожем на тот, что был на четвертом брате Серен-Норве, сопровождавшем нас с Семеновской. Его второй брат Батур-Убаши, как мы узнали после, был болен и не показывался. Нас ввели в узкую глубокую залу, посередине которой стоял бильярд, а вдоль стены – мебель красного дерева, зеркала и часы с боем. Из него нас провели в небольшую боковую комнату, в которой г-н фон Гумбольдт и князь расположились на красном сафьянном канапе против окна, а остальное общество – в мягких креслах красного дерева, обитых персидской шелковой материей, вокруг большого круглого стола, стоявшего перед канапе. Над ним на стене висели написанные масляными красками и удачно передававшие сходство портреты императора и императрицы. Князь свободно говорил по-русски и разговаривал с г-ном фон Гумбольдтом через гг. Меньшенина и Странака (последнего мы все еще имели счастье видеть, так как он сопровождал нас до того места, где встретил, т. е. до границы губернии). Беседа только началась, как вдруг вошел в богатом костюме молодой человек с монгольскими, но приятными чертами, оказавшийся ханом Букеевской киргизской орды Джангиром^[202] со своей свитой. Как мы узнали, он приехал с визитом к своему соседу, князю Серед-Джаба, хотел уезжать уже за день до того, но при известии о приезде г-на фон Гумбольдта решил остаться. На нем был

широкий, распахнутый спереди халат из синего сукна с золотым позументом по краям, надетый на такого же цвета прилегающий к телу архалук, перетянутый широким поясом, но несколько открытый на груди. Там был виден вышитый серебром жилет и большая золотая, усыпанная бриллиантами медаль, пожалованная ему императором Александром. Кроме того, на нем были широкие шаровары из фиолетового бархата, а на голове небольшая заостренная тюрбетейка синего сукна, вышитая золотом и обложенная внизу кругом соболем; при выходе из дома хан надел на нее сверху другую подобную, но более просторную из красного бархата, которую, войдя, держал в руках. Он также говорил свободно по-русски, но изъяснялся по-персидски и по-арабски, так что г-н Эренберг мог завести с ним беседу непосредственно на этом языке. Он очень жалел, что мы не поехали из Оренбурга через его степи, как он рассчитывал, для чего уже выставил лошадей в степи. Г-н фон Гумбольдт заговорил с ним о его учителе Карелине в Оренбурге, который долго оставался при нем в степи и к которому хан, очевидно, был очень расположен. Между тем в стаканах на парадном подносе из лакированной жести подали кумыс, или чигян, как калмыки называют кисломолочный напиток из кобыльего молока, любимый у них и киргизов.

Пробыв там некоторое время, в сопровождении киргизского хана мы поехали к храму [хурулу], в котором князь устроил торжество по поводу счастливого окончания войны русских с турками. Храм находился на некотором отдалении от княжеского дома в степи и представлял собой продолговатое четырехугольное здание с японской (китайской. – *Прим. ред.*) крышей. Вход был с одной из узких сторон, и от него в обе стороны шли дугой деревянные колоннады, как в Казанском соборе в Петербурге. Князь распорядился присоединить их к храму по собственной задумке, тогда как в остальном храм, как нас уверяли, был построен строго по тибетским образцам^[203].

Внутри храм по расположению отдельных частей очень напоминал внутренность калмыцкого храма, виденного нами на пути в Астрахань, только здесь все было выдержано в более роскошном стиле. Внутреннее пространство в общем было светлым, окна размещались на продольных стенах, все скамьи выкрашены в белый цвет. С обеих сторон от двери по всей длине храма шли два ряда столбов, деля помещение на три равных части, две внешних и

внутреннюю. Внутренняя часть уходила дальше в глубину, образуя в конце несколько затемненное пространство. Здесь, напротив входа, находился алтарь с надставкой уступами, на которых стояли фигуры божков и который тут освещался зажженными светильниками. На стенах внешних отделений, между и под окнами, висели изображения божков: бурханов, или добрых духов – Джақджимуни, Абиды и Майдарина – в молитвенной позе со скрещенными ногами, фигура стоящего в угрожающей позе злого духа Эрлик-Кана. В центральной части и тут сидели жрецы, как в храме под Астраханью, в два ряда рядом друг с другом со скрещенными ногами, спиной к колоннам, лицом друг к другу и на похожих инструментах производили схожий грохот. Только здесь их было по шести в каждом ряду; они были также одеты в более величественные яркие наряды с очень своеобразными шестиугольными, заостренными, подвернутыми вниз полями шапками на голове; подвернутые части были вырезаны в форме готических окон и на каждом из этих заостренных полей было нарисовано по божку. У ламы справа от алтаря был звонок, у гелонгов тарелки, литавры, стоявшие на особой подставке, маленькие прямые рожки или большие конхи. Но музыка, которую они извлекали на этих инструментах, была тут еще более оглушительной, поскольку ее усиливали выдуваемые двумя гелонгами звуки пары стоявших на особых опорах труб длиной около 8 футов каждая. Они сидели каждый во внешней части храма лицом ко входу.

Музыка чередовалась с пением, ее звуки доносились до нас уже издали и продолжались и после нашего прибытия. Мы остались стоять и слушать во внутреннем проходе между жрецами и дверью, во главе с князем Серед-Джабом, причем хан Джангир не без усмешки – ибо он как мусульманин презирает буддизм калмыков. Во время музицирования один из нижних гелонгов встал, взял с подножия алтаря кадильницу, раздул дым и после этого подержал сосуд перед лицом у каждого жреца. По окончании церемонии через некоторое время князь обменялся несколькими словами с ламой, после чего музыка продолжилась вновь и вся церемония повторилась тем же манером: нам показалось поэтому, что князь просто распорядился повторить.

Г-н фон Гумбольдт еще до осмотра храма выразил князю Серед-Джабу свое желание посмотреть на приготовление из кумыса водки;

поэтому князь распорядился устроить такую перегонку и повел нас к кибитке, где ее производили. Перегонка была здесь уже в самом разгаре. Посередине кибитки развели костер, на нем стоял железный треножник с полукруглым железным котлом в качестве дистиллятора, наполненный кумысом. Он был закрыт двустворчатой деревянной крышкой, в одной створке имелось одно, в другой – два круглых отверстия. Первое служило для заливания и подливания кумыса, из других двух из каждого изогнутая деревянная трубка вела к круглому чугунному горшку, который служил конденсатором и стоял в сосуде с холодной водой. Каждая из трубок была соединена со своим конденсатором, в охлаждающем сосуде их стояло два. Места соединения трубок с крышкой дистиллятора и с конденсатором обмазывались смесью земли и конского навоза, из нее же состояла заглушка, закрывавшая отверстие в крышке для подливания кумыса. Эта заглушка каждый раз делается только тогда, когда кумыс начинает кипеть, после чего огонь под котлом уменьшают. Первый дистиллят, получаемый таким образом, коричневатый на вид, с выраженным сивушным привкусом, называемый арака. После повторной перегонки получают дистиллят белого цвета, более крепкий, хотя и все еще с немного сивушным привкусом, называемый арса. Из шести ведер чигана, или кумыса, получают одно ведро араки, из 96 штофов араки – восемь штофов арсы, или из 72 мер чигана – одну меру арсы.

Но такую водку калмыки делают не только из сквашенного кобыльего молока; зимой, когда кобылы дают меньше молока, используется сквашенное коровье молоко, которое называется арьян, а сделанная из него водка – айрак. Однако такая водка не только слабее арсы, но и получается в меньших количествах.

Готовят чиган следующим образом: только что надоенное кобылье молоко разливают в бурдюки из овечьих шкур и энергично взбалтывают. Обычно для сквашивания уже достаточно того, что емкости не вымыты, но похоже, еще немного чигана оставляют и в бурдюках, когда разливают свежее молоко, после чего оно быстро сквашивается. Правильно сделанный чиган, как уже упоминалось выше при описании сабана у татар, где нас им также угощали, имеет слегка кислый, очень приятный вкус и должен быть очень сытным. Изготовленный из коровьего молока айрак более густой и менее приятный на вкус.

Серед-Джаб – большой любитель охоты, особенно соколиной, поэтому держит у себя калмыков, занятых единственно натаскиванием соколов. Так как г-н фон Гумбольдт высказал пожелание познакомиться с этим родом охоты, Серед-Джаб распорядился взять сокола и лебедя, на которого должен был падать сокол. Сокол поднялся на высоту, едва увидев лебедя, упал на него и стал яростно долбить ему голову своим клювом. Он бы заклевал лебедя, если бы последнему предусмотрительно не надели на голову толстую шерстяную повязку. Но и она не спасла бы его, если бы его поскорее не освободили из лап сокола.

Посмотрев затем фруктовый сад князя рядом с его домом и его аргамаков, или бухарских лошадей, которых выводили из конюшни по одному, мы вернулись в дом. Нас провели в большую комнату, слева от бильярдной, в которой был накрыт стол. За ним заняли места, кроме нас, только князь, оба его брата, русский секретарь князя и хан Джангир; свита хана обедала в соседней комнате. Жен князя, как и вообще женщин-калмычек, мы не видели. Братья князя накладывали кушанья. Они были прекрасно приготовлены, так как повар князя – русский, знающий свое дело, и поэтому же все они были совершенно европейскими. Присутствовало лишь одно специфически калмыцкое блюдо, называемое ишки-цин-махан, которое состояло из мелко нарезанных кусочков вареной баранины. Оно следовало сразу же за стерляжьей ухой, с которой начали. Не было недостатка в шампанском и прочих французских и местных винах. Во время обеда хор музыкантов-калмыков под управлением русского капельмейстера с большим искусством исполнял увертюры Моцарта, Россини, а также марши и танцевальную музыку. Но все же было странно видеть, как наши музыканты с их коричневыми, толстыми, плутовскими калмыцкими лицами виртуозно обращались с европейскими инструментами. После обеда подали кофе, после чего, очень довольные столь замечательно проведенным днем, мы откланялись. Князь подарил нам еще на прощание по бутылке араки и арсы, о которых мы просили, а также по калмыцкой кожаной фляге. Затем нас перевезли через Волгу, а затем в экипажах князя, которые доставили заранее, в сопровождении молодого князя Серен-Дандука мы доехали до четвертой станции от Астрахани, Сероглазинской. Сюда же мы распорядились прислать наши экипажи и на них продолжили наше

путешествие, хорошо закутавшись, так как было холодно – скорыми шагами приближалась зима.

В последующие дни вся местность вокруг нас уже оказалась покрыта снегом. Мы следовали в обратном направлении по пройденной на пути туда дороге до Царицына, затем по перешейку между Волгой и Доном и, поскольку Московская дорога не вела непосредственно к Дону, предприняли из станицы Тишанской, ближайшей к этой реке точки, собственную экскурсию к Дону и сделали на его берегу измерения с помощью барометра. Это было последнее из многих барометрических измерений, которые мы делали на всем протяжении Волги, на пути туда и обратно до сего места, прежде всего с намерением внести свой вклад в решение вопроса об относительной высоте Каспийского моря. Наблюдения мы сравнили со сделанными в то же время в Казани; в целом они показали, что перепад высот между Каспийским морем и бассейном Атлантического океана далеко не так значителен, как следовало из предпринятого Парротом^[204] и Энгельгардтом в 1811 г. барометрического нивелирования между Каспийским и Черным морем. И все же найденная разница была достаточной для того, чтобы г-н фон Гумбольдт критически высказался о результатах нового, предпринятого Парротом в 1829 г. барометрического нивелирования, согласно которому перепада высот между Черным и Каспийским морем практически нет вообще. Я, впрочем, не буду приводить эти наблюдения подробно, так как это имеет ныне лишь исторический интерес: проблема решена благодаря проведенному по распоряжению императора Николая I гг. Г. Фуссом, Саблером и Савичем тригонометрическому нивелированию между Каспийским и Черным морем^[205]. Им было доказано более низменное расположение первого, перепад составляет 76,0 пар[ижских] футов.

Остальная часть нашей обратной поездки предоставляла мало возможностей для наблюдений. Через Воронеж, Тулу и Москву мы добрались до Петербурга и после четырехнедельного пребывания в императорской столице вернулись в Берлин, куда прибыли 28 декабря в 10 вечера после почти 9-месячного отсутствия счастливыми и здоровыми.

Канкрину

Сарепта, 12 (24) октября 1829 г

Ваше Превосходительство,

Вы с улыбкой увидите из содержания этого письма, что мы – я и оба моих спутника – как будто бы вернулись из другого мира. Лишь тут, вторично проезжая Сарепту, мы узнали из немецкой «Петербургской газеты», что Его Императорское Величество при заключении славного мира соблаговолил пожаловать Вашему имени и внешний блеск. Этот внешний блеск, который перейдет и на позднейших потомков, будет напоминать о замечательной эпохе, в которой под Вашим руководством финансы России продолжали процветать и при судьбоносной войне. Момент, который монарх избрал, чтобы пожаловать фамилии Вашего Превосходительства графское достоинство, – это самое красноречивое выражение признательности в искусном преодолении этих препятствий. Примите же, достопочтенный государственный муж, из этого мирного уединенного места самые сердечные поздравления мои и моих спутников, Эренберга и Розе, Вам и любезной графине Канкриной.

Вчера мы провели интересный день в калмыцкой степи у князя Сереб-Джаб Тюменева, бывшего в Париже, вместе с очень образованным, говорящим по-русски, по-персидски и по-арабски молодым ханом Внутренней киргизской орды Джегангиром Букеевым. Ламаитский храм князя с 28 одетыми в богатые ризы гелонгами и ламами был настоящим оперным представлением; он вызывает снова нескромный вопрос, передали ли тибетцам эти церемонии несторианские христиане или сами получили их от последних? Мы отъезжаем этой ночью при наступающем чувствительном морозе через Воронеж и Тулу в Москву, куда хотим прибыть 20–22 октября (ст. стилия).

Канкрину

Москва, 24 октября (5 ноября) 1829 г

Наше путешествие закончено; ибо после 14 тысяч пройденных верст Москва кажется мне ближе к Берлину, чем Шарлоттенбург. [...] Наше возвращение прошло благополучнее и легче, чем можно было бы предположить. Снег выпал лишь около Воронежа, температура воздуха очень умеренная, так что я продолжаю свои магнитные наблюдения в палатке, без шубы и шапки; экипажи, которыми мы обязаны Вашей заботе и доброте, прекрасно держались; нельзя не восхищаться солидной работой моего земляка (г-на Иохима)^[206] и качеством русского железа. Полагаю, что Вашими заботами мы столь же благополучно доберемся до Петербурга. Тула стала для нас важным пунктом благодаря прекрасно устроенным машинам и любезному приему генерала Штадена^[207]. Думаю, что мы сможем выехать из Москвы 28 октября (9 ноября) и что до Петербурга, несмотря на снег, нам не потребуется более 3,5–4 дней. Мое здоровье (боли в желудке) весьма поправилось благодаря путешествию и пребыванию на свежем воздухе. Оба моих друга рекомендуют себя в милость Вашего Превосходительства. Считаю своим приятным долгом рекомендовать Вашей милости как главе горного ведомства нашего сопровождающего, г-на обер-гиттенфервальтера Меншенина, здоровье которого не самое крепкое и для которого быстрая поездка была более утомительной, чем для нас. Важное открытие алмазов графом Полье не оставляет у меня никаких моральных сомнений^[208]. Почему русские зрители лишь показали а.[лмаз], не приписав себе чести его открытия? Молодой Шмидт (саксонец) неспособен ни на какой обман, он никогда не был на Качканаре, не говорит ни слова по-русски, оставил нас всего за три дня до того и поэтому не мог бы ни о чем сговориться с русским зрителем. Три алмаза были найдены один за другим. Я счастлив, что такое открытие сделано в Ваше министерство и во время моего путешествия; надеюсь, что вскоре будет найдено больше. Лишь бы только мое путешествие не стало причиной болезни графа Полье! Это славный, любезный человек, очень преданный Вам. Сказанное Вашим Превосходительством о геологических феноменах степей и о контрасте отмирающего, закаменелого исламизма с привлекательной природой христианства настолько же верно, насколько удачно и умно сформулировано.

Вильгельму

Москва, 24 октября (5 ноября) 1829 г

Дорогой друг, 22 октября (3 ноября) я прибыл сюда через Воронеж и Тулу; итак, наше большое путешествие (14 тысяч верст при возвращении в Петербург), скажем так, осталось позади. Снег выпал только пять дней назад, холод едва достигает 3° R. Как видишь, мы не нарадуемся нашей удаче: никто не заболел (фурункул я мог бы заработать и в Берлине); пару раз мы загоняли лошадей, так как в большую жару ехали со скоростью 16–18 верст в час. Ямщики, безрассудство которых в казацких землях не поддается описанию, часто сваливались под экипаж и смеялись, выныривали между задних колес. Но мы ни разу не перевернулись, не было ни одного несчастного случая... При возвращении из китайской Монголии Москва представляется мне как Шпандау. Остаток путешествия – это уже малость. Думаем быть 31 октября (12 ноября) у Шёлера в Петербурге, который снова принимает нас у себя, а 15 декабря нового стиля, плюс-минус пару дней, – в Берлине. Здесь в Москве меня застало твое трогательное письмо (из Гастайна от 3 сентября) и письмо Гедемана (от 11 сентября). Не могу выразить, как я рад, что ты избавился от своих ревматических болей еще до того, как поехал в Гастайн. Надеюсь, поездка укрепила твое здоровье. Это составляет теперь мой самый живой интерес на этом свете. Очень хотел бы видеть тебя зимой в Берлине у себя; одним из главных резонов, чтобы оставить Париж, было для меня оказаться ближе к тебе. Боюсь, в твоём отшельничестве ты работаешь слишком много, но, когда любишь, можно отказаться от всего. Прошу, поступай по своему разумению. Я никогда не буду жалеть, что приехал в Берлин. Мне достаточно знать, что ты рядом. Каждую неделю я буду по несколько раз навещать тебя в Тегеле. Ничто больше не должно нас разлучить; я знаю, в чем мое счастье. Оно рядом с тобой. Мое здоровье во время поездки намного улучшилось. Надеюсь, это улучшение продолжится. Когда я говорил, что некоторые боялись твоего затворничества в Тегеле, я имел в виду, что эти некоторые желали добра и нам, и себе. Они хотели [твоего] согласия принять должность только затем, чтобы ее не получили те,

кого терпеть не могут. Такова жизнь. Я, впрочем, совершенно одобряю твои действия. Я рад назначению графа Брюля, и сопротивлялся бы до последнего, если бы мне предложили постоянную должность. Прощай, драгоценный друг, почта отправляется.

Канкрину

Санкт-Петербург, 1 (13) ноября 1829 г

Высокородный г-н граф, высокочтимый г-н министр финансов!

Если возможности научного исследования обширной части земной поверхности я обязан милостям великого монарха, если это путешествие, сегодня заверщенное мной, дало мне восхитительные случаи наслаждаться природой, то моим первым и святым долгом было приношение моей самой почтительной благодарности. Мог ли я ожидать большего, чем то, что мы получили за семь месяцев?

Как исчезли все «препятствия», когда отеческая забота правительства открывала «на Урале и Алтае» в равной мере все пути? Поэтому новое подтверждение высочайшей милости Е. И. В., полученное мной только что из рук Вашего Сиятельства, заставило меня покраснеть^[209]. С почтительной благодарностью принимаю этот публичный знак монаршей милости, который навсегда останется дорогим для меня, потому что ею оказан почет науке, а ей с ранней юности и в течение всей моей переменчивой жизни были посвящены все мои силы. Подарок великого дарителя становится еще прекраснее благодаря сопровождающим его любезным словам Вашего Превосходительства. Что из всего этого надлежит Вам, хорошо знаю и я, и мои ученые друзья Эренберг и Розе. Если бы у нас нескромно вскружились головы, мы бы добавили здесь, что благодаря нам об этом будут знать и потомки.

С совершеннейшим почтением и преданностью
Вашего Сиятельства
покорнейший слуга
Александр Гумбольдт.

Вильгельму

Санкт-Петербург, дом генерала Шёлера,

9 (21) ноября 1829 г. (суббота)

Просто стыдно, мой драгоценный друг, что я лишь сегодня, спустя восемь дней после приезда сюда, нашел необходимое время, чтобы послать тебе небольшое свидетельство моей дружбы и любви. Я нашел здесь твое милое письмо от 4 ноября и другое, очень интересное, от Гедемана, которые оба ввели меня в курс дела обо всем происходящем с близкими. Путешествие почти через все части европейской России настолько умножило общественные связи и химерические представления о моей полезности для чего-либо, что я едва выдерживаю груз всех обязательств, которые накладывает на меня мое положение. Мое здоровье великолепно; император со свойственной ему деликатностью уже во время нашего пребывания в Москве пожаловал Розе и Эренбергу орден Св. Анны 2 степени. Мне же в самый день моего приезда сюда был вручен орден Св. Анны 1 класса с императорской короной (это соответствует бриллиантам, которые больше не присваиваются)^[210] в сопровождении чрезвычайно лестного письма. Е. И. В. передал мне свое сожаление, что болезнь все еще препятствует ему «приобщиться к моему просвещению» (*profiter de mes lumières*). Надеюсь, он совершенно поправится до моего отъезда, который я хотел бы назначить на 1 декабря. Императрица уже всемилостивейше приняла меня; вчера я обедал у наследника престола; сегодня утром снова зван к императрице – короче говоря, благожелательность по отношению ко мне проявляется лишь в возрастающей степени. Император пока на постельном режиме и принимает только свою семью. Сообщение в сегодняшней «Петербургской газете» придаст моему путешествию особый блеск. Я сказал императрице, что мы привезем с собой алмазы. Это исполнилось: открыли их, правда, не мы, но мы способствовали этому. Открытие сделал наш сопровождающий, через три дня после того, как мы расстались. Написанная графом Полье без моего ведома статья

чрезвычайно лестна для меня, ты вскоре прочтешь ее во всех газетах. Начинается она так: «Путешествие барона Гумбольдта на Урал способствовало открытию, которое может представлять интерес равно для науки, как и для России, а также для землевладельца, который это открытие сделал. Более двух лет назад г-н фон Гумбольдт заметил чрезвычайную схожесть бразильских гор с Уралом; он был убежден, что в Сибири найдутся алмазы, как нашли их в Америке. Путешествие на горные прииски Урала укрепило его в этом предположении, камергер Е. И. В. граф Полье, сопровождавший знаменитого путешественника, после разговоров с ним пришел к тому же убеждению. При отъезде г-на Гумбольдта в Тобольск граф Полье расстался с ним, чтобы посетить владения своей жены, лежащие на западном или европейском склоне Уральских гор. По приезде первой заботой его было начать исследования в россыпи около Бисерска^[211]. Они увенчались успехом». «Уже найдены семь алмазов от 1/2 до 5/4 карата, и очень красивые. Я знал об этой тайне уже два месяца, но не решался о ней говорить, пока граф Полье (который, к сожалению, ныне тяжело болен) не счел правильным об этом сообщить. Это замечательное открытие, которое по меньшей мере указывает на эпоху нашей поездки.

Я бесконечно рад, что твое здоровье после поездки улучшилось и что твои благочестивые хлопоты о памятнике увенчались успехом. Если бы я мог принять участие в траурной церемонии! О, бедные Кунт и Эйхлер... как исчезает все на Земле... Я не осуждаю, мой дорогой друг, твое пребывание в Тегеле, я буду заботиться там о тебе, какой бы суровой ни выдалась зима. Следует дать тебе возможность делать то, что тебе представляется правильным для своего покоя. Я никогда не осуждаю ничего, что может каким-либо образом способствовать твоему покою и принести немного радости, которую оставила тебе жизнь. Я совершенно сопереживаю тому, что происходит с тобой. Никто на свете не любит тебя искреннее, чем я. Моя жизнь всегда будет связана с твоей, мы никогда не будем разлучаться надолго. Тысячи сердечных приветов родным. Я напишу со следующим курьером несчастному Кунту, надеюсь, мое письмо еще застанет его. Скажи г-же Зайферт, что у ее супруга «все отлично».

А. Гумбольдт.

Вильгельму

Петербург, 16 (28) ноября 1829 г

День восшествия на престол – хлопотливый и ужасный. Через час я должен произносить свою большую речь в Академии. Императрица не может быть из-за болезни, но пошлет наследника^[212], великую княгиню Елену^[213], великого князя Михаила^[214], весь город, и женщин. Сегодня один из величайших дней в моей жизни. Полагаю, моя речь на французском о преимуществах протяженного пространства России и ее положения для естественных наук будет иметь резонанс. Я писал ее две ночи. 2 декабря я еще не смогу уехать. К сожалению, император был в серьезной опасности, но, слава Богу, замечательный правитель спасен. Он еще в постели, но уже на пути к выздоровлению. Он часто говорит обо мне и обязательно желает видеть меня до моего отъезда. До сих пор с ним виделся только Волк^[215]. Возможно, мне придется ждать больше 8–10 дней, не знаю. Мое здоровье хорошее, дорогой друг, но все эти любезности меня убивают. Тысяча сердечных приветов родным.

А. Гумбольдт.

Вильгельму

Петербург, [27 ноября] (9 декабря) 1829 г

Мой дорогой друг, могу написать тебе лишь пару строк. Надеюсь, мне удастся уехать отсюда 12-го или 14-го, хотя я еще должен дожидаться второй аудиенции у императора, который уже пожаловал меня в воскресенье двухчасовой беседой, – милость тем более значительная, что даже не все министры могли еще видеть императора. Однако его выздоровление подвигается быстро. Он осыпал меня знаками благосклонного внимания. «Ваш приезд в Россию, – сказал он, – способствовал громадным успехам в моей стране. Везде, где Вы появляетесь, все оживает». Мне пожалована соболья шуба стоимостью

5 тысяч рублей ассигнациями и ваза такая же, как лучшие во дворце (7 футов высотой вместе с пьедесталом!), которую оценивают в 35–40 тысяч рублей ассигнациями. Я не могу сегодня утром написать г-же Кунт. Сделай милость, извести ее о том, что я сегодня писал даже напрямую королю, прося его об особенно хорошем с ней обращении, говоря о ее несчастье и заслугах ее мужа. Я написал первой почтой, получив в письме от 23 ноября от молодого Кунта известие о смерти.

Как я рад, что скоро смогу обнять тебя! Тысяча сердечных приветов родным.

А. Гумбольдт.

Мое здоровье в порядке, но на этих днях очень болит рука. Скажи г-же Зайферт, что у ее мужа все отлично.

Канкрину

Санкт-Петербург, суббота [30 ноября (12 декабря) 1829 г.]

Пробыв утром с обоими своими друзьями почти полтора часа у императрицы, а вечером с 8½ до 11 часов у императора и осыпанный знаками благоволения, я, к сожалению, не был в состоянии весь прошедший день нижайше поблагодарить Ваше Превосходительство за Ваши новые великолепные подарки, осмий и иридий. Сегодня наконец мне это удастся – чего я желаю тем более, что ночью с понедельника на вторник должен уезжать.

Канкрину

Кенигсберг, [12] (24 декабря) 1829 г

Ваше сиятельство изволите простить, что, несколько задеревенев от холода (до Полангена итальянская температура воздуха – 5–6° R, но на побережье – 18° R), сообщаю Вам о нашем благополучном прибытии в отечество и от имени своего и моих дорогих спутников еще раз выражаю мою искреннюю благодарность. Мы провели

интересный день с Эверсом^[216], Струве, Ледебуром и Энгельгардтом в Дерпте: однако в исчислении вероятностей было записано, увы, что нельзя сделать 18 тысяч верст, хотя бы раз не перевернувшись. И подобно Немезиде исчисление вероятностей доказало свою правоту. Мы перевернулись у подножия небольшого возвышения на мельничном мосту, неподалеку от Энгельгардтсгофа в двух станциях от Риги из-за заноса экипажа на повороте бесснежной, заледеневшей дороги, да так сильно, что экипаж с одной стороны весь разбит. Одна лошадь соскользнула с высоты 8 футов в воду. Ограждение моста, естественно, не выдержало, и мы очутились в весьма живописном положении, лежа в 4 дюймах от края моста. Никто из нас (я сидел с Эренбергом в застекленном экипаже!) не пострадал, мы даже, слава Провидению, не чувствовали никакой боли. Поскольку упало двое ученых и ученый егерь, то о причинах происшедшего возникли конкурирующие теории.

Канкрину

Берлин, [20 декабря] (1 января) 1830 г

Ваше Сиятельство,

Спешу уведомить Вас через своего друга, замечательного полковника фон Штокгаузена^[217] (наставника Его Королевского Высочества принца Альбрехта Прусского^[218]) о моем благополучном возвращении в Берлин в понедельник вечером 28 декабря, при лютom морозе. Красивое покрывало с цветами, произведение любезной графини, лежит вместе с подушками передо мной; все, что напоминает мне об этом путешествии, вновь вызывает в памяти чувство благодарности к Вам, глубокоуважаемый министр, и Вашему дому. Не буду утомлять Вас не раз уже повторенными выражениями этих чувств, которое столь искренне разделяют и оба моих спутника. В эту минуту я уезжаю вместе с королем в Потсдам и мне остается лишь время, чтобы передать Вам и г-же графине мои самые сердечные поздравления [...] С благодарным почтением,

Вашего Сиятельства покорнейший слуга

Алекс. Гумбольдт.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Хронологическая документация путешествия Гумбольдта по России в сокращенной форме цитируется по: Alexander von Humboldt, Zentral-Asien. Untersuchungen zu den Gebirgsketten und zur vergleichenden Klimatologie, hrsg. von Oliver Lubrich, Frankfurt a. M. 2009, S. IX–CCVIII. С любезного разрешения издательства S. Fischer.

Отдельные фрагменты текста заимствованы из следующих источников:

Канкрину: Im Ural und Altai. Briefwechsel zwischen Alexander von Humboldt und Graf Georg von Cancrin aus den Jahren 1827–1832 [hrsg. von W. v. Schneider und F. Russow], Leipzig 1869 (в издании содержатся также письма Гумбольдта графине Канкриной и прусскому посланнику в Санкт-Петербурге барону Фридриху фон Шёлеру).

Вильгельму: Briefe Alexander von Humboldts an seinen Bruder Wilhelm, hrsg. von der Familie von Humboldt in Ottmachau, Berlin: Verlag der Gesellschaft deutscher Literaturfreunde, [1923] (содержит шесть писем из путешествий на немецком и тринадцать в оригинале на французском языках; перевод исправлен по французской версии в: Briefe Alexander's von Humboldt an seinen Bruder Wilhelm, hrsg. von der Familie von Humboldt in Ottmachau, Stuttgart: J. G. Cotta, 1880).

Араго: «Lettre de M. de Humboldt à M. Arrago» (Oust-Camenogorsk, sur le haut Irtych, en Sibérie, le 1/13 août 1829. – Le 8/20 août) // Bulletin de la Société de Géographie 12:3/78 (октябрь 1829), S. 176–181.

Розе: Gustav Rose, Reise nach dem Ural, dem Altai und dem Kaspischen Meere auf Befehl Sr. Majestät des Kaisers von Russland im Jahre 1829 ausgeführt von A. von Humboldt, G. Ehrenberg und G. Rose. Mineralogisch-geognostischer Theil und historischer Bericht der Reise, 2 Bde., Berlin 1837/1842 (S. 11–14 = Bd. 1, S. VII–X; S. 14–15 = Bd. 1, S. XII; S. 15–17 = Bd. 1, S. 1–2; S. 18–19 = Bd. 1, S. 15–16; S. 19 = Bd. 1, S. 16–17; S. 22–24 = Bd. 1, S. 36–38; S. 31–33 = Bd. 1, S. 61–64; S. 34–35 = Bd. 1, S. 71–73; S. 37 = Bd. 1, S. 82; S. 41–42 = Bd. 1, S. 110–111; S. 42 = Bd. 1, S. 123; S. 42–44 = Bd. 1, S. 130–132; S. 49–50 = Bd. 1, S. 280; S. 50–51 = Bd. 1, S. 341–342; S. 51–54 = Bd. 1, S. 352–355; S. 54 = Bd. 1, S. 383; S. 54–56 = Bd. 1, S. 385–388; S. 57 = Bd. 1, S. 430; S. 57 = Bd. 1, S.

471–472; S. 67 = Bd. 1, S. 485–487; S. 68–69 = Bd. 1, S. 487–491; S. 70 = Bd. 1, S. 492; S. 73–75 = Bd. 1, S. 498–500; S. 75 = Bd. 1, S. 503; S. 75–76 = Bd. 1, S. 519–520; S. 79–80 = Bd. 1, S. 522; S. 80 = Bd. 1, S. 577–578; S. 80–81 = Bd. 1, S. 579–580; S. 86–93 = Bd. 1, S. 600–608; S. 93–94 = Bd. 1, S. 608–609; S. 97–99 = Bd. 2, S. 1–4; S. 99 = Bd. 2, S. 8; S. 100 = Bd. 2, S. 13–14; S. 102–103 = Bd. 2, S. 105–106; S. 105–106 = Bd. 2, S. 108–109; S. 109–111 = Bd. 2, S. 187–189; S. 111 = Bd. 2, S. 195; S. 112–114 = Bd. 2, S. 197–200; S. 114–118 = Bd. 2, S. 212–216; S. 120–121 = Bd. 2, S. 232; S. 121 = Bd. 2, S. 247–248; S. 121–125 = Bd. 2, S. 248–251; S. 125–126 = Bd. 2, S. 252–259; S. 126–127 = Bd. 2, S. 272; S. 127 = Bd. 2, S. 277; S. 127–128 = Bd. 2, S. 277–278; S. 128 = Bd. 2, S. 278; S. 128–133 = Bd. 2, S. 280–286; S. 133–134 = Bd. 2, S. 289–291; S. 135 = Bd. 2, S. 291; S. 135–138 = Bd. 2, S. 293–298; S. 139–144 = Bd. 2, S. 300–306; S. 150 = Bd. 2, S. 309–310; S. 150–152 = Bd. 2, S. 312–314; S. 152–153 = Bd. 2, S. 322–323; S. 153–156 = Bd. 2, S. 325–329; S. 158–169 = Bd. 2, S. 334–346).

**ЛИТЕРАТУРА, ИСПОЛЬЗОВАННАЯ В РУССКОМ ИЗДАНИИ, В
ТОМ ЧИСЛЕ ПЕРЕВЕДЕННЫЕ ФРАГМЕНТЫ ТЕКСТА
ИСТОЧНИКОВ И КОММЕНТАРИЕВ**

Анучин 1915: Анучин Д. Александр фон-Гумбольдт, как путешественник и географ, и в особенности как исследователь Центральной Азии // Гумбольдт А. Ф. Центральная Азия. Исследования о цепях гор и по сравнительной климатологии. Под ред. Д. Н. Анучина. Т. I. М., 1915. С. IX–ССXXXIII.

Любрих 2019: Любрих О. Путешествие Александра фон Гумбольдта по России (1829 г.). Доклад в рамках Российско-Германского года научно-образовательных партнерств. Пер. с нем. К. Левинсона

(https://perspectivia.net/servlets/MCRFileNodeServlet/pnet_derivate_00002041/Alexander%20von%20Humboldts%20russische%20Reise.pdf).

Переписка Александра Гумбольдта с учеными и государственными деятелями России. Отв. ред. Д. И. Щербаков. М., 1962.

Путешествие 1873–1875: Путешествие по Уралу Гумбольдта, Эренберга и Розе в 1829 году [Оглавл. и главы из книги Г. Розе «Путешествие на Урал, Алтай и к Каспийскому морю»]. Пер., предисл. и примеч. Н. К. Чупина. Екатеринбург, 1873 (Прил. к Зап. Уральского об-ва любит. естествознания (УОЛЕ). Т. I. Вып. 1; 1874. Т. 1. Вып. 2. С. 106–114; 1875. Т. 2. Вып. 1. С. 25–50).

Оливер Любрих **УЧЕНЫЙ, ПРИБЛИЖЕННЫЙ К** **ВЕНЦЕНОСНЫМ ОСОБАМ:** **ГУМБОЛЬДТ В СИБИРИ**

Просто исчезнем? – сказал Гумбольдт. – Вот так, на пике жизни выйти в Каспийское море и никогда уже не вернуться назад?

Даниэль Кельман. Измеряя мир (2005)^[219]

Еще в юности Александр фон Гумбольдт сформулировал позицию, что «близость к венценосным особам даже самых умных людей лишает разума». Это высказывание из «рассказа», опубликованного в 1795 г. в журнале Шиллера «Оры» под заглавием «Жизненная сила, или родосский гений». Когда три с половиной десятилетия спустя Гумбольдт предпринял путешествие по империи Николая I, он сам оказался в этой опасной близости. Предупреждение времен его юности в России подверглось цензуре. В переводах его рассказа критическая формулировка была либо сглажена, либо вычеркнута. В русской версии 1829 г., года его путешествия в Сибирь (переведенной не с оригинала, а с французского собрания сочинений Гумбольдта), осталось лишь: «посещая великих мира, дарования нередко теряют часть своей очаровательности»^[220], а в варианте 1856 г. предложение опущено вовсе. О близости к венценосным особам уже не упоминалось – после того, как стали ясны ее щекотливые стороны. Единственный художественный текст Гумбольдта отражает, таким образом, его драму в России – драму между наукой и политикой. О ней говорят свидетельства его русского путешествия.

ПУТЕШЕСТВИЕ, ОБСТАВЛЕННОЕ УСЛОВИЯМИ

Что подвигло свободомыслящего берлинца к «близости к венценосным особам»? Как она стала для него проблемой? И в чем она отразилась?

История начинается с запроса о консультации. Министр финансов России Георг (Егор Францевич) Канкрин, немец по происхождению, обратился к Гумбольдту как к эксперту в денежно-валютных вопросах: имеет ли смысл использовать платину для чеканки монет? (15 августа 1827 г.) Ответ Гумбольдта был отрицательным. Однако итог у переписки получился иной. Канкрин намекнул, что места по ту сторону Урала, где добывали платину, «пожалуй, стоят того, чтобы их посетил какой-нибудь крупный естествоиспытатель» (22 октября 1827 г.). И Гумбольдт ухватился за этот намек: «Мое самое горячее желание – засвидетельствовать Вам свое почтение непосредственно в России. Милее всего для меня было бы увидеть Урал, в скором будущем русский Арарат, да даже озеро Байкал» (19 ноября 1827 г.). Канкрин немедленно ответил приглашением: «Монарх этого желает, ибо польза для империи и науки несомненно будет очень большой» (17 декабря 1827 г.). Гумбольдт принял предложение и повысил ожидания российской стороны, пообещав, что сможет «выполнить некоторые поручения, полезные для администрации» (26 февраля 1828 г.). В ответ министр пообещал полное финансирование экспедиции за счет российской казны (20 марта 1828 г.). Договорились, что Гумбольдт сможет сам выбрать себе маршрут и взять с собой химика и зоолога Кристиана Готфрида Эренберга, а российская сторона назначила ему в помощники чиновника Горного департамента Дмитрия Степановича Меншенина. Российское правительство ожидало от опытного геолога и специалиста горного дела рекомендаций по освоению сокровищ земных недр. Гумбольдт должен был сделаться кладоискателем для царей. Есть и свидетельства того, что прусский король со своей стороны был рад спровадить на некоторое время критически мыслящего Гумбольдта за пределы страны.

Еще несколькими годами ранее Гумбольдт решил совершить второе дальнее путешествие, которое дополнило бы его первое: он хотел узнать два «света», исследовать оба «континента». Однако цена, которую он за это заплатил, была высока. Автор «Политических очерков» о Новой Испании (1808–1811) и Кубе (1826), в которых колония была названа «страной неравенства» и которые вылились в

настоящий манифест против рабства, должен был вести себя аполитично. «Само собой разумеется», обещал Гумбольдт министру, что в своих отчетах о поездке он ограничится «только неживой природой» и будет «избегать всего касающегося общественных институтов и состояния низших народных классов: то, что может сообщить об этом чужеземец без знания языка, всегда спекулятивно, неточно и – в случае столь сложного механизма, какой представляют собой состояние и приобретенные некогда права высших сословий и обязанности низших – возбуждает эмоции, не имея ни малейшей практической пользы!» (17 июля 1829 г.) В отношении русской кампании против турок на Кавказе Гумбольдт лестно для России выражался о «неосмотрительном упорстве варваров» (10 января 1829 г.). Когда сражения закончились, он поздравлял по чувству долга: «Как я рад победам Вашего оружия!» (27 августа 1829 г.). После экспедиции в «Новый Свет» путешествие Гумбольдта в Россию – во многих отношениях «другое путешествие». Оно являет не прославленного вольнодумца и активного гуманиста, но менее известного и более проблематичного Гумбольдта.

Во время своей шестимесячной экспедиции ученый и его сопровождавшие были под постоянным присмотром. 21 июня 1829 г. он писал брату Вильгельму из Екатеринбурга: «Предусмотрительность правительства для нашего путешествия не передать словами: постоянные приветствия, встречи и выезды полицейских чинов, гражданских чиновников, казачьих караулов! Но, к сожалению, и почти ни мгновения, предоставленного самому себе, ни шага без того, чтобы тебя не вели под руки, как больного!»

Однако контроль со стороны царских властей осуществлялся и более деликатными методами. Выдающегося ученого и его спутников встречали местные сановники; размещали их в домах состоятельных горожан; экипировку им поставляли военные; в пути их сопровождали конвои; местная администрация оказывала им поддержку. Путешествие превращалось иногда в череду торжеств и чествований. В Санкт-Петербурге Гумбольдт много раз был приглашен в гости к царю. Его завалили приветствиями, дипломами и орденами. Восемь грамот, принятых Гумбольдтом, находятся ныне в берлинском архиве.

Мотив надзора главенствует в новелле в письмах Кристофа Хайна «Письма из России егеря Иоганна Зайферта» (1980) – и подразумевает

ГДР. Текст состоит из вымышленных посланий, который путешествующий с Гумбольдтом слуга мог бы написать своей жене, их язык Хайн шутливо стилизует. Не только абсурдная рамка, в которую Хайн помещает эти «документы», заставляет предположить, что под маской исторических обстоятельств речь на самом деле идет о Германии и ГДР: якобы обнаруженные в архивах гестапо, эти письма после войны были наклеены на стену в качестве прослойки для обоев. Их опубликованию «Центральным исследовательским институтом» предшествует в духе Штази (Министерства госбезопасности ГДР) «щекотливый момент внедрения в личное пространство и удаления обоев со стен». Послания Зайферта не дошли до адресата, они были «перехвачены» в России. На всех листах стоят «штампы петербургской тайной полиции, а также различные печати ведомств Пруссии и Германской империи». В рассказе слуги о путешествии речь идет о «взгляде через границу», о «страхе перед полицией», о «рабском наречии» и «самоцензуре». Лейтмотив – слежка: письма «вскрываются и с них снимают копии». Возникает недоверие друг к другу. Уж не агент ли тайной полиции Меньшенин, русский сопровождающий путешественников? В конце концов самому Зайферту предлагают написать осведомительское донесение о «мыслях» Гумбольдта и «сговорах со ссыльными и всяческими бунтовщиками». А если откажется, ему придется опасаться, что его не выпустят из страны.

Поездка Гумбольдта в Россию подводит нас к вечно актуальной проблеме: что значит совершать поездку в несвободной стране? Как можно посылать сообщения из полицейского государства? Как путешествовать по диктатуре, не компрометируя себя? Когда можно, а когда – нужно позволить себе выступить в защиту человечности, свободы мнений и заступаться за инакомыслящих? Перед прусским исследователем в России встали те же дилеммы, что перед сегодняшними корреспондентами и дипломатами: оказывать содействие или оказывать влияние? Вселять уверенность или вселять страх? Подпасть под обаяние или попасть под надзор? Собирать скрытую информацию или скрывать собранную? Подвергать себя цензуре или самоцензуре? Гумбольдту было известно, как жестко в международной экономической политике диктуется выбор между правами человека, сырьевой безопасностью и интересами экспорта.

Как он вел себя в этих условиях? Скомпрометировал ли он себя? Или нашел средства в итоге с честью выйти из этой сложной ситуации?

В сохранившемся материале присутствует политическая проблематика. В дневнике Гумбольдта встречаются наблюдения явно политического характера, например о сосланных инакомыслящих: «утащенные души», «безвинно в Сибирь». Его заметки указывают на то, что он видел и о чем должен был молчать. Главный труд по итогам путешествия в Россию, «Центральная Азия», включает в себя зашифрованные намеки и непрямые политические высказывания. Собственно описание поездки Гумбольдт поручил Густаву Розе, так что итоги экспедиции рассказаны от лица нескольких лиц, и другой мог сообщить то, что было не позволено самому Гумбольдту. В своих письмах Гумбольдт использует по отношению к разным адресатам разные дискурсы, что одновременно и дипломатично, и двулично.

НАПИСАННОЕ МЕЖДУ СТРОК

Результаты Азиатской экспедиции 1829 г. изложены Гумбольдтом в ряде научных работ, опубликованных в журналах и газетах. Они касаются прежде всего географии, геологии, климатологии и экономики, например: «О горных кряжах и вулканах внутренней Азии» (1830), «О количестве золота, добываемого в Российской империи» (1830), «Исследования о климатах Азии» и сохранение доисторических зверей при определенных температурах почвы (1831), «Золотые прииски на Алтае» (1833), «О новых измерениях вершины Гоби между Ургой и Пекином» (1833), проект «Об исследовании земного магнетизма постоянными институтами и связанными между собой наблюдениями» (1836), «Изменения добычи золота в связи с проблемами экономики государств» (1838), «Относительный уровень Черного и Каспийского морей» (1838), «Находка большого золотого самородка на южном Урале» (1843), «Основание [...] обсерватории в Санкт-Петербурге» (1843), «Сравнение астрономических определений мест в России и Сибири» (1844) или «Императорский ботанический сад в Санкт-Петербурге» (1850) (эти и многие другие тексты впервые переизданы в Бернском издании Собрания сочинений А. фон Гумбольдта в 2019 г.)^[221] А помимо этого – ботанические,

зоологические, минералогические и филологические собрания, которые хранятся ныне в Ботаническом музее, Музее естествознания и Государственной библиотеке в Берлине.

Первую монографию Гумбольдт закончил уже через два года после экспедиции: *Fragmens de géologie et de climatologie asiatique* (Фрагменты по геологии и климатологии Азии. 1831. Т. 1–2). Но главный труд о путешествии по России и Сибири появился более чем десятилетие спустя: *Asie centrale. Recherches sur les chaines de montagnes et la climatologie comparée* (Центральная Азия. Исследование горных хребтов и сравнительная климатология. 1843. Т. 1–3). Здесь мы можем видеть, как Гумбольдт одновременно подчиняется политической цензуре и преодолевает ее. Он развил технику письма между строк, какую мы знаем у авторов произведений, живших при недавних диктатурах. Уже само посвящение царю, которое, как признавал Гумбольдт, ему «немало стоило», – подношение двусмысленное. Ученый иронично приписывает монарху поддержку стремлений, которые тот на самом деле подавлял всеми средствами: «свободное развитие умственных способностей».

В самом начале своей книги Гумбольдт упоминает о давлении, при котором путешествовал и писал, приводя саркастически двусмысленную цитату из самодержца: «Вы пожелали, чтобы „все, что касается материальных и местных интересов, играло в моих исследованиях лишь второстепенную роль“». Эти «материальные и местные интересы» следует понимать не только как практические стороны поездки, но скорее как общественно-политические проблемы, то есть именно то, о чем Гумбольдт должен был молчать.

Итак, с самого начала в текст проникает двусмысленность. Поэтому, если читать этот вроде бы аполитичный труд Гумбольдта, обращая внимание на тонкие намеки, можно увидеть, о чем нельзя (или нецелесообразно) было сказать напрямую. На первой странице «Введения» говорится, например, о «*подъеме масс*» (*soulèvement des masses*). На поверхности речь идет о горном хребте. Однако после притворного поклона, отвешенного автором властелину России, это словосочетание указывает на возможность (и необходимость) восстания, тем более что оно непосредственно связано с «состоянием человеческих обществ». Гумбольдт делает из геологического факта политическую метафору.

Помимо этого, Гумбольдт обходит и преодолевает запрет говорить об «общественных институтах» и другими путями. Ибо в «Центральной Азии» Гумбольдт представляет важные результаты своих исследований, которые косвенно являются и политическими. Он путешествует и описывает подчиненные Россией земли «Востока», но при этом критически переоценивает европейский «ориентализм» и в достаточной мере предоставляет голосам Азии высказаться самим за себя. Туземные мифы он понимает как «дикое знание», как самостоятельную форму познания природы. Он не экзотизирует Инаковое, но констатирует, что Москва на самом деле «как Шпандау» (неприметное местечко под Берлином, ныне входит в черту города). А на широких просторах Азии та же растительность, что и в обычном городском парке: «Вся Сибирь – продолжение нашего Хазенхайде»^[222].

Имея в «Центральной Азии» дело со сферами притяжения трех империализмов – не только русского (с запада), но и английского (с юга) и китайского (с востока), – Гумбольдт развивает диалектику колониализма: он признает, что завоевание и освоение способствуют исследованиям – и наоборот. Царским военным требовались географические карты и страноведение, знание языков и культур, информация о водоемах, горах и полезных ископаемых. Знание, понимает Гумбольдт, – это оборотная сторона власти, а он сам, ученый, сотрудничает с империей.

Но, осматривая рудники и металлоплавильные заводы в Сибири, Гумбольдт мог также видеть, как социальные условия тормозили экономическое развитие. Там царили феодальные условия при недостатке свободных и хорошо образованных специалистов. Одна из возможностей политической критики заключалась для Гумбольдта в том, чтобы высказывать ее в сочетании с рационализаторскими предложениями, которых от него ждали: так, он предложил на первый взгляд сугубо технические мероприятия по повышению производительности предприятий, в числе которых упомянул и переход от крепостного права к наемному труду. По тексту разбросаны намеки касательно российской «политической экономии», с критикой казенного владения и крепостного права, отношений собственности и условий производства. «Центральная Азия» вышла в Париже в те же

годы, когда Карл Маркс изучал политическую экономию, за пять лет до «Коммунистического манифеста».

Своему покровителю Канкрину Гумбольдт пообещал (10 января 1829 г.), что будет обращать внимание «больше на вещи», чем «на людей». Но и решение ограничиться «неживой природой» может иметь непредвиденные последствия. В лесах Урала сформировалось открытие, имевшее далекоидущие перспективы. Осматривая рудники, прусский эксперт обнаружил, что характер и масштабы выработки энергии оказывали критическое воздействие на природу. Недостаточная эффективность российских предприятий, принадлежавших казне и использовавших труд крепостных, требовала неоправданно высокого потребления дров и, соответственно, рубки леса на обширных площадях: такое «обезлесение» (Entwaldung) Гумбольдт наблюдал еще в тропиках. Он знал, что леса и покрытые растительностью площади в целом являются «одним из наиболее интересных и наименее учитываемых» факторов, влияющих на климат страны. Исходя из этих наблюдений, Гумбольдт очерчивает ни много ни мало теорию антропогенного изменения климата: следует констатировать перемены, «которые человек производит на поверхности континентов, вырубая леса, изменяя распределение воды и производя в промышленных центрах выбросы в атмосферу большого количества паров и выхлопных газов». «Произошли довольно значительные изменения в составе земной оболочки» (атмосферы), резюмировал он, причем «вследствие прогресса человеческих обществ, когда они стали очень многочисленными и динамичными». При этом Гумбольдт подчеркивал: «Эти изменения, несомненно, важнее, чем принято считать». Именно занятия природой привели Гумбольдта к человеку, он осознал «социально-экологические» связи задолго до появления такого понятия. Ущерб окружающей среде в России был не в последнюю очередь результатом неправильной экономической модели при несправедливом общественном порядке. Экология изменения климата Гумбольдта была частью его критики политической экономики Российской империи.

МНОГОГОЛОСИЕ

В «Центральной Азии» Гумбольдт не стал рассказывать о своем путешествии, – точнее, не стал рассказывать в привычной форме. В центре должен был находиться не наблюдатель, а его наблюдения. Нет начальной и конечной точки, нет отъезда и возвращения, пути и путешествующих. Путешествующий растворяется в пройденной реальности. И тем не менее опыт экспедиции просвечивает в форме впечатлений, эпизодов, осколков пережитого. Александр фон Гумбольдт в определенной степени раздробил свой нарратив и рассыпал его по тексту в тысячах фрагментов.

Мы можем, однако, реконструировать хронологию экспедиции по другим свидетельствам. Спутник Гумбольдта в научном путешествии по испанским колониям в Новом Свете, французский врач и ботаник Эме Бонплан, не публиковал собственных трудов о поездке. Тогда как в случае с экспедицией в Россию и Сибирь мы можем сравнить перспективу Гумбольдта с его сотрудниками, а его труды дополнить их трудами. Кристиан Готфрид Эренберг (1795–1876) был автором трудов по микробиологии. Густав Розе (1798–1873) писал сочинения по минералогии. Но прежде всего он отвечал за подробный отчет о поездке, который поручил ему Гумбольдт: «Путешествие на Урал, Алтай и к Каспийскому морю» (1837/1842. 2 т.).

Насчитывающее более чем 1200 страниц объемистое описание путешествия Розе среди подробных научных описаний включает также яркие пассажи, которые складываются в единый рассказ. Розе описывает при этом то, что было запрещено описывать Гумбольдту, – ссылку инакомыслящих в Сибирь. «На этой дороге мы в первый раз видели арестантскую партию, идущую в Сибирь, состоявшую из женщин и девушек, числом от 60 до 80. Они шли свободно, то есть совершенные ими преступления не были тяжкими; [осужденные за более] тяжкие, которых мы встречали в ходе нашего дальнейшего путешествия, идут по обе стороны длинного каната, к которому они прикреплены одной рукой. [...] При всех станциях по этому главному сибирскому тракту, отстоящих одна от другой верстах в тридцати, выстроены деревянные, обнесенные палисадами дома, в которых ссыльные, как в России называют людей, изгнанных в Сибирь, проводят ночи, а каждый четвертый день отдыхают. Частые встречи с ними делают сибирскую дорогу не слишком приятной».

Сам же Гумбольдт, хотя и не оставил описания путешествия, писал письма с дороги. В них он также говорит разными голосами, поскольку писал две серии писем, освещающих его экспедицию в очень разном свете. Одни – адресованные министру финансов России и спонсору всего предприятия Георгу (Егору Францевичу) Канкрину, его жене, графине Канкриной, и прусскому посланнику в российской столице, Санкт-Петербурге, генералу барону фон Шёлеру; другие – брату Вильгельму фон Гумбольдту в его родной Берлин и другу Франсуа Араго на его вторую родину, в Париж. Первая серия политическая, стратегическая и дипломатическая; вторая – личная, приватная и нередко саркастическая. Гумбольдт одновременно практикует официальный и неофициальный дискурс. Опытный автор, он владел различными языками, формами и жанрами; в своей ипостаси путешественника, оратора и советника прусского короля он имел практику общения с разными людьми. В поездке в Сибирь Гумбольдт знал, чьи ожидания он должен оправдать и кому он мог доверяться.

Однако в частных письмах брату речь идет не только о собственном путешествии и наблюдениях, которые он не мог доверить никому другому. Они также – о смерти, трауре и деликатном утешении. Супруга Вильгельма Каролина умерла в Берлине весной 1829 года. Александр старался из Сибири поддержать своего брата дома в Тегеле.

В своей ученой сатире «Измеряя мир» (2005) Даниэль Кельман показал не только абсурд путешествия в Россию, но и его меланхолию. Рассказ идет прежде всего о Гумбольдте в Америке, но заканчивается книга другим путешествием, в Россию. Глава под названием «Степь» начинается с вопроса не о конце путешествия, а о конце жизни: «Что такое смерть, любезные дамы и господа?» У Гумбольдта Кельмана появляется глубокий пессимизм: «Нет никакого предначертания, сказал Гумбольдт. Просто некоторые люди берут на себя смелость инсценировать его перед другими, а потом сами начинают в него верить». «Он ничего не знает», – говорит Гумбольдт калмыцкому ламе. «Нет никакого послания». Как будто тяжелые условия в России избавили его от иллюзий не только в политике, но и в науке, и в экзистенциальных вопросах. Незадолго до обратной поездки, в Астрахани, Гумбольдт представляет себе, что эта экспедиция может стать концом вообще всего: «Слиться с водными просторами, навсегда исчезнуть среди ландшафтов, о которых мечтал еще ребенком, войти в

образ, выйти из него и никогда не возвратиться?» Так Россия могла бы стать ареной совсем другого путешествия: «Просто исчезнем? – сказал Гумбольдт. – Вот так, на пике жизни выйти в Каспийское море и никогда уже не вернуться назад?»

ПОСТСКРИПТУМ

Через более чем полвека Александр фон Гумбольдт переработал юношеское сочинение о «Жизненной силе» для третьего издания своей книги «Картины природы». При этом он добавил к сентенции о «близости к правителям» еще три слова: теперь она гласила не только, что «близость к венценосным особам даже самых умных людей лишает их ума», но «и их свободы»^[223].

ЛИТЕРАТУРА

Alexander von Humboldt «Die Lebenskraft oder der Rhodische Genius. Eine Erzählung» // Die Horen 1:5 (1795), S. 90–96, здесь S. 93.

Ansichten der Natur, mit wissenschaftlichen Erläuterungen, 3. Ausgabe, 2 Bde., Stuttgart/Tübingen 1849, Bd. 2, S. 303 et passim.

Asie centrale. Recherches sur les chaînes de montagnes et la climatologie comparée, vol. 1–3. Paris, 1843.

Briefe Alexander's von Humboldt an seinen Bruder Wilhelm, hrsg. von der Familie von Humboldt in Ottmachau, Stuttgart, 1880, S. 165–213 (19 писем из путешествий, из них 13 на французском языке).

Briefe aus Russland 1829, hrsg. von Eberhard Knobloch, Ingo Schwarz und Christian Suckow, Berlin, 2009.

Briefe von Alexander von Humboldt an Varnhagen von Ense aus den Jahren 1827 bis 1858, Leipzig, ²1860, S. 7 (26. April 1830), S. 52 (3. August 1838).

«Discours prononcé par M. Alexandre de Humboldt à la Séance extraordinaire de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg tenue le 16/28 Novembre 1829» // Hertha 14 (1829), S. 138–152.

Fragmens de géologie et de climatologie asiatiques, vol. 1–2. Paris, 1831.

Zentral-Asien. Untersuchungen zu den Gebirgsketten und zur vergleichenden Klimatologie, hrsg. von Oliver Lubrich, Frankfurt a. M., 2009.

Alexander von Humboldt, *Sämtliche Schriften: Aufsätze, Artikel, Essays* (Berner Ausgabe), 10 Bände, herausgegeben von Oliver Lubrich und Thomas Nehrlich, München, 2019, *именной указатель*: Bd. 10, S. 547–594. Онлайн: <https://humboldt.unibe.ch/text.edition-humboldt-digital>, Register: <https://edition-humboldt.de/register/index.xql?l=de>.

«Жизненная сила, или гений Родосский» // *Московский Телеграф*. 1829. Ч. 30. № 24. С. 423–431, здесь с. 427 et passim.

«Жизненная сила, или родосский гений» // *Вестник естественных наук*. Т. 3, № 1 (1856), стб. 5–10, стб. 8.

Фрагменты дневника путешествия по Сибири 1829, рукопись, семейный архив фон Хайнц, Берлин-Тегель.

Отдельный корпус составляют русские тексты Гумбольдта. Это около 50 статей, которые при его жизни появились в русском переводе^[224]. Они охватывают не только события путешествия в Сибирь, но также выдержки из «Картин природы» (1808, 1826, 1849). Среди них: «Странствование Гумбольдта по степям и пустыням Нового Света» (1818), «О водопадах реки Ориноко» (1818), «Каксамарка и южное море с высоты Андов» (1852). С характерной для него глобальной перспективой Гумбольдт рассматривает Новый Свет в одном контексте со Старым: южноамериканские льянос и азиатские степи, Анды и Урал, миф Эльдorado и сибирские сокровища земных недр.

ПРОЧИЕ ОСНОВНЫЕ ТЕКСТЫ

Christoph Hein, *Die russischen Briefe des Jägers Johann Seifert* // *Einladung zum Lever Bourgeois*, Berlin-Weimar, 1980. S. 104–183.

Daniel Kehlmann, «Die Steppe» // *Die Vermessung der Welt*, Reinbek, 2005, S. 263–293, S. 289. Theo Piana/Horst Schönfelder, *Alexander von Humboldt. Ein deutscher Weltreisender und Naturforscher [Comic]*, Berlin (DDR), 1959. S. 32–37.

Gustav Rose, Reise nach dem Ural, dem Altai und dem Kaspischen Meere auf Befehl Sr. Majestät des Kaisers von Russland im Jahre 1829 ausgeführt von A. von Humboldt, G. Ehrenberg und G. Rose. Mineralogisch-geognostischer Theil und historischer Bericht der Reise, 2 Bde., Berlin, 1837/1842.

M. Z. Thomas [Thomas Michael Zottmann], «Quer durch Asien» // Draußen wartet das Abenteuer. Alexander von Humboldt und sein Freund Aimé Bonpland auf kühner Fahrt ins Unbekannte, München, 1957. S. 242–248.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Aaron Sachs, The Humboldt Current. Nineteenth-Century Exploration and the Roots of American Environmentalism, New York, 2006. S. 73–108.

Alexander von Humboldts Reise durchs Baltikum nach Rußland und Sibirien 1829, aufgezeichnet von Hanno Beck, Stuttgart/Wien/Bern, 1983.

Andrea Wulf, «Russia» // The Invention of Nature. Alexander von Humboldt's New World, New York, 2015. S. 201–216.

Christian Suckow, ««Dieses Jahr ist mir das wichtigste meines unruhigen Lebens geworden». Alexander von Humboldts russisch-sibirische Reise im Jahre 1829» // Alexander von Humboldt. Netzwerke des Wissens, Berlin, 1999. S. 161–177.

Christian Suckow, «Alexander von Humboldt und Rußland» // Alexander von Humboldt – Aufbruch in die Moderne, hrsg. von Ottmar Ette, Ute Hermanns, Bernd M. Scherer und Christian Suckow, Berlin, 2001. S. 247–264.

Douglas Botting, Humboldt and the Cosmos, New York etc., 1973. P. 238–252.

Hanno Beck, Alexander von Humboldt, 2 Bde., Wiesbaden, 1959/1961. Bd. 2. S. 88–159.

Hanno Beck, «Graf Georg von Cancrin und Alexander von Humboldt» // Alexander von Humboldt 14.9.1769 – 6.5.1859. Gedenkschrift zur 100. Wiederkehr seines Todestages, hrsg. von der Alexander von Humboldt-Kommission der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Berlin (DDR), 1959. S. 69–82.

Hermann Klencke, Alexander von Humboldt. Ein biographisches Denkmal. Leipzig, 1851. S. 123–141.

Hermann Kletke, Alexander von Humboldt's Reisen in Amerika und Asien, 4 Bde., Bde. 3 und 4: Alexander von Humboldt's Reisen im europäischen und asiatischen Rußland, Berlin, [⁴1854–1856].

Horst Fiedler/Ulrike Leitner, Alexander von Humboldts Schriften. Bibliographie der selbständig erschienenen Werke, Berlin, 2000. S. 348–365.

Kurt-R. Biermann, «Aus der Vorgeschichte der Pläne Alexander von Humboldts für eine russisch-sibirische Forschungsreise» // Zeitschrift für geologische Wissenschaften 4:2 (1976). S. 331–336.

Kurt-R. Biermann, Alexander von Humboldt, Leipzig, 1990. S. 69–81.

Kurt-R. Biermann/Ilse Jahn/Fritz G. Lange, Alexander von Humboldt. Chronologische Übersicht über wichtige Daten seines Lebens, Berlin (DDR), 1968. S. 51–57.

Kurt-R. Biermann/Christian Suckow, «Aus dem Nachlaß Alexander von Humboldts: Jan Witkiewicz» // Berliner Jahrbuch für osteuropäische Geschichte, 2: Sibirien: Kolonie – Region, Berlin, 1996. S. 189–198.

Kurt Schleucher, Alexander von Humboldt. Der Mensch – Der Forscher – Der Schriftsteller, Darmstadt, [1984]. S. 355–406.

Manfred Geier, Die Brüder Humboldt. Eine Biographie, Reinbek, 2009. S. 289–297.

Natal'ja Georgievna Suchova, «Alexander von Humboldt in der russischen Literatur. Eine annotierte Bibliografie» // Alexander von Humboldt und Russland. Eine Spurensuche, hrsg. von Kerstin Aranda, Andreas Förster und Christian Suckow, Berlin, 2014. S. 411–503.

Nicolaas A. Rupke, Alexander von Humboldt. A Metabiography, Chicago/London, 2008 [2005]. P. 21f.

Oliver Lubrich, «Die andere Reise des Alexander von Humboldt» // Alexander von Humboldt, Zentral-Asien, Frankfurt a. M., 2009. S. 845–885.

Oliver Lubrich, «Von Amerika nach Asien. Zehn Thesen über die <andere Reise> des Alexander von Humboldt», in: Ost-westliche Kulturtransfers. Orient – Amerika, hrsg. von Alexander Honold, Bielefeld, 2011. S. 111–132.

Ottmar Ette, «Alexander von Humboldts Briefe aus Russland – Wissenschaft im Zeichen ihres Erlebens» // Alexander von Humboldt,

Briefe aus Russland 1829, hrsg. von Eberhard Knobloch, Ingo Schwarz und Christian Suckow, Berlin, 2009. S. 13–36.

Peter Honigmann, «Alexander von Humboldts Journale seiner russisch-sibirischen Reise 1829» // Humboldt im Netz 15:28 (2014). S. 68–77.

Tobias Kraft, «Das Russisch-Sibirische Reisewerk» // Alexander von Humboldt Handbuch. Leben – Werk – Wirkung, hrsg. von Ottmar Ette, Stuttgart, 2018. S. 59–72.

(Подробную библиографию см.: Zentral-Asien, Frankfurt a. M., 2009. S. 900–918.)

notes

Примечания

1

Округленные данные по: Helmut Kahnt, Bernd Knorr. Alte Maße, Münzen und Gewichte. Mannheim etc., 1987.

Егор Францевич (Георг Людвиг) Канкрин (1774–1845), русский государственный деятель и экономист немецкого происхождения, генерал от инфантерии, министр финансов России в 1823–1844 гг.

3

Кордова (Кордоба) – провинция на северо-западе Аргентины.

Христиан Готфрид Эренберг (1795–1876), немецкий естествоиспытатель и путешественник, зоолог, геолог, ботаник, иностранный член Петербургской академии наук.

Густав Розе (1798–1873), немецкий ученый-минералог и геолог, иностранный член Петербургской академии наук.

Дмитрий Степанович Меньшенин (1791–?), горный инженер, чиновник разных поручений Горного департамента, впоследствии уральский берг-инспектор, горный начальник Пермских казенных заводов, член Горного совета и Горного ученого комитета, редактор «Горного журнала».

Мы покинули Петербург 20 мая и вернулись обратно 15 ноября. В указанные более чем 2000 географических миль (15 градусов), преодоленные нами за это время, не включены более мелкие поездки с отдельных заводов и шахт, притом что и они бывали весьма значительны (здесь и далее курсивом выделены авторские примечания Розе. – Прим. ред.).

Имеется в виду Богословский заводский поселок, центр одноименного казенного горного округа (ныне г. Карпинск).

Фридрих Вильгельм Кристиан Карл Фердинанд фон Гумбольдт (1767–1835), старший брат Александра фон Гумбольдта, немецкий филолог, философ, языковед, государственный деятель, дипломат. Осуществил реформу гимназического образования в Пруссии, в 1809 г. основал университет в Берлине, был другом Гёте и Шиллера. Один из основоположников лингвистики.

Генрих Теодор фон Шён (1773–1856), прусский государственный деятель, обер-президент провинции Пруссия с центром в Кенигсберге.

Фридрих Вильгельм Бессель (1784–1846), немецкий математик и астроном, директор Кенигсбергской обсерватории.

Старшая дочь Вильгельма и Каролины фон Гумбольдт, Каролина Вильгельмина Мария (1792–1837).

Герман фон Гумбольдт (1809–1870), младший (восьмой) сын Вильгельма и Каролины фон Гумбольдт.

Иоб фон Вицлебен (1783–1837), генерал-адъютант и начальник личного военного кабинета прусского короля Фридриха Вильгельма III, затем военный министр Пруссии.

Совр. Лиелупе.

Совр. Даугава – Западная Двина.

Фридрих фон Шёлер (1772–1840), генерал от инфантерии, барон, прусский посланник в России.

Бертель Торвальдсен (1770–1844), знаменитый датский скульптор классического направления.

Карл Фридрих Шинкель (1781–1841), немецкий архитектор, по предложению Вильгельма фон Гумбольдта в 1811 г. был назначен руководителем Прусской строительной депутации, курировавшей строительство зданий в Берлине, руководил перестройкой дворца Гумбольдтов в Тегеле.

Название главного салона эпохи Берлинского Просвещения, который посещали Лессинг, Мозес Мендельсон, Александр фон Гумбольдт и многие другие ученые.

Иоганн Кристоф Вёрманн (1784–1843), прусский генеральный консул в Риге.

Фридрих Карл Герман Крузе (1790–1866), профессор истории Дерптского университета.

Мориц Федорович Энгельгардт (1778–1842), профессор минералогии и геологии Дерптского университета, в 1826 г. совершил путешествия на Урал и в Забайкалье.

Карл Фридрихович Ледебур (1785–1851), профессор естественной истории Дерптского университета, в 1826 г. совершил путешествие на Алтай и в Восточный Казахстан, собрал ботаническую коллекцию.

Иоганн Фридрих Эшшольц (1793–1831), профессор анатомии Дерптского университета, вместе с немецким писателем и естествоиспытателем Альбертом Шамиссо в 1815–1818 гг. участвовал в кругосветном плавании на бриге «Рюрик» под командованием капитана О. Е. Коцебу, собирал коллекции и проводил научные наблюдения.

Василий Яковлевич Струве (1793–1864), профессор астрономии Дерптского университета, затем первый директор Пулковской обсерватории под Петербургом.

Иоганн Зайферт (1800–1877), камердинер, сопровождавший А. фон Гумбольдта в путешествии по России.

Масленичные и пасхальные гулянья, проходившие на Адмиралтейской площади Петербурга и перенесенные впоследствии на Царицын луг (Марсово поле) в связи с устройством Александровского сада (1874). Тогда же была устроена Адмиралтейская набережная, открывшая сквозной проход вдоль Невы.

Фридрих Вильгельм (1795–1861), кронпринц, старший сын Фридриха Вильгельма III, с 1840 г. король Пруссии Фридрих Вильгельм IV.

Фридрих Вильгельм III (1770–1840), с 1797 г. король Пруссии из династии Гогенцоллернов.

Мария-Маргарита (фон) Вильдермет (1777–1839), швейцарская гувернантка, затем фрейлина императрицы Александры Федоровны, супруги Николая I, урожденной принцессы Фридерики Луизы Шарлотты Вильгельмины Прусской, дочери Фридриха Вильгельма III.

Август фон Гедеман (1785–1859), прусский генерал, муж дочери Вильгельма и Каролины фон Гумбольдт Адельгейд фон Гумбольдт (Гедеман) (1800–1856).

Имеется в виду смерть Каролины фон Гумбольдт (1766–1829), супруги брата Вильгельма.

Людвиг Фридрих фон Массов (1794–1859), гофмаршал кронпринца Фридриха Вильгельма, будущего Фридриха Вильгельма IV, директор королевских парков.

Иоганн Петер Фридрих Ансильон (1767–1837), прусский государственный деятель, историк и философ, воспитатель кронпринца Фридриха Вильгельма, позднее министр иностранных дел.

Фридрих Казимир Элиас Эйхлер фон Ауритц/Аурих (1768–1829), прусский офицер, друг семьи Гумбольдт, скончался 18.04.1829.

Иоганн Непомук Руст (1755–1840), австрийский медик, профессор Берлинского университета, руководитель клиники в больнице Шарите в Берлине.

Петр Федорович Соколов (1787–1848), русский художник-акварелист.

Александр Иванович Чернышев (1785–1857), с 1827 г. управлял Военным министерством России.

Иоганн Генрих Готфрид Гольдбек (1760–1831), прусский обер-почт-директор, с 1812 г. на пограничном почтамте в Мемеле.

Анри-Прюданс Гамбе (1787–1847), парижский изобретатель и мастер по изготовлению точных инструментов. А. фон Гумбольдт пользовался его инструментами для измерения земного магнетизма.

Авраам или Йозеф Мендельсон, берлинские банкиры.

Константин Яковлевич Булгаков (1782–1835), русский дипломат, московский и петербургский почт-директор.

Подразумевается Греческая революция (война за независимость)
1821–1829 гг.

Здесь и далее под «киргизами» или «киргиз-кайсаками» подразумевается этноним, включавший в XIX в. как казахские, так и большинство киргизских родов. «Каракиргизами» именовались собственно киргизы.

Сэр Уильям Эдвард Парри (1790–1855), английский контр-адмирал, исследователь Арктики.

Ошибка в оригинале или ошибка прочтения в публикации писем Гумбольдта. Вероятно, подразумеваются Турьинские рудники (ныне Краснотурьинск), где с 1823 г. добывалось золото. Встречающиеся в тексте написания типа «Богословск», «Нижнетагильск» подразумевают казенные или частные заводские поселки, называвшиеся Богословский завод, Нижнетагильский завод и т. п. Это включало в себя и предприятия, и возникшие вокруг заводов поселения.

Пропуск в оригинале.

Александр Фридрих Карл Вюртембергский (1771–1833), герцог, брат императрицы Марии Федоровны, супруги Павла I, почетный член Петербургской академии наук и Петербургского минералогического общества.

Вся эта тщета славы (*фр.*).

Готтлоб Иоганн Христиан Кунт (1757–1829), воспитатель братьев Гумбольдт. Дядя Карла Сигизмунда Кунта (1788–1850), ботаника, сотрудника А. фон Гумбольдта в работе над ботаническими коллекциями, собранными в путешествии по Америке.

Адельхейд фон Гедеман, урожд. фон Гумбольдт (1800–1856), дочь Каролины и Вильгельма фон Гумбольдт, племянница Александра фон Гумбольдта, с 1815 г. замужем за Августом фон Гедеманом.

Немецкая калька французского выражения *les délices de Capoue*, подразумевающего эпизод Карфагенских войн: во время вторжения в Италию Ганнибал вместо похода на Рим предпочел дать своему войску возможность отдохнуть, проведя зиму в Капуе, что, вероятно, предопределило поражение карфагенян.

Иоганн Готхельф (Григорий Иванович) Фишер фон Вальдгейм (1771–1853), российский ученый немецкого происхождения, друг юности А. фон Гумбольдта, декан физико-математического факультета Московского университета.

Христиан Иванович Лодер (1753–1832), профессор медицины Московского университета.

Эмилия Каролина Зайферт (1801–?), супруга камердинера Гумбольдта Иоганна Зайферта.

Йозеф Христиан (Иосиф Христианович) Гамель (1788–1862), российский ученый немецкого происхождения, академик Петербургской академии наук.

Карл Федорович Фукс (1776–1846), медик, ботаник, этнограф, историк, археолог и нумизмат. Профессор и ректор (1823–1827) Казанского университета.

Ошибка в оригинале; вероятно, подразумевается Иван Михайлович Симонов (1795–1855), русский астроном, участник кругосветной экспедиции Беллинсгаузена и Лазарева, позднее ректор Казанского университета.

Михаил Николаевич Мусин-Пушкин (1795–1862), военный и общественный деятель, в 1827–1845 гг. попечитель Казанского учебного округа.

Адольф Антонович Полье (1795–1830), граф, церемониймейстер, с 1826 г. муж владелицы Лысьвенских заводов на Урале графини Варвары Петровны Шуваловой (урожденной княжны Шаховской).

Герцогиня Клер де Дюра (1777–1828), французская писательница.

Вероятно, подразумевается т. н. башня Сююмбике в Казанском кремле.

Болгар (Булгар) – бывшая столица Волжской Булгарии, с 1240 г. по конец XIII в. Золотой Орды, резиденция ханов Батыея и Менгу-Тимура, но не Чингисхана и Тимура (Тамерлана).

Горец птичий, или спорыш, т. н. «травя-мурава».

Или *malva pusilla* – мальва приземистая, или просвирник круглолистный.

Вероятно, Иоганн Франц Энке (1791–1865), немецкий астроном, в 1825–1862 гг. директор Берлинской обсерватории, член-корреспондент Петербургской академии наук.

Здесь и далее использованы фрагменты описания Розе путешествия в пределах Урала, переведенного на рус. яз., а также комментарии к нему: *Путешествие* 1873. Некоторые фрагменты текста Розе в переводе на русский язык приводятся по: *Любрих* 2019.

В русском переводе 1873–1875 гг. переведено как «осины» (*Zitterpappel*), поскольку «настоящий тополь (*Pappel*) в лесах около Казани не встречается» (*Путешествие* 1873, 2). То же касается в дальнейшем описания лесов Урала.

*Но не могу и не упомянуть здесь о домашнем насекомом, с которым мы впервые познакомились здесь, поскольку до тех пор проводили лишь немногие ночи в домах, и которое мы встречали затем почти во всех домах в Сибири. Это тараканы (*blatta orientalis*). Хотя дом, в котором мы жили, был, конечно, одним из лучших в Екатеринбурге и не оставлял желать ничего лучшего относительно чистоты и опрятности, однако и тут их было весьма много. Они бегали по полу комнат с особым шелестом, преимущественно вечером, когда зажигался огонь. Хотя они и не причиняют никакого вреда, все же непривычному довольно неприятно видеть этих крупных темно-бурых тварей, столь бесцеремонно разгуливающих по комнатам.*

Линнея северная, низкорослый кустарник.

Разновидности венериного башмачка.

Леопольд фон Бух (1774–1853), немецкий геолог, друг юности А. фон Гумбольдта.

Упомянуты екатеринбургские купцы-золотопромышленники из родов Харитоновых и Яковлевых. Последний, вероятно, Алексей Иванович Яковлев (1768–1849), владевший вместе с братом Александром несколькими уральскими заводами.

Здесь и далее подразумевается начальник казенного горного округа.

Имеются в виду Верх-Исетские заводы, принадлежавшие тогда корнету Алексею Ивановичу Яковлеву.

Билимбаевский завод в составе Пермского нераздельного имения принадлежал графине Софье Владимировне Строгановой.

Нижнешайтанский завод принадлежал московскому купцу Ивану Матвеевичу Ярцову.

Иван Константинович Кокшаров, горный инженер, управляющий казенными Березовскими золотыми промыслами.

Федор Иванович Фелькнер (1803–1877), горный инженер, в те годы работал на Березовских промыслах, впоследствии главный начальник уральских горных заводов.

Гавриил Александрович Качка, горный инженер, в те годы помощник смотрителя Екатеринбургской золотопромывательной фабрики.

Имеется в виду Горнощитский мраморный завод и карьер.

Здесь и далее в оригинале употребляется этот вариант названия Нижнетагильского заводского поселка, центра одноименного горнозаводского округа Демидовых.

Имеется в виду Кушвинский заводский поселок, центр казенного Гороблагодатского горного округа.

Вогул поделился своим открытием, привлеченный вознаграждением, обещанным русскими властями за обнаружение рудных месторождений, но должен был из-за этого заплатить жизнью. Из-за переселения русских стали исчезать леса и ушла дичь, которой ранее хватало для безбедного существования воголов, прежних жителей этих мест. Поэтому вместе с дичью они ушли в северные, еще не тронутые русскими местности, но прежде из мести сожгли заживо на вершине горы Благодать своего соплеменника, имевшего неосторожность вернуться к ним. На месте сожжения в память его установлена чугунная тумба с надписью.

Август Христиан Фридрих Шмидт, минералог и горный инженер, выпускник Горной академии во Фрайберге, управляющий Крестовоздвиженскими золотыми промыслами графини В. П. Полье.

Очевидно, река Corrego das Lajes в «алмазном» штате Минас-Жерайс (Minas Gerais), Бразилия.

Ныне г. Диамантина (старое название Тижуку (Tijucu)), штат Минас-Жерайс, Бразилия.

Fragments de géologie et de climatologie asiatiques. Vol. 1–2. Paris, 1831.

Николай Родионович Мамышев (1777–1840), горный инженер, первооткрыватель месторождений платины на Среднем Урале.

Этот алмаз находится ныне в Королевском минералогическом собрании в Берлине. При начале нашей экспедиции г-н фон Гумбольдт считал открытие уральских алмазов столь вероятным и скорым, что на прощальной аудиенции у Ее Величества императрицы шутя заметил: «я не появлюсь следующий раз перед Ее Величеством без русских алмазов». По случаю до нашего возвращения в Петербург в ноябре драгоценные камни Полье успел увидеть только император, и г-н фон Гумбольдт имел счастье первым продемонстрировать императрице алмаз, хранящийся теперь в Берлине.

Правильно: Кырья. Речь идет о так называемом Бабиновском тракте из Европейской России в Сибирь, проложенном в конце XVI в.

Нижнетури́нский заводский посёлок, входил в состав казенного Гороблагодатского горного округа (ныне город Нижняя Тура).

Петр Симон Паллас (1741–1811), немецкий естествоиспытатель и путешественник, член Петербургской академии наук, в 1768–1774 гг. руководил научной экспедицией по России, в том числе Уралу. Результаты экспедиции были обобщены в его труде «Путешествие по разным провинциям Российского государства» (СПб., 1773–1788).

Максим Михайлович Походяшин (1708–1781), верхотурский купец, основатель Богословских заводов.

Карликовая жимолость.

Вероятно, *Atragene (clematis) alpina ssp. sibirica* (княжик сибирский, или дикий хмель).

Ночная фиалка.

Синюха лазоревая.

Пустельга и кобчик.

В современной латинской номенклатуре – луговой чекан, а не каменка обыкновенная (*Steinschmätzer*), как в немецком тексте Розе.

В современной номенклатуре не совпадает ни с одним видом. Возможно, подразумевается каменный воробей, устаревшее латинское название которого (*Fringilla petronia*) родственно зяблику (*Fringilla*).

В оригинале *Mücken*, что может обозначать как комаров, так и мошек.

Иоб фон Вицлебен, см. выше.

Имеется в виду возобновившееся в 1830 г. участие Вильгельма фон Гумбольдта в заседаниях Государственного совета Пруссии и руководство учредительной комиссией по созданию новой картинной галереи, нынешнего Старого музея (Altes Museum) на Музейном острове в Берлине, построенного К. Ф. Шинкелем, о котором идет речь далее.

Огюст де Форбен (1777–1841), директор королевских музеев во Франции.

Карл фон Брюль (1772–1837), граф, в 1815–1828 гг. генеральный директор Королевского театра в Берлине, с 1830 г. генеральный директор музеев в Берлине.

Даниэль Людвиг Альбрехт (1765–1835), тайный придворный советник Фридриха Вильгельма III; Иоб фон Вицлебен (см. выше); Вильгельм Людвиг фон Сайн-Витгенштейн-Хоэнштейн (1770–1851), прусский обер-камергер.

Курорт в Австрии, куда ездил со своей больной супругой Каролиной Вильгельм фон Гумбольдт.

Нижнетагильский горнозаводский округ с открытыми там платиновыми приисками принадлежал в то время Павлу Николаевичу и Анатолию Николаевичу Демидовым.

Павел Дмитриевич Соломирский (1801–1870), ротмистр лейб-гвардии Гусарского полка, внебрачный сын совладелицы Сысертского горнозаводского округа Натальи Алексеевны Колтовской (урожд. Турчаниновой). Видимо, в 1829 г. находился на Урале после участия в похищении графом П. К. Ферзенем своей невесты графини О. П. Строгановой.

Густав Федорович (Густав Фридрих) Гельм (1781–?), химик, аптекарь Екатеринбургского горного округа.

Николай Иванович Мундт (1780–1836), бывший управитель Екатеринбургского монетного двора, помощник горного начальника Екатеринбургского горного округа.

Андрей Иванович Вейц (1799–?), горный инженер, берг-пробирер Екатеринбургского округа, его брат Иван Иванович Вейц, горный инженер, чиновник Уральского горного правления.

Алоис Хирт (1759–1837), немецкий историк искусства и археолог.

Карл Фридрих фон Румор (1785–1843), немецкий художник, литератор, историк искусства, коллекционер и меценат.

Иоганн Кристоф Винкель (1790–1842), камердинер Вильгельма фон Гумбольдта, с 1830 г. служащий музея.

Прусская правительственная газета «Allgemeine Preußische Staats-Zeitung».

Супруг (*um.*).

Григорий Карлович Криденер (Крюденер), губернский прокурор в
Тобольске, отец художника В. Г. Перова.

Иван Александрович Вельяминов (1771–1837), в 1827–1834 гг.
генерал-губернатор Западной Сибири.

Жан Шапп д'Отрош (1722–1769), французский астроном и путешественник, в 1761 г. проводил научные наблюдения в Тобольске.

В «Страданиях юного Вертера» И. В. Гёте жениха главной героини, Лотты, зовут Альберт.

Федор Васильевич Геблер (1781–1850), заведующий медицинской и фармацевтической частью Кольвано-Воскресенского горного округа.

Петр Козьмич Фролов (1775–1839), горный инженер, начальник Колывано-Воскресенских заводов и томский гражданский губернатор.

Так в оригинале. Вероятно, имеются в виду скифские гробницы.

До сих пор до нас не доходило никаких известий о таком городе
(лат.).

Имеется в виду П. К. Фролов.

Дмитрий Николаевич Ермолов (1805–1872), адъютант И. А. Вельяминова, сопровождал А. фон Гумбольдта в его путешествии по Сибири.

Александр Наркизович Литвинов (1796–1839), генерал-майор, начальник штаба Отдельного Сибирского корпуса.

Юлиус Генрих Клапрот (1783–1835), немецкий востоковед и путешественник, автор трактата «Asia polyglotta» (1823), где была представлена новая классификация восточных языков.

Фотий Ильич Швецов (1805–1855), горный инженер, учился в Парижской горной школе, впоследствии управляющий Нижнетагильскими заводами по технической части.

Пьер Бертье (1782–1861), горный инженер, профессор Парижской горной школы.

Жан-Батист Буссенго (1802–1887), французский химик, в 1822 г. по рекомендации А. фон Гумбольдта совершил путешествие в Южную Америку, где изучал геологические особенности Анд.

Билимбаевский заводский поселок относился к Пермскому нераздельному имению Строгановых (ныне поселок Билимбай).

Кыштымский заводский поселок, центр одноименного горнозаводского округа М. Л. Харитоновой и Е. Л. Зотовой (ныне город Кыштым).

Устаревшее латинское обозначение культурного сорго.

Киргизские юрты представляют собой круглые шатры, состоящие из каркаса, на который натягиваются войлочные покрывала; сверху у них закрывающееся отверстие для вытяжки дыма и другое сбоку – для входа и выхода.

Кристофер Ханстен (1784–1873), норвежский астроном и физик, в 1828–1829 гг. возглавлял магнитометрическую экспедицию в Сибирь.

Георг Адольф Эрман (1806–1877), немецкий путешественник, физик, ботаник, участник экспедиции К. Ханстена.

Луи де Фрейсине (1779–1841), французский мореплаватель.

Жозеф Луи Гей-Люссак (1778–1850), французский химик и физик, проводивший совместные эксперименты с А. фон Гумбольдтом.

Некоторые из племен этой орды даже напрямую подчинились русским, что повлекло за собой основание на их землях [...] русских поселений Каркаралы и Александровска.

Василий Иванович де Сент-Лоран (1772–1835), в 1827–1835 гг. начальник Омской области.

Адольф Андреевич Агте (1775–1832), горный инженер, в 1826–1831 гг. горный начальник Златоустовского горного округа, впоследствии уральский берг-инспектор.

Август Фридрих Александр фон Эверсман (1759–1837), немецкий минералог и металлург, основатель и первый директор Златоустовской оружейной фабрики.

Миасский заводский поселок входил в состав казенного Златоустовского горного округа (ныне город Миасс).

Эрнест Карлович Гофман (1801–1871), геолог и путешественник, впоследствии профессор Петербургского университета, член Горного ученого комитета.

Григорий Петрович Гельмерсен (1803–1885), горный инженер, геолог, впоследствии директор Горного института, член Горного совета и Горного ученого комитета.

По счастью, потеря барометра оказалась не столь критической, как казалось вначале. Хотя мы не могли провести измерение высоты на вершине горы, таковое и не понадобилось, поскольку эта высота уже была определена в предыдущем году проф. Купфером, а для оставшейся части путешествия сыграло роль удачное обстоятельство: утром того же дня г-н фон Гумбольдт сравнивал свой барометр с барометром г-на Гофмана и убедился в совпадении их показаний. Так как г-н Гофман уже закончил свои исследования на южном Урале и, не прибавь мы сюда, уже возвращался бы в Петербург, он охотно предоставил свой барометр в наше распоряжение, благодаря чему, несмотря на этот несчастный случай, мы получили возможность вести барометрические наблюдения и в продолжение путешествия.

Очевидно, имеется в виду бассейн реки Миасс, к которому относилась речка Ташкутарганка.

Осип Самойлович? Осипов (1775–?), горный инженер, начальник казенного Екатеринбургского горного округа.

Петр Иванович Порозов (1792–1843), горный инженер, управляющий Миасским заводом, обер-гиттенфервальтер (*Анучин* 1915, ХСVII), впоследствии уральский берг-инспектор.

Павел Петрович Аносов (1796–1851), горный инженер, выдающийся ученый-металлург, управляющий Златоустовской оружейной фабрикой, впоследствии горный начальник казенных Златоустовских заводов, Алтайских горных заводов.

Иван Романович Лисенко (1806–?), горный инженер, смотритель рудника, впоследствии директор Златоустовской оружейной фабрики, горный начальник казенного Пермского горного округа.

В 1807 г. Берг-коллегия была преобразована в Департамент горных и соляных дел Министерства финансов.

Среди них находился молодой поляк по имени Ян Виткевич. Я упоминаю о нем, так как в последнее время его имя привлекло к себе внимание общественности. Ранее он был воспитанником гимназии в Кроже Виленской губернии, но 14-летним юношей с несколькими своими товарищами по политическим причинам еще при жизни императора Александра I сослан в Орск и осужден к отдаче в рядовые казаки без права выслуги. Виткевич использовал свободное время в Орске для того, чтобы выучить восточные языки, особенно тюркско-киргизский диалект, персидский и арабский, для чего там имелись возможности, и в короткое время хорошо овладел ими. Вероятно, поскольку и с восшествием на трон Николая I для него не открывалось никаких шансов на улучшение своей участи, он имел намерение при первой возможности сбежать в киргизские степи и таким путем отправиться в Европу. Г-н Гумбольдт, услышавший в Орске об этих юных поляках и под впечатлением от их несчастной судьбы, ходатайствовал по возвращении в Петербург о троих из них. Ходатайство имело счастливые последствия. Виткевич был сначала переведен в Оренбург в Пограничную комиссию, а затем в чине капитана послан через Бухару в Кабул и прикомандирован к русскому посольству в Персии при г-не Симониче. При этом в Афганистане Виткевич познакомился со знаменитым путешественником сэром Александром Бёрнсом, посланником английского правительства. Через некоторое время Виткевич был отозван через Тифлис из Персии, так как российское правительство не одобрило тамошние переговоры. Едва прибыв в Петербург, в начале 1840 г. талантливый молодой человек, видимо под воздействием оскорбленного самолюбия, покончил жизнь самоубийством.

Подобный же эскорт получил накануне и г-н Гумбольдт, как и каждый путешественник на Средней Уральской линии, так как граница между Орском и Оренбургом – одна из самых небезопасных в Российской империи. Киргизы, населяющие степи южнее и западнее Уральской линии и принадлежащие к Малой орде, переправляясь за реку Урал, похищают людей и скот. Первых они продают хивинцам на юге Аральского озера, которые ценят русских как хороших работников на своих обширных работах по постройке каналов в оазисе Аму-Дарьи и поэтому дорого за них платят. Поэтому соседство с Хивой – одна из главных причин враждебных отношений на границе. Говоря, что в Хиве в неволе страдают до 6 тысяч русских; сбегать почти невозможно, так как они отделены от отечества степями. Чтобы немедленно узнавать о нападениях киргизов, между редутами и крепостями линии там и тут сооружены деревянные вышки (так называемые маяки, несколько усеченные вверху пирамиды из деревянных балок с внешней лестницей наверх). На них поставлены караулы, которые должны сообщать обо всех изменениях в степи в ближайшие крепости, высылая гонцов или разводя сигнальные костры. Помимо казаков, служить на форпостах на Средней Уральской линии обязаны также башкиры: вместо выплаты дани ранее они выставляют теперь за свой счет 15 тысяч человек для несения этой полевой службы.

Вероятно, Красногорская крепость (станция).

Егор Николаевич Тимашев (1791–?), наказной атаман Оренбургского казачьего войска.

Петр Васильевич Сушков (1783–1855), в 1826–1833 гг. начальник таможенного округа в Оренбурге.

Петр Кириллович Эссен (1772–1844), генерал от инфантерии, оренбургский генерал-губернатор.

Григорий Федорович (Георг Герхард) Генс (1787–1845), в 1829 г. имел чин полковника (см. далее), генерал-майор с 1834 г., председатель Оренбургской пограничной комиссии – органа управления киргиз-кайсаками (казахами) в 1799–1859 гг.

Ныне д. Юлук Баймакского р-на, Башкирия.

Пьер-Андре Латрей (1762–1833), французский энтомолог.

Гумбольдт, очевидно, смешал Карина с естествоиспытателем Григорием Силычем Карелиным (1801–1872), см.: *Анучин* 1915, СХVII.

Григорий Никонорович Струков (1771–1846), управляющий казенным Илецким соляным промыслом.

Давыд Мартемьянович Бородин (1760–1830), в 1798–1823 и 1827–1830 гг. войсковой и наказной атаман Уральского казачьего войска.

Александр Борисович Голицын (1792–1865), князь, в 1826–1830 гг. саратовский губернатор.

Контора опекунства иностранных поселенцев в Саратове (1766–1782, 1797–1877 гг.).

Ныне с. Волково Марковского района Саратовской области.

Ныне г. Маркс Саратовской обл.

173

Минерализованное озеро, где казной велась добыча самосадочной соли.

Вероятно, Карл Федорович Энгельке (1787–?), член Саратовской конторы опекунства иностранных поселенцев, впоследствии тобольский гражданский губернатор.

Генрих Август Цвик (1796–1855), в 1822–1830 гг. лютеранский пастор в Сарепте, путешественник, этнограф, археолог, коллекционер, занимавшийся миссионерской деятельностью среди калмыков, автор книги «Reise von Sarepta in verschiedene Kalmücken-Horden des Astrachanischen Gouvernements im Jahr 1823» (1827).

Видимо, Карл Вундерлих (1808–1855), аптекарь сарептской общины.

Христиан Гамель, отец известного ученого-химика, члена Петербургской академии наук И. Х. Гамеля (1788–1862), уроженца Сарепты.

Татарские руины находятся по всему берегу Ахтубы, они подробно описаны Палласом в его старых и новых Путешествиях (экспедиция 1768–1774 и путешествие 1793–1794 гг., нашедшие отражение в трудах Палласа «*Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs*» (СПб., 1771–1801) и «*Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Rußischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794*» (Лейпциг, 1799–1801). – Прим. ред.). Самые большие развалины находятся рядом с деревней Заревка против Сарепты и далее южнее у местечка Селитряной городок (потому что ранее тут на руинах заложили селитряный завод) напротив Енотаевска; поэтому и те и другие считались попеременно развалинами Серая (Сарая) – ханской резиденции Золотой Орды. Согласно Палласу и Миллеру, место на севере было, возможно, летней резиденцией, а другое – зимней резиденцией ханов, предположение, которое бы примирило между собой в остальном противоречивые сведения древних писателей о Сарае. Большинство развалин не представляет собой к настоящему времени ничего, кроме остатков стен из обожженного кирпича и разного размера груд черепицы, которые часто окружены погребальными холмами, называемыми курганами. Согласно Палласу, все сохранившиеся руины представляют собой не жилые помещения, но исключительно мусульманские молельные дома или могилы с надстроенными часовнями или окруженные стенами. Ибо кочевая нация, какой была Золотая Орда, безусловно, чувствовала бы себя в домах столь же неуютно, как и нынешние калмыцкие ханы и князья, несмотря на то что для последних заложили крепость Енотаевск и устроили им там дома.

Странак (Стронак, Стрейнек) – чиновник британского (шотландского) происхождения, командированный астраханским губернатором А. С. Осиповым для сопровождения Гумбольдта и его спутников при их путешествии по губернии.

Бхикшу, или гелонг – высшая степень монашеского посвящения в буддизме.

Ранее население Астрахани было более значительным, еще век назад оно достигало 70 тысяч. За последние столетия судьба города была переменчивой. До завоевания русскими при царе Иване Васильевиче в 1554 г., через два года после взятия Казани, Астрахань стояла на другом месте – вероятно, в 10 верстах вверх по Волге – и лишь затем перенесена на нынешнее. При Лжедмитрии город был разграблен, в 1670 г. его захватили и опустошили восставшие донские казаки под предводительством Стеньки Разина, в 1692–1693 гг. тут бушевала чума, жертвой которой стало 16 тысяч человек. В 1705 г. Астрахань пострадала от стрельцов, в 1719 г. разграблена персами, в 1767 г. частично уничтожена пожаром.

Живут здесь и евреи, но немного, так как они не могут выдержать конкуренцию с многочисленными армянами, которые, по сообщениям всех путешественников, схожи с ними по характеру.

Иоганн Фридрих (Федор Христофорович) Эрдман (1778–1846), терапевт, профессор Казанского и Дерптского университетов, автор трехтомного труда «Beiträge zur Kenntniss des Innern von Russland» (Рига; Дерпт; Лейпциг, 1822–1826).

Совр. Мултан, столица провинции Пенджаб в Пакистане, расположен на притоке Инда р. Ченэб.

Самуил Готлиб Гмелин (1744–1774), немецкий путешественник и натуралист на русской службе, автор «Reise durch Russland zur Untersuchung der drei Naturreiche» (СПб., 1770–1784. Ч. 1–4).

Дмитрий Петрович Евреинов, мологский уездный предводитель дворянства, владелец одного из первых пароходов «Волга», построенного в 1820 г.

Иван Андреевич Варвакис (Варваций) (1745–1825), российский предприниматель греческого происхождения, занимавшийся рыбным промыслом в Астрахани.

Эта нечистоплотность происходит от склонности к лени, но способствует ей и религия калмыков. Так как по учению о переселении душ, в которое они верят, большим грехом является убийство живых тварей, то щадят по возможности и самых назойливых гостей. Даже если те слишком одолевают, их просто собирают, поэтому в кибитках таковых множество. При каждом визите у ламы, князя или какого-нибудь другого знатного калмыка во время своей поездки по калмыцким кочевьям Цвикк неизменно наблюдал, как они (паразиты. – Прим. ред.) забирались на него, а после каждого посещения калмыка в его шалаш всегда вселялось много новых квартирантов. Насколько калмыки доверительно относятся к этим ползающим насекомым, настолько же, как уверяет Цвикк, они боятся прыгающих и выражают свое отвращение к ним столь же сильно, как европейцы свое по отношению к дружащим с калмыками маленьким тварям.

Уж обыкновенный и полоз.

Апулийский тарантул.

Лопух большой.

Лебеда.

Полынь.

Крапива двудомная.

Ежевика кустистая.

Алексей Петрович Сапозников (1786–1852), астраханский купец, рыбопромышленник, городской голова Астрахани.

Куракины, Безбородко и Всеволожские были владельцами астраханских рыбных промыслов, береговой линии и морской акватории.

Лакхнау, ныне столица штата Уттар-Прадеш, Индия.

Имеется в виду Адрианопольский мир с Турцией, заключенный 2 (14) сентября 1829 г.

Сереб-Джаб (Серебджаб) Тюмень (1774–1858), калмыцкий князь, нойон Хошеутовского улуса, полковник, командир Второго калмыцкого полка в Отечественной войне 1812 г. и Заграничных походах русской армии.

Александр Степанович Осипов (1776 – после 1831) – сибирский почт-директор, тобольский и астраханский (1826–1831) гражданский губернатор.

Джангир (Джангер, Жангир) Букеев (1801–1845), старший сын хана Букея, с 1824 г. хан Внутренней (Букеевской) орды.

Хошеутовский хурул – буддийский храм, построенный в 1814–1817 гг., с прилегающими постройками, частично (без колоннад) сохранился, ныне с. Речное Астраханской обл.

Иван Егорович Паррот (1791–1841), естествоиспытатель и путешественник, в 1811 г. вместе с минералогом М. Ф. Энгельгардтом совершил путешествие по южной России, проводил измерения уровня Черного и Каспийского морей, изложенные в совместном с Энгельгардтом сочинении: «Reise in die Krim und den Kaukasus» (Berlin, 1815. Bd. 1–2).

Имеется в виду экспедиция, организованная Академией наук в 1836 г., в которой участвовали астрономы Е. Н. Фусс (1806–1854), А. Н. Савич (1810–1883) и Е. Е. Саблер (1810–1864).

Известный петербургский каретный мастер И. А. Иохим.

Евстафий Евстафьевич фон Штаден (1774–1845), в 1817–1830 гг. командир Тульских оружейных заводов.

См. комментарий: *Анучин* 1915, С. CIV–CVIII.

Пожалование ордена Св. Анны, см. ниже.

С 14 апреля 1829 г. для кавалеров ордена Св. Анны в качестве элемента, повышающего значение награды, была определена Императорская корона, помещавшаяся над крестами I и II степени и над медальоном орденской звезды.

Бисерский заводский поселок входил в состав Лысьвенского горнозаводского округа графини В. П. Полье.

Александр Николаевич (1818–1881), старший сын Николая I, цесаревич, с 1855 г. император Александр II.

Елена Павловна (урожденная принцесса Фредерика Шарлотта Мария Вюртембергская; 1807–1873), великая княгиня, супруга великого князя Михаила Павловича.

Михаил Павлович (1798–1849), великий князь, брат Николая I.

Светлейший князь Петр Михайлович Волконский (1776–1852), в 1826–1852 гг. министр императорского двора и уделов.

Иоганн Филипп Густав фон Эверс (1781–1830), профессор географии, статистики и русской истории, с 1818 г. ректор Дерптского университета, почетный член Петербургской академии наук.

Иоганн Карл Фридрих Людвиг фон Штокгаузен (1775–1843), прусский генерал-лейтенант, военный наставник, затем гофмаршал принца Альбрехта Прусского.

Альбрехт Прусский (1809–1872), четвертый сын короля Фридриха Вильгельма III.

Рус. пер. по: *Кельман Д.* Измеряя мир / Пер. Г. М. Косарик. М., 2016.

Московский Телеграф. 1829. Ч. 30. № 24. С. 423–431, здесь С. 428.

Alexander von Humboldt. Sämtliche Schriften (Aufsätze, Artikel, Essays). Berner Ausgabe. Hg. von Oliver Lubrich, Thomas Nehrlich. Bd. 1–10. München 2019, онлайн: <https://humboldt.unibe.ch>.

Парк Hasenheide (Заячья пустошь) в районе Берлина Нойкёльн.

Рус. изд.: Гумбольдт А. Ф.: Картины природы с научными объяснениями Александра Гумбольдта / Пер. с нем. с 3-го посл. изд. А. Н[азимова]; с предисл. проф. К. Ф. Рулье. М., 1862. – *Прим. К. А. Левинсона.*

См.: *Сухова Н. Г.* (сост.) Александр фон Гумбольдт в русской литературе. Аннотированная библиография. СПб., 2006.